

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»**

ВЕСТНИК

**Томского института повышения
квалификации работников
ФСИН России**

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

**№ 2 (20) / 2024
апрель – июнь**

**ежеквартальное
сетевое издание**

Сетевое издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-76076

Учредитель: федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний»

Адрес редакции и издателя:
634057, Томская обл., г. Томск,
ул. Говорова, 10
ФКУ ДПО Томский ИПКР
ФСИН России

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по научной специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки)

Все права защищены.
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакционной коллегии журнала

Плата за публикацию статей не взимается

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии

Требования к публикациям и полнотекстовые версии журнала:
<http://tifsin.ru/>

Главный редактор-С.М.Савушкин, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **А.И. Абагуров**, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России); **А.Г. Антонов**, доктор юридических наук, доцент (ФКОУ ВО Санкт-Петербургский университет МВД России); **В.В. Варинов**, кандидат педагогических наук, доцент (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России); **Д.В. Волошин**, кандидат педагогических наук (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **А.Ю. Вязигин**, кандидат педагогических наук (ФГБОУ ВО ТГПУ); **А.Я. Гришко**, доктор юридических наук, профессор (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина); **А.В. Диденко**, доктор медицинских наук, доцент (Томский НИМЦ РАН, НИИ психического здоровья); **А.А. Ефименко**, кандидат педагогических наук (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **В.К. Зникин**, доктор юридических наук, профессор (Кемеровский государственный университет); **В.В. Ким**, кандидат юридических наук, доцент (Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ); **А.М. Киселев**, доктор педагогических наук, доцент (Академия ФСИН России); **М.В. Киселев**, кандидат педагогических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **Н.Н. Кутаков**, кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России); **О.Е. Куренкова**, кандидат педагогических наук, доцент (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России); **Н.Б. Лелик**, кандидат педагогических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **Е.П. Молчанова**, кандидат психологических наук (ФГБОУ ВО ТГПУ); **А.А. Нуждин**, кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России); **А.А. Павленко**, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **О.М. Писарев**, кандидат психологических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России); **А.Б. Скаков**, доктор юридических наук, профессор (Костанайская академия МВД РК имени Ш. Кабылбаева); **П.В. Тепляшин**, доктор юридических наук, профессор (ФГКОУ ВО Сибирский юридический институт МВД России); **В.А. Уткин**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России (Национальный исследовательский ТГУ)

Ответственный секретарь редколлегии -
С.М. Савушкин, тел. (3822) 46-72-52, вн.10-24

Факс (3822) 46-74-91
E-mail: gurnaltomsk@gmail.com

Ответственный за выпуск: **С.М. Савушкин**
Технический редактор: **А.А. Мамонтова**

Дата выхода 28.06.2024

**Federal state institution of additional professional
education «Tomsk Institute of advanced training of
employees the federal penal service of Russia»**

BULLETIN

**THE TOMSK INSTITUTE
OF ADVANCED TRAINING
OF EMPLOYEES THE FEDERAL
PENAL SERVICE OF RUSSIA**

ONLINE EDITION

**No. 2 (20) / 2024
April – June**

**BULLETIN OF THE
TOMSK INSTITUTE OF ADVANCED
TRAINING OF EMPLOYEES THE
FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA**

**quarterly
online publication**

Is registered in Federal Service for
Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass
Communications of Russia
(Roskomnadzor). Certificate on registration of mass media
of PI No. FS77-76076

The founder of the online edition is Federal state
institution of additional professional education «Tomsk
institute of advanced training of employees of the Federal
Penal Service of Russia»

Edition and publisher address: 634057, Tomsk region,
Tomsk city,
Govorova str., 10

The exit schedule is 4 times a year

The journal is included in the List of peer-reviewed
scientific publications in which the main scientific results of
dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the
degree of Doctor of Sciences should be published
(in the scientific specialty 5.1.4. – criminal law sci-ences)

All rights reserved. The reprint of materials
is allowed only with the permission
of the editorial board of the online edition

The publication of articles is free

All articles undergo reviewing procedure
and don't return back

The authors' opinion can not coincide
with an editorial board's one

Requirements to publications and full text versions of the
online edition:
<http://tifsin.ru/>

THE EDITORIAL BOARD

S.M. Savushkin - the editor-in-chief, candidate of law, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia);
A.I. Abaturov, candidate of law, associate professor (the Kirov IPKR of the FPS of Russia);
A.G. Antonov, doctor of law, associate professor (St. Petersburg University of the MIA of Russia);
V.V. Varinov, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (KI of the FPS of Russia);
D.V. Voloshin, candidate of pedagogical Sciences (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **A.Yu. Vyzigin**, candidate of pedagogical Sciences (Tomsk State Pedagogical University);
A.Ya. Grishko, doctor of law, professor (Ryazan State University named after S.A. Yesenin); **A.V. Didenko**, doctor of medical Sciences, associate professor (Tomsk NRMC Russian Academy of Science, Mental Health Research Institute);
A.A. Efimenko, candidate of pedagogical Sciences (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **V.K. Znikin**, doctor of law, professor (Kemerovo State University); **V.V. Kim**, candidate of law, associate professor (Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute KemGU); **A.M. Kiselev**, doctor of pedagogical Sciences, associate professor (Academy of FPS of Russia);
M.V. Kiselev, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia);
N.N. Kutakov, candidate of law, associate professor (Academy of FPS of Russia); **O.E. Kurenkova**, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (Vologda Institute of Law and Economics of FPS of Russia);
N.B. Lelik, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia);
E.P. Molchanova, candidate of psychological Sciences (Tomsk State Pedagogical University); **A.A. Nuzhdin**, candidate of law, associate professor (Academy of FPS of Russia);
A.A. Pavlenko, candidate of law (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **O.M. Pisarev**, candidate of psychological Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **A.B. Skakov**, doctor of law, professor (Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybayev);
P.V. Teplyashin, doctor of law, professor (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation);
V.A. Utkin, doctor of law, professor, honored lawyer of Russia (National Research TSU, Law Institute)

The responsible secretary of the editorial board -
S.M.Savushkin, ph. (3822) 46-72-52 (additional # 10-24),
the fax: (3822) 46-74-91
E-mail: gurnaltomsk@gmail.com

The date of issue 06/28/2024

СОДЕРЖАНИЕ

Право

Агабекян А.Л., Агабекян А.Л. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года как передовой кодифицированный акт в сфере исполнения наказаний: путь от оказания помощи освобожденным из мест заключения к постпенитенциарной пробации.....	7
Антонов Т.Г. Использование исторического метода исследования при изучении мер принуждения в уголовно-исполнительном праве (на примере Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года).....	14
Белова Е.Ю. К вопросу законодательного закрепления мест отбывания наказания для осужденных женщин: от царской тюрьмы до Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года.....	22
Головастова Ю.А. Кодификационные процессы в исправительно-трудовом и уголовно-исполнительном законодательстве: проблемы и решения.....	30
Гришко А.Я. Пробация: от Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года к закону о пробации.....	38
Грушин Ф.В. Исполнение принудительных работ без содержания под стражей по ИТК РСФСР 1924 года и исправительных работ по УИК РФ: историко-правовой анализ.....	46
Дворянсков И.В. Становление отечественного уголовно-исполнительного законодательства (к 100-летию принятия ИТК РСФСР 1924 года).....	54
Каретников К.В. Специальные меры профилактики преступлений осужденных к лишению свободы по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года.....	62
Маликов Б.З. Первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года: взгляд назад и в современность.....	73
Мамонтова А.А. Режим в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы: сравнительный анализ ИТК РСФСР 1924 года и УИК РФ.....	80
Минязева Т.Ф. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года о правовом положении осужденных.....	88
Новиков Е.Е. О продлении срока лишения свободы как элементе института неопределённых приговоров в законодательстве России второй половины XIX – первой четверти XX вв.....	94
Скороходова А.С. Формирование уголовной политики в отношении несовершеннолетних в период 1918-1924 годов.....	105
Тепляшин П.В., Сорокун П.В. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года: концептуальные положения и научная оценка наследия.....	114
Уткин В.А. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года: взгляд сквозь столетие.....	122
Южанин В.Е., Горбань Д.В. Прогрессивные идеи исполнения уголовных наказаний по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года.....	136

CONTENTS

Law

Agabekyan A.L., Agabekyan A.L. Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 as an advanced codified act in the field of execution of punishments: the path from assistance to prisoners released from prison to post-penitentiary probation.....	7
Antonov T.G. The use of the historical research method in the study of coercive measures in penal law (using the example of the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924).....	14
Belova E.Yu. On the issue of legislative consolidation of places of serving sentences for convicted women: from the tsarist prison to the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.....	22
Golovastova Yu.A. Codification processes in correctional labor and penal enforcement legislation: problems and solutions.....	30
Grishko A.Ya. Probation: from Correctional Labor Code of the RSFSR 1924 to the law on probation.....	38
Grushin F.V. Execution of forced labor without detention under the CLC of the RSFSR of 1924 and correctional labor under the PEC of the Russian Federation: historical and legal analysis.....	46
Dvoryanskov I.V. The formation of domestic penal enforcement legislation (by the 100th anniversary of the adoption of the CLC of the RSFSR of 1924).....	54
Karetnikov K.V. Special measures for the prevention of crimes for prisoned prisoners under the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.....	62
Malikov B.Z. The first Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924: a look back and into the present.....	73
Mamontova A.A. The regime in institutions executing criminal penalties in the form of imprisonment: a comparative analysis of the CLC of the RSFSR of 1924 and the PEC of the Russian Federation.....	80
Minyazeva T.F. Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 on the legal status of convicts.....	88
Novikov E.E. On the extension of the term of imprisonment as an element of the institution of indefinite sentences in the legislation of Russia in the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries.....	94
Skorokhodova A.S. The development of criminal policy in relation to minors in the period 1918-1924.....	105
Tepliyashin P.V., Sorokun P.V. Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924: conceptual provisions and scientific evaluation of the legacy.....	114
Utkin V.A. The Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924: a look through the century.....	122
Yuzanin V.E., Gorban D.V. Progressive ideas for the execution of criminal penalties according to the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.....	136

ПРАВО

Law

УДК 343.8

А. Л. Агабекян, А. Л. Агабекян

**ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР
1924 ГОДА КАК ПЕРЕДОВОЙ КОДИФИЦИРОВАННЫЙ АКТ
В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ПУТЬ ОТ ОКАЗАНИЯ
ПОМОЩИ ОСВОБОЖДЕННЫМ ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
К ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ**

В статье приводится анализ общих положений Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года. Авторы обращают внимание на категоризацию осужденных, на разветвленную систему мест заключения, на ограничение прав осужденных, на возможность получения всесторонней помощи лицами, освобожденными из исправительно-трудовых учреждений. Отмечается, что Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года был передовым кодифицированным актом своего времени, однако носил декларативный характер, так как многие положения закона невозможно было реализовать.

При этом авторы подчеркивают, что именно Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года положил начало детальному регулированию порядка оказания помощи освобожденным из мест лишения свободы в ресоциализации и социальной адаптации, напоминающую по своему содержанию постпениitenciарную пробацію. Авторы исследуют проблему самоокупаемости труда осужденных и приходят к выводу, что точка безубыточности не могла быть достигнута, так как необходимо, чтобы маржинальный доход (доход минус переменные издержки) был больше или равен постоянным издержкам, которые несет учреждение.

Ключевые слова: исправительно-трудовой кодекс, ресоциализация, социальная адаптация, постпениitenciарная пробація, самоокупаемость, точка безубыточности.

A. L. Agabekyan, A. L. Agabekyan

**CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924
AS AN ADVANCED CODIFIED ACT IN THE FIELD OF EXECUTION
OF PUNISHMENTS: THE PATH FROM ASSISTANCE TO PRISONERS
RELEASED FROM PRISON TO POST-PENITENTIARY PROBATION**

The article analyses the general provisions of the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. The authors draw attention to the categorisation of convicts, to the extensive

© Агабекян А.Л., Агабекян А.Л., 2024

© Agabekyan AL., Agabekyan AL., 2024

system of detention facilities, to the restriction of the rights of convicts, to the possibility of receiving comprehensive assistance by persons released from correctional labour institutions. It is noted that the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 was an advanced codified act of its time, but it was declarative in nature, as many provisions of the law could not be implemented.

At the same time, the authors stress that the 1924 RSFSR Correctional Labor Code was the beginning of detailed regulation of the procedure for assisting those released from prison in re-socialisation and social adaptation, which resembles post-penitentiary probation in its content. The authors investigate the problem of self-sufficiency of inmates' labour and concludes that the fixed costs could not be reached, as it is necessary that the marginal income (revenue minus variable costs) should be greater than or equal to the fixed costs incurred by the institution.

Keywords: correctional labour code, re-socialisation, social adaptation, post-penitentiary probation, self-sufficiency, fixed costs.

В. А. Уткин выделяет три периода в истории науки российского уголовно-исполнительного права: досоветский, советский и постсоветский [9, с. 69]. Думается, что внутри каждого из периодов можно выделить несколько этапов. Например, второй период можно подразделить на четыре этапа, первым из которых будет отрезок с 1917 по 1924 годы. Данный период, по мнению Л.Г. Крахмальника, характеризуется «революционной ломкой старой царской тюремной системы и выработкой передовых способов исполнения наказания в виде лишения свободы, а также введением новых видов уголовных наказаний, ранее неизвестных ни одному государству» [5, с. 17-18]. Кроме того, в нормативных правовых актах 1918-1921 годов появилось выделение новых видов исправительных учреждений, где лица должны были отбывать лишение свободы, а также закреплялось положение об обязательном привлечении к физическому труду работоспособных заключенных, об участии общественности. Однако принятие в 1922 года нового Уголовного кодекса РСФСР вызвало необходимость приведения нормативных актов об исполнении наказаний в соответствие с новым уголовным законодательством.

Так, в 1924 году был принят

первый в истории России единый кодифицированный акт, регулирующий исполнение лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей – Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее – ИТК)¹. С этого момента начинается второй этап советского периода развития пенитенциарного права, который продлится до 1933 года – до момента принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 года.

Переходя к анализу содержания и структуры ИТК РСФСР 1924 года, согласимся с позиций А.М. Фумм и О.Н. Яковлевой о том, что многие положения ИТК 1924 года заимствованы из актов дореволюционной России, подтверждая преемственность норм [11, с. 41-42]. Первый кодекс об исполнении наказаний РСФСР состоял из 231 статьи, что больше в сравнении с новым Уголовно-исполнительным кодексом РФ (далее – УИК РФ) 1997 года, хотя УИК РФ регулирует порядок исполнения наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденного от общества. Одним из достоинств этого акта является обсуждение его положений как учеными-пенитенциаристами, так и юристами-практиками. Достаточным будет упоминание таких выдающихся личностей,

¹ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР» // «СУ РСФСР». 1924. № 86. ст. 870.

как М.М. Исаев [3], С.В. Познышев [7], П.И. Стучка, Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт [12].

Обратимся к общим положениям ИТК 1924 года. Так, статья 2 к целям этих двух наказаний относил общую превенцию «со стороны неустойчивых элементов общества» и частную превенцию, которые должны были быть соединены с мерами исправительно-трудового воздействия. Такое воздействие должно было проводиться путем усовершенствования и развития сети трудовых сельско-хозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов, устраиваемых преимущественно вне городов, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем (ст. 4). Как отмечал Л.Г. Крахмальник, указанное положение закона было направлено на претворение в жизнь ленинского положения о замене тюрем воспитательными учреждениями [5, с. 23]. А исправительно-трудовые учреждения с различными видами режима создавались не только для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы, но и для предотвращения возможности совершения дальнейших преступлений (статьи 3, 5).

Интересным представляется выделение разрядов и категорий осужденных. Так все срочные заключенные в зависимости от результата исправительно-трудового воздействия на них подразделялись на три разряда: начальный, средний и высший. При переводе из одного разряда в другой выделялись три категории заключенных: 1) подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией; 2) профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не принадлежат к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов; 3) все остальные заключенные, которые не отнесены ни к первой, ни ко второй категориям (статьи 100-101). Несовершен-

нолетние в трудовых домах также делились на две категории: 1) несовершеннолетние с признаками правонарушителей-рецидивистов; 2) остальные несовершеннолетние правонарушители (ст. 180). Несмотря на наличие такой законодательной категории осужденных, которая некоторыми учеными оценивается негативно [8, с. 388], стоит подчеркнуть, что в ИТК РСФСР 1924 года в статье 6 нашел закрепление принцип гуманизма. Отмечалось, что содержание в исправительно-трудовых учреждениях и не должно иметь целью причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства, соответствуя современным международным стандартам.

Прорывным считалось наличие прогрессивной системы исполнения наказания, согласно которой заключенные подвергались различному режиму, для чего они распределялись по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделялись в них на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях (ст. 7). Отметим, что места заключения делились на учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера; учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера; учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера (ст. 46). Режим строился так, чтобы заключенные могли в большей или меньшей степени проявлять свою самостоятельность и инициативу (ст. 50).

Новеллой стало закрепление обязанности каждого исправительно-трудового учреждения стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя исправительных целей (ст. 9). Здесь речь идет о самоокупаемости. Считалось, что наилучшей формой работы производствен-

ной части исправительно-трудовых учреждений была ее децентрализация, поскольку учреждения сами смогли бы решать, как им поступать в той или иной ситуации [10, с. 42]. Для достижения порога рентабельности или точки безубыточности (ситуация, при которой труд заключенных будет окупать затраты на их содержание) необходимо, чтобы маржинальный доход (доход минус переменные издержки) был больше или равен постоянным издержкам, которые несет учреждение. Однако некоторые ученые пришли к выводу, что в тот исторический период с учетом экономических предпосылок реализация данной задачи была априори невозможной.

Так В.М. Исаков и Е.В. Мельник отмечали, что данная идея «в условиях хозяйственной разрухи и массовой безработицы в стране не имела перспектив» [4, с. 46], подтверждая позицию горьким дореволюционным опытом, когда на законодательном уровне запрещалась конкуренция осужденных с трудом свободных граждан. Между тем исследователи, проанализировав документы того времени, пришли к положительному выводу о том, что труд заключенных в те годы в местах лишения свободы был совершенно лишен признаков эксплуатации и имел исключительно пенитенциарное значение. Ведь осужденные пользовались всеми гарантиями, установленными Кодексом законов о труде в отношении всех граждан, а труд заключенных оплачивался по ставкам, приближающимся к оплате труда вольных рабочих.

Однако самым передовым, на наш взгляд, является положение статьи 10 об оказании всесторонней помощи осужденным, освобожденным из мест заключения, что соотносимо с ресоциализацией и социальной адаптацией освобожденного, отраженной в новом УИК РФ и ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Положения ИТК РСФСР 1924 года об оказании помощи были разработаны для наиболее успешной

борьбы с преступностью и предупреждения развития рецидива. Данному вопросу был посвящен самостоятельный десятый отдел «Организация помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения» (статьи 227-231). Провозглашались следующие цели: оказание материальной помощи неимущим заключенным; оказание необходимой поддержки при возвращении их на родину или на место постоянного жительства по освобождению из места заключения; предоставление по освобождению из места заключения на первое время помещения и питания на льготных условиях; предоставление ссуд на приобретение рабочих инструментов и обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода; устройство мастерских и предприятий для применения труда бывших заключенных; подыскание им занятий; оказание юридической и медицинской помощи; профессиональное и общеобразовательное их развитие.

Если обратиться к главе 22 УИК РФ, то можно заметить некоторое сходство в характере помощи: содействие в трудовом, бытовом устройстве и получение других видов социальной помощи. Положения УИК РФ уточнены в Приказе Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации, имеют право на обращение в уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ) с заявлением об оказании содействия. Затем на основании оценки индивидуальной нуждаемости лица принимается решение либо о целесообразности оказания содействия, либо об отказе в оказании такой помощи. В случае положительного решения готовится индивидуальная программа, после чего сотрудник

УИИ проводит беседу с лицом, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, направляет его в органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы службы занятости населения, организации социального обслуживания, медицинские организации, организации, осуществляющие образовательную деятельность, и иные организации, осуществляющие мероприятия, предусмотренные индивидуальной программой, взаимодействует с другими субъектами probation, либо направляет в центры probation. Следует отметить, что с такими лицами проводится социальная, воспитательная работа, мероприятия по восстановлению и формированию социальных связей, им помогают в получении медицинской помощи, в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки, их также информируют о порядке и об условиях получения бесплатной юридической помощи.

Для выполнения намеченных в ИТК 1924 года задач по оказанию помощи освобожденным в РСФСР предусматривалось участие советских, профессиональных и партийных органов, а также предполагалось создание в каждой губернии комитета помощи, который мог финансироваться не только за счет общегосударственного и местного бюджета, но и за счет доходов и прибылей по организуемым предприятиям и путем других мероприятий, а также специальных или целевых взносов, поступающих от учреждений и лиц. На основании статьи 231 такие комитеты помощи наделялись правом ходатайствовать о помещении освобождаемых из мест заключения в переходные исправительно-трудовые дома, где они, не лишаясь прав свободных граждан, в полной мере подчинялись установленной трудовой дисциплине. Между тем, как отмечают М.Г. Детков и

Л.В. Курас, возможности НКВД были весьма ограничены и не располагали необходимыми полномочиями и материальными ресурсами для осуществления мер социальной адаптации [2, с. 95; 6, с. 18]. В настоящее время в рамках реализации мероприятий, включенных в индивидуальную программу постпенитенциарной probation, предусматривается возможность привлечения добровольцев (волонтеров) к полному или частичному социальному сопровождению лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, при условии добровольного согласия указанного лица и по согласованию с УИИ. Можно сказать, что ИТК 1924 года впервые заложил основы для применения мер по ресоциализации и социальной адаптации освобожденных от отбывания лишения свободы, которые в полной мере начнут реализовываться в рамках постпенитенциарной probation только с 2025 года.

Подводя итог анализу положений ИТК РСФСР 1924 года, выделим главное его преимущество – это первый кодифицированный акт, который внес существенные изменения почти во все действовавшие ранее нормы исправительно-трудового права, создал новые правовые нормы, упорядочил, систематизировал данную отрасль законодательства. Стоит согласиться с мнением большинства ученых-пенитенциаристов о том, что ИТК РСФСР 1924 года – один из самых передовых законов в сфере исполнения наказаний в России, так как содержал нормы, направленные на помощь осужденному в возвращении в общество с целью дальнейшего соблюдения правопорядка.

Несмотря на описанные выше достоинства, положения ИТК РСФСР 1924 года были в большей степени декларативными, так как в связи с экономическими, политическими процессами в государстве претворить в жизнь многие положения оказалось невозможным. Кроме того, Кодекс обладал рядом недостатков: например, запутанная

и разветвленная система мест заключения, недостаточное привлечение общественности к работе исправительно-трудовых учреждений [5, с. 25], уменьшение прав осужденных в различных разрядах, существенное ослабление мер дисциплинарного воздействия на осужденных [1, с. 75]. Однако на последующих этапах развития пенитенциарной науки эти и иные недостатки были полностью или частично устранены.

Литература

1. *Гаранжа С.А.* Из истории исправительно-трудовых учреждений Народного комиссариата юстиции РСФСР (1931–1934 гг.) // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 74–77.
2. *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов: Монография. Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД России. Москва: РИПК работников МВД РФ, 1992. 192 с.
3. *Исаев М.М.* Основы пенитенциарной политики. М.; Л., 1927. 196 с.
4. *Исаков В.М., Мельник Е.В.* Правовые основы и организация трудоустройства заключенных в местах лишения свободы в период 1917-1930 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 43–48.
5. *Крахмальник Л.Г.* Кодификация исправительно-трудового законодательства. М.: Юрид. лит., 1978. 191 с.
6. *Курас Л.В.* Становление советского законодательства, регламентирующего деятельность мест заключения, в 1918-1920-е годы // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С.15–19.
7. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М., 1924. 331 с.
8. *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.
9. *Уткин В.А.* Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 69–77.
10. *Фумм А.М.* Первый исправительно-трудовой кодекс РСФСР об организации труда заключенных // Пенитенциарная наука. 2015. № 4 (32). С. 40–44.
11. *Фумм А.М., Яковлева О.Н.* Первая кодификация в сфере исполнения наказаний как фактор развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 41–45.
12. *Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С.* Советское пенитенциарное право. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

References

1. *Garanzha S.A.* Iz istorii ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij Narodnogo komissariata yusticii RSFSR (1931–1934 gg.) // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 1. S. 74–77.
2. *Detkov M.G.* Soderzhanie penitenciarnoj politiki Rossijskogo gosudarstva i ee realizaciya v sisteme ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v period 1917-1930 godov: Monografiya. Resp. in-t povysheniya kvalifikacii rabotnikov MVD Rossii. Moskva: RIPK rabotnikov MVD RF, 1992. 192 s.

3. *Isaev M.M.* Osnovy penitenciarной политики. M.; L., 1927. 196 s.
4. *Isakov V.M., Mel'nik E.V.* Pravovye osnovy i organizaciya trudoispol'zovaniya zaklyuchennyh v mestah lisheniya svobody v period 1917-1930 gg. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 43–48.
5. *Krahmal'nik L.G.* Kodifikaciya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. M.: Yurid. lit., 1978. 191 s.
6. *Kuras L.V.* Stanovlenie sovetskogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego deyatel'nost' mest zaklyucheniya, v 1918-1920-e gody // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2010. № 2. S.15–19.
7. *Poznyshev S.V.* Osnovy penitenciarной науки. M., 1924. 331 s.
8. *Uporov I.V.* Penitenciarная политика Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitiya. SPb., 2004. 608 s.
9. *Utkin V.A.* Otechestvennaya nauka ugolovno-ispolnitel'nogo prava: ocherk istorii // Ugolovnaya yusticiya. 2017. № 9. S. 69–77.
10. *Fumm A.M.* Pervyj ispravitel'no-trudovoj kodeks RSFSR ob organizacii truda zaklyuchennyh // Penitenciarная наука. 2015. № 4 (32). S. 40–44.
11. *Fumm A.M., Yakovleva O.N.* Pervaya kodifikaciya v sfere ispolneniya nakazaniy kak faktor razvitiya otechestvennogo ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 4 (95). S. 41–45.
12. *Shirvindt E.G., Utevskij B.S.* Sovetskoe penitenciarное право. M.: Izd-vo NKYu RSFSR, 1927. 276 s.

Сведения об авторах

Агабекян Алла Липаритовна: Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры уголовного права, старший научный сотрудник, кандидат юридических наук. E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru.

Агабекян Артур Липаритович: Институт экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Российская Федерация), магистрант 2 курса. E-mail: arturagabekyan99@yandex.ru.

Information about the authors

Agabekyan Alla Liparitovna: National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia), senior lecturer of the Department of Criminal Law, senior research fellow, candidate of legal science. E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru.

Agabekyan Artur Liparitovich: Institute of Economics and Management of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), 2nd year master's student. E-mail: arturagabekyan99@yandex.ru.

Т. Г. Антонов

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО КОДЕКСА РСФСР 1924 ГОДА)**

Применение мер принуждения при исполнении уголовных наказаний будет всегда актуальной темой в уголовно-исполнительном праве, поскольку без этого невозможно себе представить процесс исполнения любого наказания. В статье будет рассмотрена возможность применения исторического метода исследования при изучении проблем применения уголовно-исполнительного принуждения. В 2024 году исполняется 100 лет с момента принятия первого советского кодифицированного акта в области исполнения уголовных наказаний – Исправительно-трудоового кодекса РСФСР 1924 года (далее – ИТК РСФСР 1924 года). Используя исторический метод исследования, автор в статье сравнит и сопоставит нормы действующего Уголовно-исполнительного кодекса и нормы ИТК РСФСР 1924 года, регламентирующие основания, условия и порядок применения мер принуждения к осужденным, отбывающим уголовные наказания. Подводя итог статье, автор сформулирует предложения по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства в области применения мер принуждения.

Ключевые слова: исторический метод, меры принуждения, Исправительно-трудоовой кодекс, побег из мест лишения свободы.

T. G. Antonov

**THE USE OF THE HISTORICAL RESEARCH METHOD
IN THE STUDY OF COERCIVE MEASURES IN PENAL LAW
(USING THE EXAMPLE OF THE CORRECTIONAL LABOR CODE
OF THE RSFSR OF 1924)**

The use of coercive measures in the execution of criminal penalties will always be an urgent topic in penal enforcement law, since without it it is impossible to imagine the process of execution of any punishment. The article will consider the possibility of applying the historical research method in studying the problems of the use of penal enforcement. The year 2024 marks 100 years since the adoption of the first Soviet codified act in the field of execution of criminal penalties – the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 (hereinafter – the CLC of the RSFSR of 1924). Using the historical research method, the author in the article will compare and contrast the norms of the current Penal Enforcement Code and the norms of the CLC

of the RSFSR of 1924, regulating the grounds, conditions and procedure for the application of coercive measures to convicts serving criminal sentences. Summing up the article, the author will formulate proposals for improving the current penal enforcement legislation in the field of enforcement measures..

Keywords: historical method, coercive measures, Correctional Labor Code, escape from places of imprisonment.

Исторический метод является одним из фундаментальных методов исследования правовых систем и законодательства. Он играет важную роль в понимании и анализе развития правовых норм, институтов и принципов, позволяя углубленно изучать законодательство, его эволюцию и влияние на современную юриспруденцию.

В то же время данный метод не всегда востребован при правотворческой деятельности. Так, К.М. Арсланов справедливо отмечает, что «часто, несмотря на богатую правовыми традициями историю, российский законодатель и теоретики права обращаются не к истории права, а к другим аргументам (целесообразность, иностранный правовой опыт и др.). Обращение к таким аргументам представляется более простым, чем применение исторических правовых традиций. Исторический метод действительно является одним из основополагающих в любом научном исследовании, поскольку позволяет показать сущность изучаемого правового явления в его развитии, объяснить его для современного правопонимания и правоприменения» [1, с. 103].

Значение исторического метода для изучения правовых систем включает в себя следующие аспекты:

1. Контекстуализация правовых норм: исторические данные позволяют понять причины возникновения определенных правовых норм, их социокультурный и экономический контекст, что помогает лучше интерпретировать и применять правила права в современных условиях.

2. Эволюция правовых институтов: изучение исторических правовых систем позволяет следить за развитием правовых

институтов и их трансформацией в течение времени, что помогает прогнозировать и адаптировать правовые нормы к современным вызовам и изменениям.

3. Понимание правовой культуры: исторический метод помогает выявить особенности правовой культуры и традиций, которые оказывают влияние на формирование и развитие правовой системы, а также на поведение участников правовых отношений.

4. Укрепление правовой уверенности: изучение исторических источников и судебных решений позволяет углубить знания о правовой системе, проверить ответственность и законность правоприменения, что способствует повышению уверенности юриста в своих действиях.

Таким образом, исторический метод играет важную роль в изучении и понимании правовых систем, помогая адаптировать и развивать правовые нормы, а также принимать обоснованные правовые решения на основе прошлого опыта и традиций.

В науке уголовно-исполнительного права исторический метод применяется как при исследовании общих вопросов [2, с. 55], так и при изучении отдельных видов наказаний [3, с. 113]. Встречаются также научные статьи, посвященные изучению норм ИТК РСФСР 1924 года и сопоставлению их с действующим уголовно-исполнительным законодательством [5, с. 40-44].

Сопоставление норм ИТК РСФСР 1924 года и современных норм уголовно-исполнительного законодательства следует начать с выделения мер принуждения, предусмотренных ИТК РСФСР 1924 года. Их можно разделить на определенные

группы.

Условно можно разделить меры принуждения, предусмотренные ИТК РСФСР 1924 года, на 3 группы:

1. Меры ответственности.
2. Предупредительные меры.

3. Нормы, регламентирующие применение оружия, которые можно назвать мерами принуждения-пресечения.

Рассмотрим данные меры подробнее.

1. Меры ответственности, которые представляют собой штрафные санкции, налагаемые на осужденного за нарушение порядка и условий отбывания наказания. Данная группа мер принуждения наиболее многочисленная.

К ней можно отнести нормы об ответственности за уклонение от отбывания принудительных работ и нормы об ответственности за нарушение установленных в исправительно-трудовых учреждениях (далее – ИТУ) правил режима.

Статья 40 ИТК РСФСР 1924 года предусматривает взыскания, применяемые к осужденным к принудительным работам, и основания их наложения.

Основаниями наложения взысканий указанная норма называет:

- уклонение от отбывания принудительных работ;
- неявку на регистрацию;
- несоблюдение установленных правил;
- недобросовестное исполнение работы.

За совершение этих нарушений законодатель предусмотрел следующие взыскания:

- перевод на другие работы;
- незачет в срок небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени;
- арест в дисциплинарном порядке на срок до четырнадцати суток с возбуждением ходатайства перед судом о замене меры социальной защиты или без такового.

Необходимо отметить, что аналогом принудительных работ того периода в настоящее время являются исправительные работы.

Сопоставляя нормы действующего законодательства об уклонении от отбывания исправительных работ с аналогичными нормами ИТК РСФСР 1924 года, нетрудно заметить, что сейчас нормы статьи 46 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) более конкретизированы. К оценочным понятиям можно отнести лишь словосочетание «без уважительных причин». В то время как статья 40 ИТК РСФСР 1924 года использует понятия «уклонение от отбывания принудительных работ», «недобросовестное исполнение работы», «небрежно проработанное время», при этом не раскрывая их содержания.

В то же время следует сказать, что конкретные нарушения, предусмотренные в статье 46 УИК РФ (неявка на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции; неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин; прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения) не охватывают все возможные варианты противоправного поведения осужденных при отбывании ими исправительных работ. Они по сути сводятся лишь к неявке осужденного на работу или в уголовно-исполнительную инспекцию и нахождению на работе в состоянии опьянения.

Другие нарушения осужденных, которые в соответствии с трудовым законодательством могут привести к наложению дисциплинарных взысканий, в том числе, к увольнению, уголовно-исполнительное законодательство не относит к нарушениям порядка и условий отбывания исправительных работ. Получается, что качество работы осужденного в таком случае не имеет значения. Такой подход законодателя при-

водит к тому, что на практике у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций возникает немало проблем с трудоустройством осужденных, поскольку работодатели не желают видеть их в качестве своих работников.

Эта проблема давно обсуждается в юридической литературе [6, с. 104]. Актуальной она остается и на сегодняшний день [7, с. 105]. В этой связи можно сделать вывод, что использование оценочных понятий в статье 40 ИТК РСФСР 1924 года было оправдано, поскольку в этом случае учитывалось, добросовестно ли работает осужденный. В то же время, как справедливо отмечает В.А. Уткин, при законотворчестве должна быть «оптимизация количества и качества оценочных категорий по принципу их необходимости и достаточности» [4, с. 58]. На сегодняшний день нет необходимости вводить для закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве оценочные категории поведения осужденного, направленного на уклонение от отбывания наказания. Поэтому, вероятно, следует идти не по этому пути, а формулировать в статье 46 УИК РФ нарушения с учетом трудовых правоотношений. Так, например, можно предусмотреть, что увольнение осужденного за виновные противоправные действия влечет замену исправительных работ на лишение свободы.

Следует отметить еще одну интересную меру взыскания, предусмотренную статьей 40 ИТК РСФСР 1924 года. Это арест в дисциплинарном порядке до 14 суток. Дисциплинарный арест в рамках уголовно-исполнительного законодательства предусмотреть едва ли возможно в современных условиях. В то же время есть возможность использования норм административного права – введение административной ответственности за нарушение порядка отбывания исправительных работ.

Глава VI ИТК РСФСР 1924 года регламентировала применение дисциплинарных мер к осужденным в лишению свобо-

ды.

Статья 145 ИТК РСФСР 1924 года предусматривала следующие дисциплинарные меры:

- выговор;
- ограничение или лишение права свидания;
- ограничение или лишение права выписки;
- ограничение или лишение права передачи;
- ограничение права распоряжения числящимися на счету деньгами в размере не свыше одной четверти их;
- изоляция в отдельную камеру на срок до четырнадцати суток, с ежедневной выдачей горячей пищи и выводом на прогулку через два дня на третий;
- понижение в разряде;
- перевод в другие места заключения.

Современная система взысканий предусмотрена в статье 115 УИК РФ. По сравнению с ИТК РСФСР 1924 года в ней предусмотрены более разнообразные виды изоляции нарушителей от основной массы осужденных. Помимо водворения в штрафной изолятор (аналог изоляции в отдельную камеру в ИТК РСФСР 1924 года), нормы статьи 115 УИК РФ предусматривают взыскания в виде перевода осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в помещения камерного типа и в одиночные камеры на срок до шести месяцев, и перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в единые помещения камерного типа на срок до одного года.

ИТК РСФСР 1924 года не предусматривал столь длительные сроки изоляции нарушителей.

В нормах ИТК РСФСР 1924 года о порядке наложения дисциплинарных взысканий интересным видится применение такой меры, как перевод в другие места заключения. Это взыскание применялось

распределительными комиссиями, а не по решению суда, как это происходит сейчас. Следует отметить, что статья 34 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года (далее – УК РСФСР 1922 года) устанавливала, что в приговоре суда должно быть указано, на какой срок осужденный приговаривается к лишению свободы, и требуется ли строгая изоляция. То есть конкретный вид учреждения суд не определял, а эта функция была возложена на распределительную комиссию, которая в случае нарушения осужденным установленных в исправительно-трудовом учреждении правил режима могла перевести его в другие места заключения.

Это положение ИТК РСФСР 1924 года выглядит интересным. Если обратиться к действующему законодательству, то меры взыскания в виде изменения вида режима на более строгий в статье 115 УИК РФ не предусмотрено. Нормы об изменении вида режима находятся в главе 11 УИК РФ, которая определяет общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы. При этом изменение вида режима осуществляется судом. Однако, если определение вида исправительного учреждения изначально осуществляется в приговоре, – это вопрос назначения наказания, который связан с определением справедливого наказания за совершенное преступление, то изменение вида исправительного учреждения – это изменение правоотношений при исполнении наказания, которое происходит в ответ на противоправное поведение осужденного. И было бы логично, чтобы этот вопрос решался не судом, а субъектом, исполняющим наказание, например, территориальным органом уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

При изучении норм ИТК РСФСР 1924 года современному юристу может показаться странным, что отдел 7 указанного кодекса предусматривает ответственность за совершение побега из мест заключения. Современное законодательство никакой от-

ветственности, кроме уголовной, за совершение побега не предусматривает. Статья 313 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) охватывает все случаи незаконного оставления места лишения свободы или места содержания под стражей. Сто лет назад ситуация была иная.

Нормы отдела седьмого ИТК РСФСР 1924 года необходимо рассматривать в контексте состава преступления, предусмотренного статьей 95 УК РСФСР 1922 года, которая устанавливала, что «побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учиненный посредством подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т.п., а равно побег с места высылки или с пути следования к ней карается лишением свободы на срок не ниже одного года». Таким образом, уголовное законодательство того периода в качестве обязательного признака такого состава преступления, как побег из места заключения, предусматривало определенный способ его совершения – подкоп, повреждение затворов стен и других средств охраны.

Статья 212 ИТК РСФСР 1924 года немного дополняла статью 95 УК РСФСР 1922 года и устанавливала, что «за самовольное оставление лишенным свободы места заключения, не сопряженное со взломом, подкопом или насилием, подвергается в порядке дисциплинарном – взысканиям, упомянутым в ст. 145 настоящего Кодекса». Данная норма относилась к способам, которые исключали возможность применения дисциплинарных взысканий, помимо способов, указанных в УК РСФСР 1922 года, также применение насилия.

Это говорит о том, что законодатель того времени уголовно наказуемыми деяниями признавал лишь наиболее опасные, по его мнению, виды побегов.

Такая практика законодательства видится интересной. Если посмотреть современное состояние, то можно увидеть, что число побегов из-под охраны суще-

ственно сокращается. Например, в 2023 году не было ни одного побега из-под охраны. Если анализировать побег из-под надзора, они совершаются либо из колонии-поселения, либо в случае, когда осужденному к лишению свободы предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения в соответствии со статьей 96 УИК РФ. Несмотря на то, что законодательство не разделяет этих двух видов побегов, очевидно, что общественная опасность побега из-под охраны (например, из исправительной колонии общего или строгого режима) выше, нежели общественная опасность побега из-под надзора (например, побег осужденного, отбывающего лишение свободы в колонии-поселении, которому предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения). В этой связи логичным видится декриминализация некоторых видов побегов.

Здесь возможны два варианта:

1. не признавать преступлением побег, совершенный из колонии-поселения;
2. не признавать преступлением побег, совершенный осужденными, которым предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения.

Возможно предусмотреть оба эти случая в законодательстве. Подобные исключения можно закрепить в примечании к статье 313 УК РФ, указав, на какие случаи данная статья не распространяется. Одновременно с этим следует внести изменения в статью 116 УИК РФ, которая устанавливает основания и порядок признания осужденных злостными нарушителями порядка отбывания наказания. В части первой этой статьи следует предусмотреть, что побег из мест лишения свободы является злостным нарушением при отсутствии признаков состава преступления.

Между прочим, можно отметить, что ИТК РСФСР 1924 года использовал термин социально-опасный заключенный, а не злостный нарушитель. При этом четких признаков, по которым можно было

определить, кто является таковым, в исправительно-трудовом законодательстве того периода не было. Такую ситуацию нельзя считать нормальной, поскольку она предполагает чрезмерно широкое усмотрение правоприменителя в данной сфере. С этой точки зрения можно отметить, что действующее законодательство выглядит существенно лучше.

2. Следующая группа мер – это предупредительные меры.

Это малочисленная группа мер, о которой лишь кратко упоминается в ИТК РСФСР 1924 года. Так, статьи 122 и 123 ИТК РСФСР 1924 предусматривают, что вещи, которые заключенному запрещается держать при себе в камере, при приеме отбираются. Отобранными вещам составляется вносимая в особую книгу опись, которая подписывается и заключенным. За сокрытие заключенными неполагающегося к хранению в камерах имущества они могут быть лишены права пользования им в течение всего или части времени пребывания в месте заключения.

3. Третью группу принудительных мер составляют меры, регламентирующие применение сотрудниками оружия. Этому посвящен отдел восьмой ИТК РСФСР 1924 года.

Статья 215 ИТК РСФСР 1924 года устанавливала основания применения оружия. Лица, принадлежащие к составу администрации, надзора и стражи мест заключения, имеют право применять оружие в случаях, когда это представляется безусловно необходимым за исчерпанием всех других способов:

- а) в целях обороны от нападения как на них самих, так и на заключенных;
- б) для прекращения насильственных действий со стороны заключенных;
- в) при побеге заключенного.

Следует отметить две особенности, отличающие действующее законодательство от ИТК РСФСР 1924 года.

Во-первых, основания применения

огнестрельного оружия (как и физической силы, и специальных средств) предусмотрены в двух нормативных актах: УИК РФ и Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон № 5473-1).

Вторая особенность заключается в том, что действующие нормы главы 4 Закона № 5473-1 значительно подробнее регламентируют основания применения огнестрельного оружия, чем это делал ИТК РСФСР 1924 года. Что касается первого, то действующее законодательство, на наш взгляд, не совсем удачно выстроено в этом плане. Основания применения оружия должны закрепляться в одном нормативном акте. И по сегодняшней логике это должен быть Закон № 5473-1. Иначе два нормативных акта, регламентирующих один и тот же вопрос, могут порождать если не противоречие, то неопределенность для правоприменителя.

Приведем пример.

Часть 1 статьи 86 УИК РФ среди прочего устанавливает, что оружие применяется «при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения указанных противоправных действий». В то же время в статье 28 Закона № 5473-1, содержащей общие требования к применению оружия, указано, что «сотрудники уголовно-исполнительной системы вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие на территориях учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования».

Получается, что в соответствии с УИК РФ оружие можно применять при задержании бежавших осужденных вне зависимости от того, где они задерживаются, но Закон № 5473-1 ограничивает место применения оружия только territori-

ей учреждения и территорией на которой установлены режимные требования. Закрепление оснований применения оружия (а также физической силы и специальных средств) в одном нормативном акте снизит вероятность противоречий и неопределенностей в нормах, регламентирующих данную сферу.

Что же касается того, следует ли столь подробно регламентировать основания применения оружия, то здесь, как нам кажется, законодатель идет по верному пути, поскольку ИТК РСФСР 1924 года использует чрезмерно общие формулировки.

Исходя из изложенного, можно сделать ряд выводов.

1. Применение исторического метода в юриспруденции позволяет посмотреть на действующее законодательство с иной точки зрения и увидеть в нормативных актах предыдущих периодов исторического развития некоторые положения, которые можно использовать в законотворческой деятельности, адаптировав их к современным условиям.

2. ИТК РСФСР 1924 года содержит ряд положений, касающихся регламентации применения мер принуждения к осужденным, которые заслуживают внимания и сегодня и могут быть использованы при конструировании норм современного уголовно-исполнительного права.

3. К конкретным положениям исправительно-трудового законодательства того периода, на которые сегодня можно обратить внимание, на наш взгляд, относятся нормы о применении ареста к лицам, нарушающим порядок отбывания принудительных работ, нормы, закрепляющие виды нарушений порядка отбывания принудительных работ, нормы о том, что менее опасные виды побега не являются преступлениями, а наказываются в дисциплинарном порядке, нормы об изменении вида места заключения не судом, а государственным органом в сфере исполнения наказания.

Литература

1. *Арсланов К.М.* Исторический метод и современные цивилистические исследования. // *Методологические проблемы цивилистических исследований.* 2019. № 1. С. 101-114.
2. *Галуева В.О.* Историко-правовой анализ развития системы управления исполнением наказаний в России // *Аграрное и земельное право.* 2023. № 7 (223). С. 54-56.
3. *Майстренко Г.А.* Уголовное наказание в виде исправительных работ: историко-правовой анализ // *Вопросы российского и международного права.* 2022. Т. 12. № 8-1. С. 312-316.
4. *Уткин В.А.* Оценочные категории уголовно-исполнительного права // *Правовые проблемы укрепления российской государственности.* Томск. 2008. С. 74–76.
5. *Фумм А.М.* Первый исправительно-трудовой кодекс РСФСР об организации труда заключенных // *Вестник института: преступление, наказание, исправление.* 2015. № 4 (32). С. 40-44.
6. *Харитошкин В.В.* Некоторые проблемы назначения и исполнения наказаний в виде обязательных и исправительных работ // *Вестник Тверского государственного университета.* Серия: Право. 2013. № 34. С. 103-111.
7. *Юрова Ю.В., Путренкова К.А.* Проблемные аспекты привлечения к труду осужденных к исправительным работам и способы их совершенствования // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.* 2024. 1 (19). С. 103-111.

References

1. *Arslanov K.M.* Istoricheskij metod i sovremennye civilisticheskie issledovaniya. // *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij.* 2019. № 1. S. 101-114.
2. *Galueva V.O.* Istoriko-pravovoj analiz razvitiya sistemy upravleniya ispolneniem nakazaniy v Rossii // *Agrarnoe i zemel'noe pravo.* 2023. № 7 (223). S. 54-56.
3. *Majstrenko G.A.* Uголовное наказание v vide ispravitel'nyh rabot: istoriko-pravovoj analiz // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava.* 2022. T. 12. № 8-1. S. 312-316.
4. *Utkin V.A.* Ocenochnye kategorii uголовно-ispolnitel'nogo prava // *Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti.* Tomsk. 2008. S. 74–76.
5. *Fumm A.M.* Pervyj ispravitel'no-trudovoj kodeks RSFSR ob organizacii truda zaklyuchennyh // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie.* 2015. № 4 (32). S. 40-44.
6. *Haritoshkin V.V.* Nekotorye problemy naznacheniya i ispolneniya nakazaniy v vide obyazatel'nyh i ispravitel'nyh rabot // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya: Pravo. 2013. № 34. S. 103-111.
7. *Yurova Yu.V., Putrenkova K.A.* Problemnye aspekty privlecheniya k trudu osuzhdennyh k ispravitel'nym rabotam i sposoby ih sovershenstvovaniya // *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii.* 2024. 1 (19). S. 103-111.

Сведения об авторе

Антонов Тимофей Геннадьевич: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Томск, Российская Федерация), начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: antonovtipk@rambler.ru.

Information about the author

Antonov Timofey Gennadievich: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Head of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: antonovtipk@rambler.ru.

УДК 343.811-055.2«311»

Е. Ю. Белова

**К ВОПРОСУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
МЕСТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН: ОТ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ
ДО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО КОДЕКСА РСФСР 1924 ГОДА**

Статья посвящена отдельным вопросам законодательного закрепления мест отбывания наказания в виде каторги и лишения свободы в отношении женщин. Установлено, что изучаемые нами аспекты относятся ко второй половине XIX века. Этот период неразрывно связан с деятельностью первых тюремных конгрессов, который был сопряжен с заимствованием пенитенциарного опыта отдельных зарубежных государств.

Автор определяет основные направления пенитенциарной политики в отношении лиц женского пола, определении им места отбывания наказания в условиях царской России и до Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года.

В рамках представленной научной статьи методологическую основу составили общетеоретические принципы и общенаучные методы познания: исторический, системный, сравнительно-правовой.

Применение исторического метода в работе позволило изучить проблемные вопросы назначения мест отбывания наказания осужденным женщинам в дореволюционной России.

С помощью системного метода установлены основные направления совершенствования пенитенциарной политики государства при определении мест

отбывания наказания в отношении лиц женского пола.

Сравнительно-правовой метод применялся в рамках исследования исторического опыта регламентации изучаемой сферы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, место отбывания наказания, осужденные женщины, уголовно-исполнительное законодательство, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года.

E. Yu. Belova

**ON THE ISSUE OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION
OF PLACES OF SERVING SENTENCES
FOR CONVICTED WOMEN: FROM THE TSARIST PRISON
TO THE CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924**

The article is devoted to certain issues of legislative consolidation of places of serving sentences in the form of hard labor and imprisonment for women. It has been established that the aspects studied by us date back to the second half of the XIX century. This period is inextricably linked with the activities of the first prison congresses, which was associated with borrowing the penitentiary experience of individual foreign countries.

The author defines the main directions of penitentiary policy in relation to women, determining their place of serving their sentence in tsarist Russia and before the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.

Within the framework of the presented scientific article, the methodological basis was made up of general theoretical principles and general scientific methods of cognition: historical, systemic, comparative legal.

The use of the historical method in the work made it possible to study the problematic issues of assigning places of punishment to convicted women in pre-revolutionary Russia.

Identify both positive and negative sides.

Keywords: penal enforcement system, penitentiary system, place of serving punishment, convicted women, penal enforcement legislation, Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.

Вопросы определения мест отбывания наказания в виде каторги и лишения свободы для женщин решались в царской России неоднозначно. Исторические документы практически вплоть до 1880 года ничего нам не говорят о территориальности отбывания наказания. Речь в них идет только о совместном или раздельном содержании осужденных мужчин и женщин. Тем более, как показывала практика, были случаи даже худшего отношения в местах заключения для лиц женского пола.

Автор статьи в одной из ранее опубликованных работ [2, с. 16] уже отмечала,

что при посещении московских, тверских и петербургских тюрем Вальтер Веннинг, член «лондонского общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления преступников», был изрядно удивлен.

В одной из камер он увидел женщин, которые содержались вместе с мужчинами. На шее у них были «... рогатки, имевшие по три острых спицы, от чего они не могли лечь ни днем, ни ночью».

Отдельные источники, регулирующие вопросы отбывания наказаний, вообще не содержали информации о женщинах-арестантках. Например, в Проекте положе-

ния о крепостных арестантских отделениях и об осужденных в каторжную работу в крепостях [10] нет ни одного слова об организации процесса содержания лиц женского пола.

На наш взгляд, такое положение дел определялось небольшим количеством арестанток по сравнению с арестантами. Процент приговоров к срочному заключению женщин был весьма мал, поэтому никто не задумывался об их содержании в местах отбывания наказания.

Стоит отметить, что в первой половине XIX века у пенитенциарной системы нашей страны еще не было возможностей внедрять прогрессивные планы в полном объеме. Такое положение дел было связано с рядом факторов.

Во-первых, существовало в целом недостаточно развитое государственное управление основных сфер жизни.

Во-вторых, отсутствовала единая централизованная система мест отбывания наказания, и, как результат, ее бессмысленное правовое регулирование.

Особенно это наблюдалось с момента утверждения в 1819 году Александром I «Правил для попечительного общества о тюрьмах» (далее – Общество), в котором были образованы мужской и женский комитеты.

В последующем работа Общества осуществлялась в соответствии с принятым Уставом. Впервые тюрьмы привели в «благообразный» вид. В них стали открывать школы, мастерские, больницы. К примеру, «грамоте, арифметике и закону Божию были обучены 347 малолетних арестантов» [7, с. 6]. Современники отмечают, что за 5 лет столичная тюрьма обновилась во всех направлениях.

Однако в полемике с властями, которое вело Общество в интересах арестантов, последние оказывались недовольны на указание их промахов и погрешностей в работе. Поэтому в 1855 году Общество было причислено к Министерству внутренних

дел, и его работа начала прогрессивно ослабевать.

В целом практика работы тюрем показывала, что они не только не оказывают влияние на снижение преступности, но даже в ряде случаев провоцируют рецидив. Отрицательной стороной тюремного содержания того времени, как отмечает А.А. Иванов [5, с. 33], явилась сама организация условий содержания. Принуждение арестантов к труду ни к чему, кроме отупения и озлобления, не приводило, а об эффективности нравственного и религиозного воспитания нечего было и говорить.

Однако со временем ситуация стала меняться, хотя и в некоторых случаях изменения проходили только на бумаге. С одной стороны, это было обусловлено активизацией международного сотрудничества в пенитенциарной сфере, выразившегося в появлении практики созыва международных тюремных конгрессов, с другой – реформированием почти всех сторон общественной жизни в России.

Предположительно в 1868 году появился Проект положения об исправительных тюрьмах (далее – Положение) [9], который предполагал устанавливать мужские и женские тюрьмы. При этом в последних было необходимым обязательное наличие акушерок, которым, согласно пункту 5 Положения, должно платиться содержание 240 рублей в год. Однако на практике введены эти должности были только лишь в 1915 году Общей тюремной инструкцией, что значительно облегчило участь арестанток.

Как нам представляется, это было следствием VI Международного тюремного конгресса, проходившего в августе 1900 года в Брюсселе. Речь на нем как раз велась о введении медицинского персонала в штаты тюрем и исправительных арестантских отделений, а также осуществлении обязательных ежеквартальных медицинских осмотров, введении в штат врача психиатра [4, с. 156-157].

Работа над систематическим проектом тюремного преобразования в Российской империи была начата еще в 1872 году. Однако, в основном, все это ограничивалось разработкой теоретических законоположений, лишь некоторые из которых получили практическое воплощение.

Предполагаем, что во второй половине XIX века впервые на государственном уровне был поставлен вопрос о месте содержания осужденных лиц женского пола, запрете нахождения с мужчинами арестантами в одном учреждении, даже в разных блоках, не «на бумаге», а на практике.

Вот как описывается этот факт в исторической литературе [8, с. 15-16]. «Одним из возникающих вопросов являлся вопрос о содержании обоих полов в разных отделениях одного и того же здания. Многолетний опыт наблюдения показывал, что помещение мужчин и женщин в одной тюрьме, но в разных отделениях, влечет к существенным нарушениям тюремной дисциплины. Взаимные стремления мужчин и женщин к свиданиям и сношениям всегда служили источником беспорядков и преступлений в исправительном учреждении. При этом ни бдительность надзора, ни строгость взысканий, не могли остановить этих стремлений. Арестанты всегда шли на хитрость, нередко применяли насилие, были даже случаи пролома стен и подкопов в женские камеры, подкуп стражи и др. Соседство женщин и мужчин в одной тюрьме усложняет деятельность администрации, тем самым отрывает ее от более важных дел».

С этим выводом, сделанным более 100 лет назад, сложно не согласиться в настоящее время.

На наш взгляд, законодательное закрепление изучаемых процессов можно отнести, как уже отмечалось в самом начале, к 1880 году. В связи с этим целесообразно ввести в научный оборот отдельные нормативные документы.

Итак, в соответствии с Циркуляром

Главного тюремного управления (далее – ГТУ) № 9.065 от 12 октября 1880 года «О порядке распределения ссыльно-каторжных для отбывания наказания» [13] предусматривался порядок распределения осужденных в каторжные тюрьмы, включая и такую категорию, как осужденные женщины. Арестанток старались содержать отдельно от мужчин, определять для них более приемлемую работу.

Несколькими месяцами ранее Циркуляром ГТУ № 9 от 29 января 1880 года [14] был разрешен перевод ссыльных из одного места отбывания наказания в другое по собственному желанию. Такой перевод был возможен только за счет собственных средств самого арестанта. Это положение касалось как мужчин, так и женщин. Скорее всего, речь шла о возможности отбывать наказание не далеко от дома, от семьи, что было важным этапом в вопросах социальной адаптации лиц, преступивших закон. Это направление отчетливо просматривается в Циркуляре ГТУ № 10 от 17 марта 1882 года [15], в котором указывалась возможность вступления в брак арестантам-каторжникам, как мужчинам, так и женщинам, с лицами «свободного состояния». По мнению законодателя царской России, это позволило бы осужденным «ослабить силу кары за тяжкие преступления, вернуть преступников в благоприятную среду, в которой они были до совершения преступления».

Выше обозначенные нормативные акты постепенно подходили к вопросу определения мест отбывания наказания в отношении женщин.

И только в 1891 году Циркуляром ГТУ от 6 ноября № 16 были утверждены «Правила о порядке распределения и отправления в места назначения из губерний Европейской части России и Кавказского края осужденных в каторжные работы и добровольно следующие в ссылку семейств их» (далее – Правила) [16]. Согласно пункту 3 Правил, неспособные по увечьям,

старости и дряхлости к работам, но могущие следовать женщины старше 55 лет направлялись непосредственно Губернским правлением в ведение Тюменского приказа о ссыльных. Туда же направлялись еврейки.

Пункт 4 Правил определял, что ссыльно-каторжные женщины, как «годные», так и не годные к работам, но способные следовать в ссылку направлялись в Московскую центральную пересыльную тюрьму, кроме следующих из Бессарабской и Херсонской губерний. Осужденные из этих губерний отбывали наказание в Одесской тюрьме. Там же отбывали наказания преступницы, проживающие до осуждения в Одессе.

Современник того времени М.В. Шимановский [17, с. 30] описал труд осужденных женщин в пересыльной тюрьме Одессы. Давайте обратимся к некоторым эпизодам. «В Одессе женская тюрьма совершенно отделена от мужской, и помещена в частное здание, находящаяся среди дач. Обстановка очень удобная для физического труда. Женщины занимаются стиркой белья, готовят кушанье, треплют паклю». Поэтому вполне логично задать вопрос, а какая же лучше работа подходит для арестанток?

Во-первых, они по большей части лица низшего сословия – крестьянки и мещанки.

Во-вторых, они приучены к домашним работам.

Следовательно, при организации труда женщин на первое место должны ставиться работы общего характера и домашнего обихода.

Именно поэтому наблюдателями Тюремного Комитета было отмечено, что преступницы охотнее исполняют привычные для них обязанности: стирка белья и мойка пола. Также было предложено ввести работы по огородничеству и молочному хозяйству. Как было указано в докладе, «женщины из низшего сословия привычны

к этой деятельности и любят ее. К тому же в Одессе эти две отрасли деятельности могут иметь весьма выгодный сбыт».

И с этим, на наш взгляд, нельзя не согласиться, ведь именно в кругу домашнего обихода должна вращаться работа женщин-арестанток.

В последующем развитие законодательства царской России происходило под влиянием международных тюремных конгрессов второй серии. Стоит отметить, что наше государство по некоторым пенитенциарным вопросам даже имело некоторые преимущества перед другими зарубежными странами.

Так, например, отмечалось, что посещение тюрем иностранцами представлялось не редким явлением. Среди посещающих были и вполне компетентные люди. К слову, в 1907 году в России с визитом побывал представитель международной пенитенциарной комиссии, доктор С. Барровс. После осмотра в Санкт-Петербурге одиночной тюрьмы и дома предварительного заключения он констатировал, что эти места заключения не только не уступают тюрьмам Англии, Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии, но даже в некоторых отношениях превосходят их [6, с. 5-6].

Обращает на себя внимание и довольно критичное отношение отдельных ученых к некоторым резолюциям международных тюремных конгрессов. Так, например, оценивая резолюцию IX Конгресса по вопросу классификации осужденных, Б.С. Утевский отмечал, что в ней «мало нового и интересного, особенно для советской пенитенциарии» [12, с. 89], с чем нельзя не согласиться, ознакомившись с приводимым им текстом резолюции.

В некоторых случаях советское исправительно-трудовое законодательство оказывалось более прогрессивным.

Вопрос о вознаграждении осужденных за труд, ставший предметом обсуждения административной секции IX Конгресса, был к тому времени за-

конодательно разрешен в статье 70 Исправительно-трудоувого кодекса РСФСР 1924 года (далее – ИТК 1924)¹, согласно которой «заключенные получают за труд вознаграждение, нормы и порядок регулирования которого устанавливаются НКВД РСФСР по Главному Управлению местами заключения РСФСР по соглашению с Народным Комиссариатом Труда РСФСР». Более того, в целях повышения производительности труда при работах в местах заключения статья 73 ИТК 1924 года предусматривала применение системы урочного и сдельного вознаграждения.

Б.С. Утевский был вынужден констатировать, что право заключенных на вознаграждение за свой труд не только не признано странами Европы и Америки, но и фактически отвергнуто IX Конгрессом.

В пункте первом соответствующей резолюции указывалось на отсутствие обязанности государства оплачивать принудительный труд заключенных, хотя отмечалась желательность поддержания их усердия к работе в виде различных наград.

Более того, оговаривалось, что в случаях, когда соответствующее поощрение принимает денежную форму, заключенный не вправе был тратить его, делая платежи на стороне.

Не случайно Б.С. Утевский в 1931 году, делая заключение по первому проекту Правил обращения с заключенными, выработанному в 1926 году международной уголовно-правовой и пенитенциарной комиссией, предлагал международному сообществу воспользоваться положительным опытом советских исправительно-трудоуговых учреждений, в частности, позаимствовать «институт самоокарауливания», отмечая, что советская пенитенциарная система «исходит из той простой и естественной мысли, что следует несколько развить са-

мосознание заключенных, чтобы они сами, своими силами поддерживали порядок внутри мест заключения и сами принимали участие в недопущении побегов» [3, с. 20].

Все это позволяет говорить о том, что развитие пенитенциарной системы в части формирования правил обращения с осужденными в первые годы советской власти не только шло в русле международной практики, но и зачастую опережало ее, демонстрируя более ярко выраженные гуманистические начала.

Интересна, на наш взгляд, и система мест заключения по ИТК 1924 года, который делил их в зависимости от характера и направленности мер воздействия на осужденных на три группы (ст. 46):

- 1) учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера;
- 2) учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера;
- 3) учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера.

Положительным являлось то, что каждая из этих групп включала в себя несколько видов мест заключения. Распределение заключенных осуществлялась в соответствии с социальными и психическими особенностями личности преступника, а также индивидуализации мер социальной защиты в зависимости от причин преступления.

ИТК 1924 года предусматривал перевод положительно характеризующихся осужденных в переходные исправительно-трудоуговые дома в обстановку полусвободного режима. По мнению С.П. Середы, норма являлась передовой [11, с. 25], однако на практике не получила развитие. Понятие «полусвободный режим» нам встречается в юридической литературе только в 1980 году. В рамках монографического

¹ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР» // «СУ РСФСР». 1924. № 86. ст. 870.

исследования автора статьи [1, с. 15] было изучено мнение Ф.Р. Сундурова относительно применения условий полусвободы перед освобождением к осужденным рецидивистам. Он считал, что это имеет положительный эффект для постепенного привыкания такого спецконтингента, осужденного к лишению свободы на длительные сроки, к жизни на свободе.

Тем не менее, первый кодифицированный пенитенциарный документ РСФСР подробно не регламентировал вопросы, которые связаны с местом отбывания наказания в виде лишения свободы для женщин. Статья 114 ИТК 1924 года лишь указывала на то, что заключенные женского пола и несовершеннолетние, а также правонарушители из рабоче-крестьянской молодежи в возрасте от 16 до 20 лет, помещаются в специально для них предназначенные исправительно-трудовые учреждения.

Таким образом, изучив историческую юридическую литературу, источни-

ки из архивов (некоторые из них вводятся автором в научный оборот), можно прийти к выводу, что пенитенциарная политика царской России в отношении лиц женского пола приобретала гуманистическую направленность, начиная со второй половины XIX века.

Это время начала работы международных тюремных конгрессов, в которых Россия принимала активное участие. На наш взгляд, временные рамки по определению территориальности отбывания наказания арестантками, возможно, отнести к 1880 году. Этот вывод сделан на анализе исторических нормативных источников. Однако ИТК 1924 года не предусматривал законодательного закрепления мест отбывания наказания в отношении лиц женского пола, что наводит на мысль о невозможности решения вопросов сохранения или восстановления социально полезных связей этой категорией осужденных в тот период времени.

Литература

1. Белова Е.Ю. Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных в льготных условиях отбывания наказания: монография / под научной редакцией В.И. Селиверстова. 2-е изд. М.: Издательство «Юрайт», 2020. 157 с.
2. Белова Е.Ю., Белов В.И. Зарождение международных пенитенциарных стандартов в отношении осужденных женщин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 4 (14). С. 14–22.
3. Гаранжа С.А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 228 с.
4. Жижиленко А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе 1900 года // Вестник права. 1901. № 3–4. С. 126–159.
5. Иванов А.А. Научно-гуманистическая мысль и становление западноевропейской системы в XVIII-первой половине XIX века // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 33–36.
6. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятия в области тюремного дела в России за 1905-1910 гг. Санкт-Петербург, 1910. 68 с.
7. Никитин В.Н. «Несчастные» (по поводу бывшего тюремного конгресса). Санкт-Петербург, Типография газет «Новости», 1890. 54 с.
8. Объяснительная записка к проекту положения об исправительных тюрьмах. Санкт-Петербург, 186?. 93 с. Документ вводится автором статьи в научный оборот.
9. Проект положения об исправительных тюрьмах. Санкт-Петербург, 186?. 7 с.

10. Проект положения о крепостных арестантских отделениях и об осужденных в каторжную работу в крепостях. Санкт-Петербург, 1864. 67 с.
11. *Серёда С.П.* Определение места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2007. 237 с.
12. *Утевский Б.С.* IX Международный тюремный конгресс // Право и жизнь. 1926. Кн. 2-3. С. 80–94.
13. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 11006. С. 164–165 (источник вводится в научный оборот).
14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 11006. С. 34 (источник вводится в научный оборот).
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 11250. С. 28 (источник вводится в научный оборот).
16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 15016. С. 42–44 (источник вводится в научный оборот).
17. *Шимановский М.В.* О тюремных работах. Одесса, 1890. 31 с.

References

1. *Belova E.Yu.* Social'naya adaptaciya nesovershennoletnih osuzhdennyh v l'gotnyh usloviyah otbyvaniya nakazaniya: monografiya / pod nauchnoj redakciej V.I. Seliverstova. 2-e izd. M.: Izdatel'stvo «Yurajt», 2020. 157 s.
2. *Belova E.Yu., Belov V.I.* Zarozhdenie mezhdunarodnyh penitenciarных standartov v otnoshenii osuzhdennyh zhenshchin // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2022. № 4 (14). S. 14–22.
3. *Garanzha S.A.* Ispravitel'no-trudovaya politika Sovetskogo gosudarstva (na primere obshchih mest zaklyucheniya RSFSR) v 1917-1934 gg.: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 228 s.
4. *Zhizhilenko A.* Mezhdunarodnyj penitenciarный kongress v Bryussele 1900 goda // Vestnik prava. 1901. № 3–4. S. 126–159.
5. *Ivanov A.A.* Nauchno-gumanisticheskaya mysl' i stanovlenie zapadnoevropejskoj sistemy v XVIII-pervoj polovine XIX veka // YUridicheskoe obrazovanie i nauka. 2005. № 3. S. 33–36.
6. *Kratkij ocherk tyuremnogo ustrojstva i meropriyatiya v oblasti tyuremnogo dela v Rossii za 1905-1910 gg.* Sankt-Peterburg, 1910. 68 s.
7. *Nikitin V.N.* «Neschastnye» (po povodu byvshego tyuremnogo kongressa). Sankt-Peterburg, Tipografiya gazet «Novosti», 1890. 54 s.
8. *Ob"yasnitel'naya zapiska k projektu polozheniya ob ispravitel'nyh tyur'mah.* Sankt-Peterburg, 186?. 93 s. Dokument vvoditsya avtorom stat'i v nauchnyj oborot.
9. *Proekt polozheniya ob ispravitel'nyh tyur'mah.* Sankt-Peterburg, 186?. 7 s.
10. *Proekt polozheniya o krepostnyh arestantskih otdeleniyah i ob osuzhdennyh v katorzhnuyu rabotu v krepostyah.* Sankt-Peterburg, 1864. 67 s.
11. *Sereda S.P.* Определение места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2007. 237 с.
12. *Utevskij B.S.* IX Mezhdunarodnyj tyuremnyj kongress // Pravo i zhizn'. 1926. Кн. 2-3. S. 80–94.
13. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga.* F. 254. Op. 1.

D. 11006. S. 164–165 (istochnik vvoditsya v nauchnyj oborot).

14. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga. F. 254. Op. 1.

D. 11006. S. 34 (istochnik vvoditsya v nauchnyj oborot).

15. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga. F. 254. Op. 1.

D. 11250. S. 28 (istochnik vvoditsya v nauchnyj oborot).

16. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga. F. 254. Op. 1.

D. 15016. S. 42–44 (istochnik vvoditsya v nauchnyj oborot).

17. *Shimanovskij M.V.* O tyuremnyh rabotah. Odessa, 1890. 31 s.

Сведения об авторе

Белова Екатерина Юрьевна: ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (Псковский филиал) (г. Псков, Российская Федерация), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ekaterina-birukova@inbox.ru.

Information about the author

Belova Ekaterina Yurievna: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch) (Pskov, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, Candidate of Law, Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: ekaterina-birukova@inbox.ru.

УДК 343.8

Ю. А. Головастова

КОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы кодификации исправительно-трудового и уголовно-исполнительного законодательства.

Цель исследования – выявить общие и специальные проблемы правоприменительного характера, возникающие в сфере исполнения уголовных наказаний на разных этапах развития советского и российского государства, определить пробелы и недостатки исправительно-трудового и уголовно-исполнительного законодательства, снижающие эффективность правового регулирования в исследуемой сфере.

Задачи исследования: оценка исправительно-трудового и действующего уголовно-исполнительного законодательства; изучение мнения ведущих советских и российских ученых-пенитенциаристов на предмет состояния норм права, регулирующих исследуемые сферы правового регулирования; разработка предложений по совершенствованию

© Головастова Ю.А., 2024

© Golovastova Yu. A., 2024

действующего уголовно-исполнительного законодательства.

В процессе исследования использованы общие и специальные методы научного познания: диалектический, формально-логический, функциональный, системно-структурный, сравнительно-правовой, а также методы правового моделирования и прогнозирования.

Автор уделяет особое внимание общим проблемам, присутствующим в процессе проведения кодификационной работы по разработке теоретических основ исправительно-трудового и уголовно-исполнительного законодательства. В статье формулируются конкретные предложения по обновлению УИК РФ.

Ключевые слова: кодификация, исправительно-трудовое законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, осужденный, кодификационный акт.

Yu. A. Golovastova

CODIFICATION PROCESSES IN CORRECTIONAL LABOR AND PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article examines the theoretical and practical problems of codification of correctional labor and penal enforcement legislation.

The purpose of the study is to identify general and special law enforcement problems that arise in the field of execution of criminal penalties at different stages of the development of the Soviet and Russian states, to identify gaps and shortcomings of correctional labor and penal enforcement legislation that reduce the effectiveness of legal regulation in the field under study.

Research objectives: assessment of correctional labor and current penal enforcement legislation; study of the opinion of leading Soviet and Russian penitentiary scientists on the state of law governing the studied areas of legal regulation; development of proposals for improving the current penal enforcement legislation.

In the course of the research, general and special methods of scientific cognition were used: dialectical, formal-logical, functional, systemic-structural, comparative-legal, as well as methods of legal modeling and forecasting.

The author pays special attention to the general problems present in the process of codification work on the development of the theoretical foundations of correctional labor and penal enforcement legislation. The article formulates specific proposals for updating the PEC of the Russian Federation.

Keywords: codification, correctional labor legislation, penal enforcement legislation, convict, codification act.

В правовой науке основной акцент уделяется нормативным актам, в которых сосредоточены нормы права, регулирующие различного рода общественные отношения. Исторический экскурс правовых источников советского периода, регламентирующих процесс исполнения уголовных наказаний, дает представление не только о сущности состояния исправительно-трудового законодательства, отражая особенно-

сти законотворческого процесса в XX веке, но и позволяет провести сравнительно-правовой анализ с действующим уголовно-исполнительным законодательством.

Следует признать, что формирование исправительно-трудового законодательства приходится на конец 1917 – начало 1918 гг. Нормы, регулирующие вопросы исполнения уголовных наказаний, находились в общих и специальных уголов-

но-правовых декретах и обращениях советской власти. Тем не менее, значимым шагом, свидетельствующим о систематизации исправительно-трудового законодательства, является кодификационный акт – Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года (далее по тексту «ИТК РСФСР 1924 года»). ИТК РСФСР 1924 года предусматривал исполнение таких видов наказаний как лишение свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Ряд положений, содержащихся в нем, были заимствованы из нормативных актов дореволюционной России.

ИТК РСФСР 1924 года структурно состоял из разделов и 10 глав (отделов), регламентирующих исполнение наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Отрадно и то, что в нем присутствовал раздел «Общие положения», где отражались цели, задачи, принципы советской исправительно-трудовой политики. Кроме того, несмотря на то, что некоторые положения закона не соответствовали практике применения наказаний, по мнению ряда ученых, ИТК РСФСР 1924 года признается одним из лучших пенитенциарных законов в истории нашего государства [6, с. 388-389]. В ИТК РСФСР 1924 года отражались общие положения порядка и условий исполнения наказания, что свидетельствует о происходивших процессах интеграции нормативно-правового массива. Заслуживает внимание и то, что были введены нормы-дефиниции, что способствовало единообразному пониманию сущности исправительно-трудового процесса для правоприменителей. В указанном документе отчетливо присутствовали процессы дифференциации нормативно-правового материала. Спустя девять лет в 1933 году был введен новый ИТК РСФСР. В течение длительного периода, начиная с 1958 года до введения ИТК РСФСР 1970 года ученые в области исправительно-трудового права занимались разработкой теоретических

основ кодификации исправительно-трудового законодательства [3, с. 52-58]. Одна из важнейших задач кодификации исправительно-трудового законодательства виделась в разработке правовых норм, обеспечивающих эффективность исполнения мер уголовного наказания исправительно-трудового характера, соблюдении прав осужденных, строгой правовой регламентации деятельности исправительно-трудовых учреждений. Научные взгляды ученых акцентировались на ряде важных вопросов в рамках кодификационной работы. К их числу можно отнести: задачи и предмет исправительно-трудового законодательства; соотношение общесоюзного и республиканского исправительно-трудового законодательства и исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Обсуждение предмета исправительно-трудового права сопровождалось многочисленными дискуссиями среди ученых. В частности, Л.В. Багрий-Шахматов, Н.А. Стручков ратовали за включение в предмет исправительно-трудового законодательства общественных отношений, складывающихся по поводу исполнения условного осуждения, находящегося в неразрывной связи с исправительно-трудовым воздействием на осужденного [1, с. 62-76].

Занимаясь вопросами кодификации исправительно-трудового законодательства, особое внимание уделяли системе, принципам и общим положениям, определяющим структуру основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик. Так, ученые высказывали аргументированные позиции о закреплении общих задач и принципов исполнения наказаний исправительно-трудового характера, видов и задач исправительно-трудовых учреждений, правил классификации осужденных и организации процесса их исправления на основе прогрессивной системы. Кроме того, в целях повышения правовых гарантий законности в указанной сфере предлагалось закрепить основы

правового положения осужденных, условия их содержания, участие общественности в деятельности исправительно-трудовых учреждений. Следует признать, что идеи о структуре, задачах и содержании исправительно-трудового законодательства, разработанные учеными, были восприняты и составили основу принятого в 1969-1970 гг. общесоюзного и республиканского исправительно-трудового законодательства. Таким образом, проводилась работа по развитию важнейших институтов исправительно-трудового права.

В процессе кодификационной работы советские пенитенциаристы подвергли глубокой теоретической разработке широкий круг проблем советской исправительно-трудовой политики и ее соотношение с исправительно-трудовым правом. Как было отмечено, высказывались позиции о законодательном закреплении норм права, регулирующих порядок исполнения всех видов уголовных наказаний, а не только тех, которые предполагали соединение с исправительным воздействием. Помимо прочего, обращали серьезное внимание на методы, правовые основания и пределы оказания исправительного воздействия на осужденных. В частности, проблема применения такого средства исправления как труд, подняла проблему наполнения исправительно-трудового законодательства материальными нормами права. Трудно переоценить весомый вклад таких ученых как А.Г. Крахмальник, А.И. Наташев, Н.А. Стручков, И.В. Шмаров и других, занимавшихся на глубоком и всестороннем уровне проблемами кодификации исправительно-трудового законодательства. Ими были внесены предложения по совершенствованию исправительно-трудового законодательства, касающиеся вопроса целесообразности раздельного содержания категорий осужденных в ИТУ. Кроме того, в рамках кодификационной работы в середине 70-х годов большое внимание уделялось проблеме предупреждения преступлений

среди освобожденных от наказания. Подвергались исследованию социально-психологические, криминологические, правовые и организационные проблемы адаптации освобожденных из исправительно-трудовых учреждений.

В сравнительном плане отметим, что данное направление востребовано и обсуждается в наши дни в контексте постпенитенциарной пробации. Оценивая в целом постпенитенциарный контроль за осужденными, прежде всего, следует отметить, что он не является чем-то новым. Его истоки усматриваются еще при обсуждении вопросов, связанных с кодификационной работой, в рамках исправительно-трудового законодательства.

В 1997 году был принят действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее по тексту «УИК РФ»). Следует признать, что при всей своей положительной характеристике, УИК РФ оказался незавершенным в части регламентации вопросов, регулирующих исполнение иных мер уголовно-правового характера.

Анализ норм действующего уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о том, что присутствует ряд аргументов в пользу его обновления и совершенствования. Развитие уголовно-исполнительных отношений приводит к тому, что уголовно-исполнительное законодательство на определенной стадии функционирования не соответствует новым уголовно-исполнительным отношениям. Возникает противоречие между новыми общественными уголовно-исполнительными отношениями и уголовно-исполнительным законодательством [7, с. 39-43]. Следует признать, что такого рода несоответствие обусловлено, с одной стороны, объективным фактором и свидетельствует, прежде всего, о динамических процессах, происходящих в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Помимо объективных

факторов существуют факторы субъективного характера. К ним можно отнести: незавершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства 1997 года, существование пробелов и коллизий, присутствие норм уголовно-исполнительного права, разбросанных по нормативным актам, относящимся к другим отраслям права.

Учитывая сказанное, пристальному вниманию заслуживает обсуждение вопроса о необходимости введения новых норм и институтов уголовно-исполнительного права в Общую и Особенную части УИК РФ [2, с. 492-495].

Рассуждая о вопросах кодификации, хотелось бы предложить законодателью рассмотреть возможность дополнения УИК РФ новыми нормами уголовно-исполнительного права.

На наш взгляд, необходимо осуществить кодификацию норм уголовно-исполнительного права, регулирующих весь массив уголовно-исполнительных правоотношений.

В общей части УИК РФ предусмотреть три раздела, охватывающие наиболее крупные и комплексные институты уголовно-исполнительного права.

Раздел I «Основные положения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» может быть представлен тремя главами: глава 1 «Общие положения», глава 2 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», глава 3 «Исправительно-предупредительное воздействие на осужденных».

Требуется закрепление правового положения всех субъектов уголовно-исполнительного права в УИК РФ. Предлагается в качестве субъектов уголовно-исполнительного права рассматривать не только осужденных и субъектов исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, но и иных лиц, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях.

Во-первых, необходимо содержательное расширение института уголовно-исполнительной правосубъектности.

В Общей части УИК РФ в разделе II «Субъекты» должна присутствовать не только глава, раскрывающая правовое положение осужденных, но и необходимо предусмотреть в отдельной главе правовое положение субъектов исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, существуют основания для образования в Общей части уголовно-исполнительного права института иных лиц, участвующих в уголовно-исполнительных отношениях, где требуется отразить правовой статус родственников осужденных, священнослужителей, представителей общественности, прокурора, принимающих участие в процессе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Целесообразно на законодательном уровне закрепить осуществление контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Не вызывает сомнения, что понятие «уголовно-исполнительный процесс» может трактоваться широко, когда под ним понимается не только процесс исполнения, но и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Учитывая сказанное, предлагаем, по сравнению с действующим УИК РФ, выделить отдельную главу с названием «Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных при отбывании ими уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера». На наш взгляд, в данной главе уместно уделить внимание нормативным положениям об общественном, государственном правозащитном, международном контроле.

Предлагается закрепить в разделе «Субъекты» отдельную главу «Посещение учреждений и органов, исполняющих

уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера». Данная идея аргументированна в научно-теоретической модели общей части УИК РФ [5, с. 45]. Следует признать, что регламентация вопросов участия иных субъектов, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях, при посещении осужденных, отбывающих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, в отмеченной теоретической модели выглядит продуманной.

Таким образом, раздел II «Субъекты» мог бы включать в себя шесть глав: «Правовой статус осужденных», «Субъекты исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, их правовой статус», «Иные лица, участвующие в отношениях, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством», «Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных, отбывающих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «Посещение учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера» [4, с. 24].

Новым разделом в УИК РФ, на наш взгляд, может быть рассмотрен раздел III «Уголовно-исполнительное производство», состоящий из следующих пяти глав: «Подача и подготовка заявления осужденного к рассмотрению», «Рассмотрение и принятие решений администрацией учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «Исполнение правоприменительного акта», «Производство по рассмотрению жалоб осужденных на незаконные действия персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «Правила внутреннего распорядка учреждений и органов, исполняющих уголовные

наказания и иные меры уголовно-правового характера». Производство по применению мер поощрений и взысканий». Таким образом, структурно уголовно-исполнительное производство может быть разделено на следующие части: нормы, закрепляющие общие положения; нормы, регулирующие регулятивные уголовно-исполнительные правоотношения; нормы, регламентирующие охранительные уголовно-исполнительные правоотношения.

Учитывая принцип дифференциации уголовно-исполнительного законодательства, следует на наш взгляд, выделить в институте уголовно-исполнительной правосубъектности нормы, которые распространяют свое действие на отдельные категории осужденных к лишению свободы. Содержание дифференциации по определенным категориям осужденных к лишению свободы сводится к тому, что специальными нормами для них установлены особые условия исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Дифференциация уголовно-исполнительного законодательства по категориям осужденных к лишению свободы объективно может выражаться в виде закрепления отдельного раздела «Особенности исполнения лишения свободы в отношении разных категорий осужденных», предусматривающем особые главы: «Особенности исполнения лишения свободы в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства», «Особенности исполнения лишения свободы в отношении лиц, осужденных за экономические и должностные преступления», глава «Особенности лишения свободы в отношении лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления».

Действующий раздел VI УИК РФ «Освобождение от отбывания наказания. Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними» целесообразнее подвергнуть разукрупнению, то есть выделить из него специальный

раздел «Помощь осужденным в период подготовки к освобождению от наказания». Такой подход в целом соответствует границам предмета уголовно-исполнительного права и не противоречит содержанию уголовно-исполнительных правоотношений.

В рамках оказания помощи осужденным в период подготовки к освобождению от наказания следует выделить ряд важных направлений: восстановление социально-полезных связей осужденных; получение профессии лицами, отбывающими уголовные наказания; решение вопросов по трудоустройству; оказание психологической помощи при освобождении.

Правовое регулирование вопросов освобождения от отбывания наказания и оказания помощи осужденным, освобожденным от отбывания наказания, осуществление контроля за ними, на наш взгляд, следует расположить в отдельном разделе УИК РФ.

Из системного анализа правовых норм, регламентирующих данные вопросы, усматривается их межотраслевой характер, тем не менее, их нахождение в УИК РФ считаем уместным для отражения смежных взаимосвязей между уголовно-исполнительными, уголовными, административными и иными правоотношениями.

Как видим, решение проблем упорядочения законодательства, регулирующего сферу исполнения мер уголовной ответственности, применения к осужденным средств исправления, повышения результативности воздействия таких норм, актуально не только в наши дни, но и волновало ученых на различных этапах исторического развития нашего государства. Сущность кодификационных процессов состоит в разработке, а иногда в объединении и переработке правовых норм, сосредоточенных в источниках права, в целях совершенствования действующих институтов права и в целом отдельно взятой отрасли права. В любом случае данные процессы всегда направлены на повышение уровня защи-

щенности субъектов уголовно-исполнительного права, укреплению законности и правопорядка в сфере исполнения мер уголовной ответственности.

Сравнительный анализ исправительно-трудового и уголовно-исполнительного законодательства показал, что в процессе кодификации возникает насущная потребность учитывать изменения социально-экономического, политического, культурно-идеологического характера, присутствующих в государстве и обществе, и соответственно, влияющих на развитие сферы исполнения уголовных наказаний.

В процессе кодификационной работы устраняются пробелы, коллизии права, неопределенность, повторение правовых норм.

Примечательно, что анализ проводимой кодификационной работы советскими и российскими учеными-пенитенциаристами позволил выявить определенные тенденции, характеризующие проблемы систематизации нормативных положений в сфере исправительно-трудового и уголовно-исполнительного права.

Следует признать, что достаточно динамично обсуждался вопрос о расширении предмета исправительно-трудового законодательства. Этот вопрос своевременно поднимается и на современном этапе, поскольку существует незавершенность кодификации в части регламентации порядка исполнения иных мер уголовно-правового характера.

Сближает кодификационные процессы в исправительно-трудовом и уголовно-исполнительном законодательстве разработка процедурных норм уголовно-исполнительного права.

Этот вопрос значим, так как в свою очередь он тесно связан с проблемой соотношения материальных, процедурных и процессуальных норм права.

Так, уголовно-исполнительное право относится к материально-процедурной отрасли права, так как наполнено не толь-

ко правовыми нормами, определяющими порядок и условия исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, но и материальными нормами, обеспечивающими применение к осужденным средств исправления, и даже процессуальными, в процессе которых реализуются меры поощрения и взыскания.

К числу важных проблем в советский период относилась проблема разграничения общесоюзного и республиканского исправительно-трудового законодательства.

Учитывая, что уголовно-исполнительное законодательство в соответствии с пунктом «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации относится к ведению Российской Федерации, действует только федеральный уровень принятия всех нормативных правовых актов, регулирующих данные вопросы.

Еще одним сближающим моментом

при обсуждении вопросов кодификации исправительно-трудового и уголовно-исполнительного законодательства, видится обеспечение устранения дублирующих и взаимоисключающих норм права, существующих коллизий и пробелов, восполнение нормативного массива недостающими правовыми нормами.

В процессе кодификационной работы перед наукой всегда стоит задача совершенствования законодательства.

Для ее решения необходима разработка вопросов социологии права, что подтверждается как историческим опытом прошлого периода исправительно-трудового законодательства, так и действующим уголовно-исполнительным законодательством.

Такой подход позволяет глубже вскрыть механизм действия норм права, способствует их совершенствованию.

Литература

1. *Багрий-Шахматов Л.В.* Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. М., 1969. С. 62-76.
2. *Головастова Ю.А.* Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: монография. Под научн. ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.И. Селиверстова. М.: ИД Юриспруденция, 2019. С. 492-495.
3. *Стручков Н.А.* Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства. М., 1973. С. 52-58.
4. *Селиверстов В.И.* Посещение учреждений и органов, исполняющих наказания, без специального на то разрешения // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 24.
5. *Селиверстов В.И.* Научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного Кодекса РФ: новеллы и перспективы // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1-4). С. 45.
6. *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденции развития. СПб, 2004. 608 С.
7. *Уткин В.А.* Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 39-43.

References

1. *Bagrij-Shahmatov L.V.* Sistema ugovolnyh nakazaniy i ispravitel'no-trudovoe pravo. M., 1969. S. 62-76.
2. *Golovastova Yu.A.* Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossijskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema: monografiya. Pod nauchn. red. d.yu.n., professora,

zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii V.I. Seliverstova. M.: ID Yurisprudenciya, 2019. S. 492-495.

3. *Struchkov N.A.* Problemy nauki ispravitel'no-trudovogo prava v svete novogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. M., 1973. S. 52-58.

4. *Seliverstov V.I.* Poseshchenie uchrezhdenij i organov, ispolnyayushchih nakazaniya, bez special'nogo na to razresheniya // Uголовно-исполнительное право. 2016. № 2. S. 24.

5. *Seliverstov V.I.* Nauchno-teoreticheskaya model' Obshchej chasti Uголовно-исполнительного Кодекса РФ: novelty i perspektivy // Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal. 2017. T. 3 (1-4). S. 45.

6. *Uporov I.V.* Penitenciarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencii razvitiya. SPB, 2004. 608 S.

7. *Utkin V.A.* Uголовно-исполнительная деятельность i predmet uголовно-исполнительного prava // Uголовно-исполнительное право. 2016. № 2. S. 39-43.

Сведения об авторе

Головастова Юлия Александровна: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными; Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в г. Рязани) (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин, доктор юридических наук, доцент. E-mail: UGolovastova@yandex.ru.

Information about the author

Golovastova Yulia Aleksandrovna: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Executive law and Organization of Educational Work; Witte Moscow University (Branch in Ryazan) (Ryazan, Russian Federation), Professor Department of Criminal Law and Humanities, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: UGolovastova@yandex.ru.

УДК 343.8

А. Я. Гришко

ПРОБАЦИЯ: ОТ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО КОДЕКСА РСФСР 1924 ГОДА К ЗАКОНУ О ПРОБАЦИИ

Статья посвящена теме probation, ее роли в предупреждении рецидивной преступности. В очерковом плане описывается история развития темы probation в период с 1924 года (ИТК РСФСР 1924 года) по настоящее время. Автор анализирует степень правовой урегулированности трудового, бытового устройства лиц после

© Гришко А.Я., 2024

© Grishko A. Ya., 2024

освобождения от отбывания наказания, психологического обеспечения исполнительской и постпенитенциарной probation. Акцентируется внимание на более высокой законодательной и иной нормативной правовой урегулированности трудового устройства. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства в сфере обеспечения освободившихся жильем. Вносятся предложения о введении в штатное расписание уголовно-исполнительных инспекций социальных работников и психологов.

В статье имеет место суждение об односторонности правовой урегулированности исполнительской и постпенитенциарной probation. В указанном аспекте они урегулированы, главным образом, в отношении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. По мнению автора, на подзаконном нормативном правовом уровне деятельность всех субъектов probation должна быть урегулирована, прежде всего, Постановлением Правительства Российской Федерации.

Ретроспективный анализ законодательства в сфере probation позволяет сделать вывод о ее развитии. Получив свое изначальное отражение в ИТК РСФСР 1924 года, она стала предметом урегулирования основным законом в сфере probation – «О probation в Российской Федерации». На его реализацию направлены законы «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (2013 г.), «О занятости населения в Российской Федерации» (2024 г.), ведомственные нормативные правовые акты (приказ Минюста России «О ресоциализации, социальной адаптации, и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (2023 г.). Последние в значительной степени создают механизм реализации основного закона о probation. В целях систематизации норм в рассматриваемой сфере предлагается создать единый законодательный акт, регламентирующий вопросы реализации всех видов probation. Таким актом мог бы быть probationный кодекс.

Ключевые слова: probation, пенитенциарная, исполнительная, постпенитенциарная, рецидивная преступность, законодательство, уголовно-исполнительный.

A. Ya. Grishko

PROBATION: FROM CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR 1924 TO THE LAW ON PROBATION

The article is devoted to the topic of probation, its role in the prevention of recidivism. The outline describes the history of the development of the topic of probation in the period from 1924 (CLC of the RSFSR of 1924) to the present. The author analyzes the degree of legal regulation of the labor and household structure of persons after release from serving a sentence, psychological support for executive and post-penitentiary probation. Attention is focused on a higher legislative and other regulatory legal regulation of the labor structure. Measures are proposed to improve legislation in the field of providing vacant housing. Proposals are being made to introduce social workers and psychologists into the staffing of penal enforcement inspections.

The article makes a judgment about the one-sidedness of the legal regulation of executive and post-penitentiary probation. In this aspect, they are regulated mainly in relation to institutions and bodies of the penal enforcement system. According to the author, at the

subordinate regulatory legal level, the activities of all probation subjects should be regulated primarily by a decree of the Government of the Russian Federation.

A retrospective analysis of the legislation in the field of probation allows us to conclude about its development. Having received its initial reflection in the CLC of the RSFSR of 1924, it became the subject of regulation by the basic law in the field of probation – «On Probation in the Russian Federation». The laws «On the basics of social services for citizens in the Russian Federation» (2013), «On Employment in the Russian Federation» (2024), departmental regulatory legal acts (order of the Ministry of Justice of the Russian Federation «On re-socialization, social adaptation, and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 «On Probation in the Russian Federation» (2023). The latter largely create a mechanism for implementing the basic law on probation. In order to systematize the norms in this area, it is proposed to create a single legislative act regulating the implementation of all types of probation. Such an act could be the probation code.

Keywords: probation, penitentiary, executive, post-penitentiary, recidivism, legislation, penal enforcement.

Одним из основных показателей, характеризующих криминальную ситуацию в России, ее регионах, является состояние постпенитенциарной преступности. Из числа расследованных преступлений более половины совершаются лицами, ранее судимыми. Их удельный вес среди лиц, совершивших преступление при рецидиве, составляет 30,8 %¹. При этом отмечается отрицательная динамика в данном показателе.

Изучение их личности показывает, что значительную долю среди них составляют лица без постоянного источника дохода – 64,9 %². При этом имеет место тенденция к их увеличению. Это не может не вызывать интерес к установлению причин данного явления.

Выборочное исследование указанной категории лиц показало, что около 60 % из них после освобождения из исправительных учреждений были трудоустроены, в том числе, по специальности, полученной до осуждения, – более 18 %, по специальности, полученной во время отбывания наказания, – лишь чуть более

50 %. Почти каждый третий после освобождения трудился на временных работах. Лишь около 16 % опрошенных ответили, что специальность, полученная во время отбывания наказания, была востребована после освобождения.

По данным исследования, проведенного Управлением воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, 45,5 % от общего количества опрошенных нуждались в трудоустройстве после освобождения, из них 22,6 % в оказании такой помощи было отказано. При опросе было установлено, что 21,4 % от общего количества опрошенных нуждались в бытовом устройстве после освобождения, 9,1 % лицам она была оказана, в 12,2 % случаях в ее оказании было отказано³.

При выяснении вопроса на предмет пользования осужденными при поисках работы порталом «Роструда» около 60 % опрошенных ответили, что не пользовались им, так как не знали о его существовании. Пользование данным порталом после освобождения позволило 6,6 % опрошен-

¹ Состояние преступности в России за январь, декабрь 2022 года. М, ГИАЦ МВД России. 2023. С. 5.

² Там же.

³ Обзор ФСИН России от 25 марта 2023 г. № 15. С. 4.

ных трудоустроиться, 3,6 % – решить социальные вопросы, 2,2 % – найти жилье⁴.

В сфере постпенитенциарной probationи свое место занимают специальные меры, направленные на предупреждение рецидивной преступности. Одной из таких значимых мер является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Анализ практики его применения свидетельствует, что он устанавливается почти в отношении 15 % респондентов во время отбывания наказания, в отношении 19,8 % – после освобождения из мест лишения свободы. Около 15 % лиц условия административного надзора не соблюдали⁵.

Из числа опрошенных абсолютное большинство лиц во время отбывания наказания получали помощь от родных и близких.

В период отбывания наказания почти каждый третий респондент обращался за помощью к социальному работнику исполнительного учреждения.

В плане подготовки к освобождению значимым является обеспечение осужденного необходимыми документами. С данным вопросом обращались с просьбой об оказании помощи в их оформлении около 27 % осужденных, в отношении 22 % они были оформлены. Определенную долю составили осужденные, которым требуемые документы не были оформлены – 4,5 %⁶.

Обеспечение должного уровня probationи обуславливает необходимость установления проблем, которые возникают у лиц, освобожденных от отбывания наказания. В ранжированном ряду, такие проблемы расположились в следующем порядке:

- поиск достаточно оплачиваемой работы (77 %);
- поиск любой работы (21,5 %);

- отсутствие жилья (11,1 %) ⁷.

После освобождения почти каждый пятый освобожденный обращался в социальные службы, службы занятости. Доля лиц, получивших от них помощь в полном объеме составила лишь 2 %.

Опрос лиц, имеющих судимость и совершивших преступление, показал, что в деле осуществления пробационных мероприятий значимое место занимает психологическая поддержка лиц, освобожденных от наказания.

Об этом свидетельствуют результаты опроса таких лиц:

более чем каждый третий из их числа во время отбывания наказания обращались за психологической помощью;

почти половина участвовали в групповых или индивидуальных психологических мероприятиях.

Удельный вес лиц, которым психологическая помощь облегчила возможность адаптироваться к условиям свободы, составил почти 15 %. Востребованность такой помощи обуславливается воздействием на совершение нового преступления влияния друзей, злоупотребления алкоголем, употребления наркотиков, непредосудительность совершения преступления.

Приведенная характеристика рецидивной преступности, ее причин позволяет сделать вывод, что они коренятся в основном в сфере трудового, бытового устройства лиц, освобожденных от отбывания наказания, оказания им психологической помощи. Именно эти направления лежат и в основе содержания всех видов probationи, обозначенных в Федеральном законе от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О probationи в Российской Федерации».

Данный закон в числе ее задач устанавливает: восстановление социальных связей; трудовое устройство; обеспечение

⁴ Там же, с. 2.

⁵ Обзор ФСИН России от 25 марта 2023 г. № 15. С. 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 5.

жилем; получение психологической помощи и др. (ч. 2. ст. 4). Однако, определяя задачи пробации, компетенции субъектов, призванных ее осуществлять, закон, за небольшим исключением, не содержит норм, обеспечивающих их реализацию. Эти задачи призваны решать законы и иные нормативные правовые акты, направленные на реализацию основанного пробационного закона – Закона о пробации.

При разработке таких законов и иных нормативных правовых актов интерес представляет имеющийся опыт. Известно выражение, что прежде, чем принять какое-либо решение по тому или иному вопросу, надо изучить, как он возник, какие этапы в своем развитии прошел и чем стал в настоящее время. Развивая то или иное явление, выводя его на более совершенный уровень, нужно возвращаться к тем признакам и идеям, которые ими ранее отрицались, или уходили из поля зрения [1, с. 24]. Это в полной мере касается и рассматриваемой темы.

В год 100-летия со дня принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года не могут не вызвать интерес соответствующие нормы, содержащиеся в нем и затем нашедшие пролонгацию в последующих законах и иных нормативных правовых актах. Интерес здесь вызывает конкретизация норм, регламентирующих посещение мест заключения лицами, не принадлежащими к составу администрации этих мест. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года, устанавливая категории таких лиц, в отличие от УИК РФ 1997 года, определяет их компетенции и правомочия. Указанные лица были наделены правом отдавать распоряжения (в пределах их полномочий). Замеченные недостатки они могли отражать в соответствующих книгах или сообщать в Главное управление местами заключения РСФСР или его местные органы (ст. 225). Соответственно среди таких недостатков могли быть и вопросы, касаю-

щиеся пенитенциарной и постпенитенциарной адаптации.

Особый интерес вызывает наличие в данном кодексе целого раздела, посвященного оказанию помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения. Нормы, содержащиеся в нем, предусматривали, в том числе: предоставление по освобождению из места заключения на первое время помещения и питания на льготных условиях, предоставление ссуд на приобретение рабочих инструментов и обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода; устройство мастерских и предприятий для применения труда бывших заключенных; подыскание им занятий; оказание юридической помощи; профессиональное и общеобразовательное их развитие (ст. 225). Закон предусматривал организацию в каждой губернии комитета помощи освобождаемым заключенным (ст. 229). Им определялись источники получения средств для деятельности комитетов: специальные ассигнования по общегосударственному и местному бюджету; доходы и прибыли от мероприятий, специальных и целевых взносов, поступающих от учреждений и физических лиц (ст. 230). Следует заметить, что ни один из последующих Исправительно-трудовых (Уголовно-исполнительного) кодексов столь детального регулирования указанных вопросов не содержал (не содержит).

В настоящее время конкретизация установлений в сфере трудового и бытового устройства, содержащихся в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, осуществляется на законодательном уровне в Федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и Федеральном законе от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации».

Первый из приведенных законов содержит норму, согласно которой лица,

освобожденные из мест лишения свободы, за которыми установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, могут быть приняты на социальное обслуживание в стационарные организации со специальным социальным обслуживанием (ч. 5 ст. 19).

Конкретный механизм решения вопроса о трудоустройстве содержится в Законе о занятости населения. Он определяет основания отнесения лиц, освобожденных из исправительных учреждений, к гражданам, испытывающим трудности в поиске работы (п.п. «б» п. 4 ст. 2). Закон устанавливает: порядок признания гражданина безработным; регистрацию освобожденных от отбывания наказания в целях поиска подходящей работы; предоставления мер государственной поддержки; виды социальных выплат безработным; выплату пособия по безработице и др. (ст. 22, 23).

Уголовно-исполнительное законодательство, приведенные законы коррелируются с ведомственными нормативными правовыми актами. Речь идет, прежде всего, о Порядке исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации и о Порядке оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве, утвержденных приказом Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350⁸. Данные нормативные правовые акты достаточно детально регламентируют деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, в сфере пенитенциарной, исполнительной и постпенитенциарной пробации. В них устанавливаются

права и обязанности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в сфере пробации, и лиц, к которым она применяется.

Так, в числе обязанностей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации Порядок оказания содействия осужденным предусматривает: ознакомление осужденного с уведомлением о праве на обращение к администрации учреждения с заявлением об оказании содействия в пробации (п. 10), на обращение по указанному вопросу в уголовно-исполнительную инспекцию после освобождения осужденного от наказаний в виде принудительных работ и лишения свободы (п. 13); подготовку индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (п. 6). В числе прав данных учреждений: направление освобожденного в соответствующие органы, осуществляющие мероприятия, предусмотренные индивидуальной программой. Указанный Порядок устанавливает право лиц, освобожденных от отбывания наказания, на обжалование в вышестоящий орган уголовно-исполнительной системы Российской Федерации или в суд в порядке административного судопроизводства решения об отказе в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации (п. 21).

Вместе с тем, принятие в последнее время законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере пробации не обеспечивает всемерного правового регулирования. Прежде всего, речь идет о различной степени урегулированности трудового, жилищного обеспечения лиц, освобожденных от отбывания наказания, оказания им психологической помощи. Принятие Закона о занятости населения позволило в значительной степени успешно решать вопрос о трудоустройстве данных лиц. Во

⁸ Приказ Министерство юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

многим этому способствуют установления, содержащиеся в приказе Минюста России от 29 ноября 2023 года № 350.

К сожалению, должного правового урегулирования не получили вопросы обеспечения освобожденных жильем и оказания психологической помощи при постпенитенциарной пробации. Они не нашли соответствующего законодательного и организационного обеспечения. Приведенный нормативный правовой акт регулирует данные вопросы только в рамках своего ведомства. Деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, в решении вопроса бытового устройства заключается, главным образом, в переписке с другими соответствующими субъектами постпенитенциарной пробации. При этом следует заметить, что действующее законодательство в сфере социального обслуживания не предусматривает образование специализированных жилых помещений (стационаров) для таких лиц. Прием же их в действующие социальные стационары является нецелесообразным, так как в них, как показывает изучение автором данного вопроса, ухудшает криминогенную ситуацию. Поведение таких лиц далеко не адекватно. Об том свидетельствует и опыт, имевший место в советский период.

Приведенные нормативные правовые акты не содержат норм, регламентирующих вопросы оказания психологической помощи при исполнительной и постпенитенциарной пробации. Здесь нельзя не обратиться к опыту исправительных учреждений, где введены должности психологов. В уголовно-исполнительных инспекциях в штатном расписании не предусмотрены ни должности социальных работников, ни должности психологов.

Сопоставление правового регулирования трудового и бытового устройства позволяет сделать вывод, что урегулиро-

вание вопроса трудового устройства на законодательном и ведомственном нормативном правовом уровнях создает более фундаментальную основу в сфере правового регулирования данного вопроса. Отсюда напрашивается вывод о необходимости такого же урегулирования и вопросов обеспечения лиц на постпенитенциарной стадии жильем. Представляется, что это можно сделать путем соответствующего дополнения Закона об основах социального обслуживания граждан.

Законодательного решения требует вопрос осуществления общественного контроля при исполнительной и постпенитенциарной пробации. Федеральный закон «О пробации» устанавливает только общественный контроль в декларативной форме (ст. 37). Законодательство и ведомственные нормативные правовые акты, в отличие от пенитенциарной пробации, не определяют конкретный вид общественного объединения, уполномоченный осуществлять такой контроль. Здесь требует своего изучения опыт работы наблюдательных комиссий в советский период развития исправительно-трудовой системы (ст. 19, 20 ИТК РСФСР 1924 года); Положение о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских советов депутатов, трудящихся РСФСР (утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 года)⁹.

Автор уже высказывал свое мнение о совершенствовании общественного контроля в местах лишения свободы [2, с. 56-59]. Здесь уместно привести и оценку состояния общественного контроля в целом: «... фрагментарное и поверхностное правовое регулирование общественного контроля... Законодательство часто ограничивается исключительно констатацией общественного контроля, а имеющиеся в отдельных законах и норма-

⁹ Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских советов, трудящихся РСФСР. Указ Президента Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 990.

тивных-правовых актах более развернутые формулировки никак не объясняют сути и, главное, порядка осуществления общественного контроля» [3, с. 9].

Это в полной мере касается и рассматриваемой сферы.

Порядок исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания, в сфере пробации предусматривает ведомственный контроль со стороны ФСИН России за деятельностью учреждений, в том числе, в сфере постпенитенциарной пробации. Однако отсутствует законодательное урегулирование ведомственного контроля со стороны других субъектов постпенитенциарной пробации.

Одним из значимых недостатков в исследуемой сфере является отсутствие системного подхода в правовом регулировании всех видов пробации. Нормы, регламентирующие их реализацию, содержатся в различных законодательных и иных нормативных правовых актах. Это в определенной сфере обуславливает и различную степень урегулированности трудового, бытового устройства, оказания психологиче-

ской помощи осужденным в период отбывания наказаний в виде лишения свободы, принудительных работ, наказаний без изоляции осужденного от общества, исполнении иных мер уголовно-правового характера, лицам, освобожденным от дальнейшего отбывания наказания.

Поэтому «...необходимо принять постпенитенциарное законодательство, которое не должно быть раздроблено по разным законодательным актам», – указывают С.М. Савушкин и М.В. Киселев [4, с. 33]. Представляется, такие нормы можно было бы сосредоточить в едином кодифицированном законодательном акте, которым мог бы быть пробационный кодекс.

Системному урегулированию всех видов пробации могло бы способствовать принятие Постановления Правительства Российской Федерации, устанавливающего порядок оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в трудовом и бытовом устройстве, социальной и психологической помощи.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Наука криминологии. М.: Юрлитинформ. 2015. 376 с.
2. *Гришко А.Я.* Общественно-административный путь совершенствования взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества. Материалы конференции «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовой и теоретико-методологический аспекты». Рязань: Академия ФСИН России. 2020. С. 56-59.
3. *Мартынов А.В.* Современное состояние и перспективы развития системы общественного контроля в России // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 8-16.
4. *Савушкин С.М., Киселев М.В.* Место постпенитенциарного содействия за рамками уголовно-исполнительных правоотношений // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 329-335.

References

1. *Antonyan Yu.M.* Nauka kriminologii. M.: YUrlitinform. 2015. 376 s.
2. *Grishko A.Ya.* Obshchestvenno-administrativnyj put' sovershenstvovaniya vzaimodejstviya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva. Materialy konferencii «Vzaimodejstvie ugovovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovoj i teoretiko-metodologicheskij aspektj».

Ryazan': Akademiya FSIN Rossii. 2020.S. 56-59.

3. *Martynov A.V.* Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy obshchestvennogo kontrolya v Rossii//Administrativnoe pravo i process. 2014. № 10. S. 8-16.

4. *Savushkin S.M., Kiselev M.V.* Mesto postpenitenciarnogo sodejstviya za ramkami ugovovno-ispolnitel'nyh pravootnoshenij // Uголовно-ispolnitel'noe pravo. 2021. № 3. S. 329-335.

Сведения об авторе

Гришко Александр Яковлевич: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права криминологии; Рязанский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права криминологии, доктор юридических наук, профессор. E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru.

Information about the author

Grishko Alexander Yakovlevich: Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law Criminology; Ryazan branch of the Federal State State Educational Institution of Higher Education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot» (Ryazan, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law of Criminology, Doctor of Law, Professor. E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru.

УДК 343.8

Ф. В. Грушин

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПО ИТК РСФСР 1924 ГОДА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПО УИК РФ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается исполнение принудительных работ без содержания под стражей по ИТК РСФСР 1924 года и исправительных работ по УИК РФ с применением метода историко-правового анализа. Цель статьи заключается в разработке положений, направленных на повышение эффективности применения уголовного наказания в виде исправительных работ. Для достижения данной цели выявляются особенности реализации принудительных работ без содержания под стражей в сравнении с порядком и условиями исполнения исправительных работ. По итогам проведенного анализа предлагается ряд мер по повышению эффективности

© Грушин Ф.В., 2024

© Grushin F.V., 2024

исполнения исправительных работ. Методологию исследования составили методы историко-правового исследования, системного анализа и прочих. Статья может быть использована при дальнейшей научно-практической дискуссии, а также при подготовке изменений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части применения исправительных работ

Ключевые слова: принудительные работы без содержания под стражей, исправительные работы, уголовно-исполнительные инспекции.

F. V. Grushin

EXECUTION OF FORCED LABOR WITHOUT DETENTION UNDER THE CLC OF THE RSFSR OF 1924 AND CORRECTIONAL LABOR UNDER THE PEC OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

The article examines the execution of forced labor without detention under the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 and correctional labor under the Penal Enforcement Code of the Russian Federation using the method of historical and legal analysis. The purpose of the article is to develop provisions aimed at improving the effectiveness of the application of criminal punishment in the form of correctional labor. To achieve this goal, the features of the implementation of forced labor without detention are revealed in comparison with the order and conditions of execution of correctional labor. Based on the results of the analysis, a number of measures are proposed to improve the effectiveness of correctional labor. The research methodology was based on the methods of historical and legal research, system analysis, etc. The article can be used in further scientific and practical discussion, as well as in the preparation of amendments to criminal and penal enforcement legislation regarding the application of correctional labor.

Keywords: forced labor without detention, correctional labor, penal enforcement inspections

Одна из функций науки уголовно-исполнительного права заключается в повышении эффективности исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. В рамках данного направления необходимо, в том числе, использовать такой метод, как историко-правовой анализ, который позволяет сравнить особенности исполнения тех или иных наказаний в различных исторический период, что поможет выяснению деталей, недостатков, а также преимуществ рассматриваемых наказаний.

В конечном итоге данный анализ может способствовать реализации совре-

менной правоустанавливающей и правоприменительной практики.

Уголовное законодательство предусматривает наказание в виде исправительных работ, которое занимает достаточно существенное место в системе уголовных наказаний Российской Федерации.

Как видно из ниже приведенной таблицы, за последние шесть лет, удельный вес осужденных к наказанию в виде исправительных работ сохраняется примерно в районе 8 % от общего количества лиц, осужденных к уголовным наказаниям, что является достаточно существенным показателем.

Удельный вес осужденных к наказанию в виде исправительных работ от общего количества лиц, осужденных к уголовным наказаниям¹

Год	Общее количество лиц, осужденных к уголовным наказаниям	Количество осужденных к исправительным работам	Удельный вес (%)
2018	658 291	54 747	8,32
2019	598 207	50 020	8,36
2020	530 998	40 924	7,71
2021	565 523	46 288	8,19
2022	578 751	48 566	8,39
2023	555 743	45 780	8,24

Исправительные работы (изначально – принудительные работы без содержания под стражей) на протяжении уже примерно 100 лет успешно применяются в отечественной судебной практике. При этом данное наказание является весьма эффективным, так как в исправительных работах удачно сочетается и карательное, и воспитательное воздействие. Кроме того, осужденный не изолируется от общества, а продолжает поддерживать социально-полезные связи, что положительно сказывается на процессе его исправления. Также в отношении осужденного к исправительным работам отсутствует негативное влияние, характерное для мест лишения свободы.

Исследованию проблем реализации уголовного наказания в виде исправительных работ в юридической науке уделялось достаточно большое внимание, как на уровне диссертационных исследований [1, 3, 7, 8], так и в периодических научных изданиях [2, 4, 5, 6, 9, 10], что свидетельствует об актуальности рассматриваемого вопроса.

Прообразом исправительных работ послужили «принудительные работы без содержания под стражей» (далее – принудительные работы), которые впервые появились на законодательном уровне в Уголовном кодексе РСФСР, принятом

Постановлением ВЦИК РСФСР от 1 июня 1922 года (далее – УК РСФСР). Порядок их исполнения был определен в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года (далее – ИТК РСФСР). При этом принудительные работы назначались как в качестве самостоятельного наказания за совершенное преступление, так и в порядке замены лишения свободы.

УК РСФСР предусматривал, что принудительные работы назначаются на срок от семи дней до одного года, что было более гуманно относительно современного уголовного законодательства. В настоящее время сроки исправительных работ (как минимальный, так и максимальный) увеличились и устанавливаются от двух месяцев до двух лет, что соответствует современным реалиям.

Принудительные работы, согласно УК РСФСР, разделялись на:

а) работы по специальности, при которых осужденный продолжает работать по своей профессии с понижением по тарифному разряду, с обязательными сверхурочными работами и с переводом в другое учреждение или предприятие или в другую местность;

б) работы неквалифицированного физического труда.

Данная норма имеет большее кара-

¹ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 02.05.2024).

тельное содержание в отличие от исправительных работ, которые отбываются по месту работы осужденного (в случае наличия такового) и не предусматривают таких карательных элементов как снижение заработной платы, обязательных сверхурочных работ, перевод в другое учреждение или предприятие или в другую местность. Что касается работ, связанных с «неквалифицированным физическим трудом», то аналогичные работы могут быть назначены в настоящее время лицам, осужденным к исправительным работам и не имеющим основное место работы на момент осуждения.

Еще один карательный элемент принудительных работ заключался в обязательных удержаниях из заработной платы осужденного. Следует отметить, что данная норма содержалась не в УК РСФСР, а в ИТК РСФСР 1924 года, согласно статье 32 которого, из получаемой отбывающими принудительные работы заработной платы удерживалось двадцать пять процентов. Это был фиксированный размер удержаний, не подлежащий изменению в течении всего срока отбывания наказания. В настоящее время у суда есть возможность устанавливать размер удержаний в пределах от пяти до двадцати процентов от заработной платы осужденного. Кроме того, уголовно-исполнительная инспекция, сам осужденный или администрация организации, в которой он работает, вправе обращаться в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного в случае ухудшения его материального положения в процессе отбывания наказания. Таким образом и в данном случае современное законодательство более гуманно.

Принудительные работы исполнялись специальным учреждением – бюро принудительных работ без содержания под стражей, которые состояли при губернской (областной) инспекции мест заключения

на правах отдельной части и действовали под общим руководством губернского (областного) инспектора.

Согласно статье 23 ИТК РСФСР 1924 года расходы по содержанию бюро принудительных работ покрывались из отчислений от заработной платы лиц, приговоренных к принудительным работам.

У данного решения можно выявить как положительные, так и отрицательные моменты.

С одной стороны, данные отчисления покрывали материальные затраты учреждения, а с другой стороны – сотрудники бюро могли быть заинтересованы в большом количестве осужденных, состоящих на учете, что не способствовало исправлению осужденных и их условно-досрочному освобождению, возможность которого, в отличие от современного законодательства, была предусмотрена статьей 52 УК РСФСР.

Одним из недостатков современного уголовного законодательства Российской Федерации можно назвать отсутствие возможности условно-досрочного освобождения для осужденных к исправительным работам, что препятствует стимулированию их правопослушного поведения.

Статья 25 ИТК РСФСР 1924 года определяла следующие полномочия бюро принудительных работ в процессе исполнения наказания:

1) учет приговоренных к принудительным работам без содержания под стражей;

2) распределение их на работы в соответствии с приговорами или постановлениями уполномоченных на то органов;

3) общий надзор за соблюдением ими правил, установленных на время отбывания принудительных работ без содержания под стражей;

4) представление распределительной комиссии о досрочном освобождении и прочих ходатайств о них;

5) перевод осужденных к принудительным работам без содержания под стражей в распоряжение бюро принудительных работ или его отделения по месту жительства осужденного.

В принципе все аналогичные функции выполняют и современные уголовно-исполнительные инспекции при исполнении исправительных работ, за исключением представления распределительной комиссии о досрочном освобождении осужденных.

Отличием является расширенный функционал, по сравнению с бюро принудительных работ, уголовно-исполнительных инспекций при исполнении исправительных работ. Так, в частности, в обязанности инспекций дополнительно входит: проведение с осужденными воспитательной работы; контроль за поведением осужденных с участием сотрудников полиции; проведение первоначальных мероприятий по розыску осужденных и пр.

Порядок труда осужденных к принудительным работам также, как и осужденных к исправительным работам, регулировался нормами трудового законодательства с особенностями, установленными исправительно-трудовым законодательством.

Так, согласно статье 29 ИТК РСФСР 1924 года, условия труда лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей, как в предприятиях управлений мест заключения, так и в других предприятиях регулируются статьями Кодекса Законов о Труде и издаваемыми в развитие этих статей постановлениями Народного Комиссариата Труда.

На основании статьи 31 ИТК РСФСР 1924 года заработная плата отбывающим принудительные работы без содержания под стражей устанавливалась согласно Кодексу Законов о Труде.

Отличия от трудового законодательства проявлялись, например, в том, что отбывающим принудительные работы, про-

работавшим непрерывно не менее пяти с половиной месяцев, предоставлялся один раз в год очередной отпуск продолжительностью две недели. В настоящее время в период отбывания исправительных работ осужденным предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней.

Также как и сейчас было установлено, что осужденные, находящиеся на учете в бюро принудительных работ и его отделениях, не имеют права без их разрешения переходить на другую работу.

Отличительной особенностью принудительных работ было то, что согласно статье 30 ИТК РСФСР 1924 года, отбывающим принудительные работы без содержания под стражей, мог быть предоставлен бесплатный обед от места заключения. В случае, если такой обед не давался, то ежедневно им предоставлялось право отлучаться на время перерыва работы от одного до двух часов на приготовление к обеду, обед и послеобеденный отдых.

В ИТК РСФСР 1924 года содержались отдельные нормы, регулирующие деятельность учреждений, пользующихся трудом осужденных, приговоренных к принудительным работам без содержания под стражей.

Согласно статье 34 ИТК РСФСР 1924 года данные учреждения были обязаны удерживать установленное процентное отчисление и выплачивать его по первому требованию бюро принудительных работ или уполномоченных лиц. Кроме того, учреждения не имели права ни назначать осужденных на другие, кроме указанных бюро или отделением, работы, ни давать командировки или разрешать отлучки с места работ (ст. 36 ИТК РСФСР 1924 года).

Современное уголовно-исполнительное законодательство имеет схожие нормы в отношении учреждений, в которых работают осужденные, а также нормы, устанавливающие обязанность контроля за

поведением осужденного на производстве и содействие уголовно-исполнительной инспекции в проведении воспитательной работы с ним (ст. 43 УИК РФ).

Специально следует остановиться на норме ИТК РСФСР 1924 года, которая не соответствует современному принципу уголовно-исполнительного законодательства – равенству осужденных перед законом. В статье 39 было установлено, что время, проведенное в отпусках, засчитывается лишь осужденным из среды трудящихся, что свидетельствует о классовом неравенстве, установленном в некоторых положениях ИТК РСФСР 1924 года.

Отдельный блок норм в ИТК РСФСР 1924 года устанавливал ответственность осужденных к принудительным работам в случае их неправомерного поведения.

На основании статьи 35 ИТК РСФСР 1924 года за порчу по небрежности или намеренно определенных для работы материалов и инструментов рабочие, отбывающие принудительные работы без содержания под стражей, подвергаются единовременным вычетам из получаемой за труд платы, но не более одной трети ее.

В соответствии со статьей 40 ИТК РСФСР 1924 года за уклонение от отбывания принудительных работ, неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, а также недобросовестное исполнение работы налагались следующие взыскания:

- а) перевод на другие работы;
- б) незачет в срок небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени;
- в) арест в дисциплинарном порядке на срок до четырнадцати суток с возбуждением ходатайства перед судом о замене меры социальной защиты или без такового.

В отличие от исправительно-трудового законодательства, современное

уголовно-исполнительное законодательство практически не наделяет учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации хоть сколько-нибудь значимыми мерами воздействия на осужденных, уклоняющихся от отбывания исправительных работ. Вряд ли в качестве серьезных мер можно рассматривать «предупреждение осужденного в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания» или «обязывание осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации». В «арсенале» инспекций, по сути, остается лишь одно более-менее существенное средство – это представление в суд о замене исправительных работ другим видом наказания. Однако, как показывает судебная практика, суды, зачастую, не удовлетворяют такие представления по тем или иным причинам.

В связи с изложенным, представляется перспективным рассмотреть исторический опыт исполнения принудительных работ в части реализации ответственности осужденных.

Так, действенной представляется мера в виде незачета в срок наказания небрежно проработанного времени¹. Данную меру, в целях предотвращения коррупционных проявлений, могли применять заведующие губернским, областным, краевым и проч. бюро принудительных работ (в настоящее время это начальник ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» по тому или иному субъекту Российской Федерации).

Еще более действенной мерой являлся арест в дисциплинарном порядке на срок до четырнадцати суток. Данная мера применялась губернским (областным) инспектором мест заключения (в настоящее время – начальник территориального органа уголовно-исполнительной системы Рос-

¹ Полагаем, что данная мера могла бы применяться при установлении критериев небрежности (например, при невыполнении установленной нормы).

сийской Федерации).

Подводя итоги историко-правового анализа исполнения принудительных работ без содержания под стражей по ИТК РСФСР 1924 года и исправительных работ по УИК РФ можно рекомендовать к реализации в современных условиях следующие меры:

- частичное покрытие расходов по содержанию уголовно-исполнительных инспекций за счет отчислений от заработной платы лиц, приговоренных к исправительным работам;

- незачет в срок исправительных работ небрежно проработанного осужденным времени (при установлении критериев небрежности).

Данную меру, в целях предотвращения коррупционных проявле-

ний, должен применять начальник ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» на основании представления из филиала ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» и документов из организации, где работает осужденный к исправительным работам;

- арест в дисциплинарном порядке на срок до четырнадцати суток осужденных злостно уклоняющихся от отбывания исправительных работ. Данная мера должна применяться начальником территориального органа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по представлению начальника ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция».

- возможность условно-досрочного освобождения для осужденных к исправительным работам.

Литература

1. Аммосова В.И. Исправительные работы в России и других странах - участницах содружества независимых государств : сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Дальневост. федер. ун-т. Владивосток, 2017. 28 с.

2. Грушин Ф.В. Исправительные работы – новое наказание со старым названием (обоснование и содержание) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 53-57.

3. Данелян Р.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания в теории и практике : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2002. 20 с.

4. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества: вопросы назначения и исполнения. Рязань: ИП Коняхин А.В. (BookJet), 2020. 174 с.

5. Мусалева А.В. Вопросы трудоустройства осужденных к исправительным работам // Вестник Кузбасского института. 2019. №4 (41). С. 76-81.

6. Орлов В.Н. Наказание в виде исправительных работ: отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 182-191.

7. Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Академия ФСИН России. Рязань, 2005. 26 с.

8. Савельева Ю.И. Исполнение исправительных работ: теория и практика : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Байкал. гос. ун-т экономики и права. Иркутск, 2005. 23 с.

9. Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уго-

ловная юстиция. 2013. № 1(1). С. 75-80.

10. Янчук И.А., Еремеев С.А. Отдельные проблемы осуществления воспитательной работы с осужденными к исправительным работам // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 289-291.

References

1. Ammosova V.I. Ispravitel'nye raboty v Rossii i drugih stranah - uchastnicah sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv : sravnitel'no-pravovoe issledovanie : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. Dal'nevost. feder. un-t. Vladivostok, 2017. 28 s.

2. Grushin F.V. Ispravitel'nye raboty – novoe nakazanie so starym nazvaniem (obosnovanie i sodержanie) // Uголовnaya yusticiya. 2023. № 21. S. 53-57.

3. Danelyan R.S. Ispravitel'nye raboty kak vid uголовnogo nakazaniya v teorii i praktike : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. Stavrop. gos. un-t. Stavropol', 2002. 20 s.

4. Lyadov E.V., Grushin F.V. Nakazaniya, ne svyazannye s izolyaciej osuzhdennogo ot obshchestva: voprosy naznacheniya i ispolneniya. Ryazan': IP Konyahin A.V. (BookJet), 2020. 174 s.

5. Musaleva A.V. Voprosy trudoustrojstva osuzhdennykh k ispravitel'nym rabotam // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2019. №4 (41). S. 76-81.

6. Orlov V.N. Nakazanie v vide ispravitel'nyh rabot: ot del'nye uголовno-pravovye i uголовno-ispolnitel'nye aspekty // Uголовno-ispolnitel'noe pravo. 2021. № 2. S. 182-191.

7. Rahmaev E.S. Ispravitel'nye raboty kak vid uголовnogo nakazaniya : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. Akademiya FSIN Rossii. Ryazan', 2005. 26 s.

8. Savel'eva Yu.I. Ispolnenie ispravitel'nyh rabot: teoriya i praktika : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08 / Bajkal. gos. un-t ekonomiki i prava. Irkutsk, 2005. 23 s.

9. Utkin V.A. Tendencii primeneniya al'ternativnyh sankcij v Rossii // Uголовnaya yusticiya. 2013. № 1(1). S. 75-80.

10. Янчук И.А., Еремеев С.А. Отдельные проблемы осуществления воспитательной работы с осужденными к исправительным работам // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 289-291.

Сведения об авторе

Грушин Федор Владимирович: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник, доктор юридических наук, доцент. E-mail: fedor062@yandex.ru.

Information about the author

Grushin Fyodor Vladimirovich: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of the Department of Penal Enforcement Law, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: fedor062@yandex.ru.

И. В. Дворянсков

**СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(к 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ИТК РСФСР 1924 ГОДА)**

В статье рассматриваются предпосылки и особенности разработки первого самостоятельного отечественного источника уголовно-исполнительного права – Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года. В этом году ему исполняется 100 лет. В этой связи возникла потребность проанализировать опыт создания и применения советского исправительно-трудового законодательства, подвести итоги его действия, в том числе проследить эволюцию его концептуальных подходов, теоретических основ, в том числе их влияния на действующее уголовно-исполнительное законодательство (преемственности). Анализируются формальные и содержательные аспекты, фактические результаты этой трансформации.

В качестве важного аспекта обозначенной проблемы исследуется дискуссия относительно содержания, целей и видов наказаний, которая предшествовала принятию ИТК РСФСР 1924 года, прослеживаются ее основные позиции на протяжении XX и начала XXI века.

Рассматриваются концептуальные основы, закрепленные в первом источнике отечественного исправительно-трудового права.

Отстаивается позиция о том, что современное наказание – это прямой наследник советского наказания 20-х годов. Содержание и практика применения многих наказаний, сформировавшиеся в 20-е годы прошлого века, характерны и для сегодняшнего времени. Однако такая преемственность не всегда может быть оценена положительно. Репрессивность наказания, отсутствие четких законодательных критериев его адекватности и соразмерности содеянному, излишняя утилитарность представляют собой отголоски советской репрессивной парадигмы. В этой связи возникает необходимость глубокого всестороннего рассмотрения исторических предпосылок, закономерностей и тенденций становления системы наказаний в законодательстве СССР, начало которого приходится на 1917 – 1926 годы XX века.

Ключевые слова: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года (ИТК РСФСР 1924 года), наказания, советская исправительно-трудовая политика, уголовно-исполнительное право, концептуальные основы, преемственность.

I. V. Dvoryanskov

**THE FORMATION OF DOMESTIC PENAL ENFORCEMENT
LEGISLATION (BY THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION
OF THE CLC OF THE RSFSR OF 1924)**

The article examines the prerequisites and features of the development of the first independent domestic source of penal enforcement law - the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. This year he turns 100 years old. In this regard, there was a need

© Дворянсков И.В., 2024

© Dvoryanskov I.V., 2024

to analyze the experience of the creation and application of Soviet correctional labor legislation, to summarize its actions, including to trace its evolution of conceptual approaches, theoretical foundations, including their impact on the current penal enforcement legislation (continuity). The formal and substantive aspects and the actual results of this transformation are analyzed.

As an important aspect of the problem under study, the discussion on the content, goals and types of punishments that preceded the adoption of the CLC of the RSFSR of 1924 is examined, its main positions throughout the XX and the beginning of the XXI century are traced.

The conceptual foundations fixed in the first source of domestic correctional labor law are considered.

The position is defended that modern punishment is a direct heir to the Soviet punishment of the 20s. The content and practice of applying many punishments, which were formed in the 20s of the last century, are typical for today. However, such continuity may not always be evaluated positively. The repressive nature of punishment, the lack of clear legislative criteria for its adequacy and proportionality to what was done, and excessive utilitarianism are echoes of the Soviet repressive paradigm. In this regard, there is a need for a deep comprehensive consideration of the historical prerequisites, patterns and trends of the formation of the penal system in the legislation of the USSR, which began in 1917 – 1926 XX century.

Keywords: Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 (CLC of the RSFSR of 1924), punishments, Soviet correctional labor policy, penal enforcement law, conceptual foundations, continuity.

Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право – уникальное явление, характерное для нашей страны (и стран-республик бывшего Советского Союза). За рубежом такой самостоятельной отрасли, как правило, не существует, а вопросы исполнения наказаний и иных уголовно-правовых мер являются частью предмета регулирования уголовного права.

Следует отметить, что выделения этой отрасли права не было и в нашей стране до революции 1917 года.

И только после нее возникла потребность самостоятельного регулирования процесса исправительно-трудового воздействия.

И связано это было не столько с необходимостью отраслевой дифференциации, сколько как раз с концептуальным рассмотрением труда как средства исправления и, в немалой степени, – развитием утилитарного подхода государства к наказанию как институту, с помощью которого можно решать не только антикриминальные, но и народно-хозяйственные задачи.

Ранее мы писали, что утилитарный подход к наказанию – это отнюдь не изобретение советской власти. Начиная с XVII века российское государство активно использует труд осужденных в промышленности и сельском хозяйстве [6, с. 19-22]. Н.Д. Сергеевский писал, что государство извлекало выгоду из наказания двумя способами: из наказания и из личности преступника. В первом случае законодатель вносил в состав своих карательных мер при всяком удобном случае имущественные наказания. Имущественные наказания всякого рода – конфискации и денежные взыскания в различных формах – занимали видное место в ряду наказаний. Государева казна, в то время сравнительно бедная, изрядно пополнялась из этого источника. По числу тех случаев, в которых назначались имущественные взыскания, они занимают в Соборном Уложении второе место; первое принадлежит кнуту; третье – смертной казни [9, с. 53].

В XVII веке применялись те же два способа эксплуатации сил осужденных:

труд подневольный (каторжный) и труд свободный, хотя и обязательный. В этой связи Н.Д. Сергеевский отмечал: «Подневольный работник – преступник не ответствен за целесообразность своего труда, за его выгодность и даже за его успешность; он отвечает лишь за неисполнение правил работы и установленных администрацией способов производства. Он не заботится ни о материале, ни об орудиях, ни о сбыте продуктов своего труда. Он с одинаковой точностью и старанием должен выполнять и разумные полезные работы, и самые бесполезные, например, при так называемом уголовном непроизводительном труде. Не он хозяин работы; он только машинообразный исполнитель, которому лишь в виде поощрения дают иногда некоторое вознаграждение или часть прибыли, если таковая окажется» [9, с. 54]. Утилитарность наказания как негласный принцип его конструирования и применения существовала на всем протяжении нашей дореволюционной истории. Но именно после прихода советской власти она была поставлена на научную основу и стала рассматриваться не как вынужденный эффект наказания, а как вполне закономерный и нужный его элемент. Социалистическая политико-философская доктрина власти, основанная на учении К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, стала активно влиять на карательную политику.

К. Маркс, критикуя метафизическую концепцию человека, писал: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [2]. В.И. Ленин указывал:

«Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю» [7, с. 142].

Указанные идеи выражались в придании наказанию воспитательного акцента, увеличении его социальной роли. В этой связи большое значение отводится наказаниям, основанным на общественном порицании и труде для общественного блага. В это время возникло множество новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не знала не только дореволюционная российская система наказаний, но также и системы наказаний многих капиталистических стран.

Особое распространение получили *принудительные работы*. В рассматриваемый период термины «принудительные работы», «общественно полезные работы», «исправительные работы», «исправительно-трудовые работы» использовались как синонимы по причине неустоявшейся терминологии и отсутствия единообразия в законотворческой деятельности. Данное наказание официально получило наименование «исправительно-трудовые работы» только с 1933 года.

В советском законодательстве и судебной практике начала прошлого века встречаются две разновидности этого наказания: *принудительные работы без лишения свободы и работы, назначаемые дополнительно к лишению свободы*, следовательно, сопряженные с ним. Справедливости ради, нужно сказать, что Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания такового», утвержденная постановлением НКЮ от 23 июля 1918 года, относилась к лишению свободы и осуждение виновного к кратковременным (до 3 месяцев) принудитель-

ным общественным работам без заключения под стражу на время, свободное от работ. В некоторых декретах они назывались исправительно-трудовыми работами, хотя по своему содержанию отличались от одноименного наказания, применяемого сейчас [4].

В большинстве законодательных актов этого периода лишение свободы связывается с принудительными работами. Таким образом, с самого начала советская власть смотрела на лишение свободы как на меру наказания, сочетающую в себе и задачи подавления и воспитания к трудовой дисциплине.

После издания в 1922 году УК РСФСР встал вопрос о создании Исправительно-трудового кодекса.

Его проект был обсужден в 1923 году на Первом Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела и утвержден Второй сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 года.

Кодекс предусмотрел классическую, но модернизированную систему исполнения лишения свободы, чему в немалой степени способствовали отечественные ученые-пенитенциаристы С.В. Познышев, Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт, В.Р. Якубсон и некоторые другие, в своих трудах анализировавшие опыт создания прогрессивной системы исполнения наказания в Англии, США и других странах [10, с. 28-30]. Именно этот опыт стал преобладающим при реализации законодателем идеи дифференциации исполнения наказания в первом кодифицированном акте РСФСР по исправительно-трудовому праву.

Документ состоял из раздела «Общие положения» и 10 отделов. В соответствии с ним по-новому была проведена дифференциация мест заключения, которые образовывались из учреждений для применения мер социальной защиты: исправительно-трудового характера; медицинского характера; медико-педагогического

характера. В качестве основных средств исправительно-трудового воздействия Кодекс предусматривал режим, труд осужденных, культурно-просветительскую работу.

В весьма прогрессивной для того времени статье 49 ИТК РСФСР 1924 года говорилось, что режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, не допускать применения физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку.

Оценивая правовое регулирование исправительно-трудовых отношений, особо следует отметить, что проблема классового начала в наказании стояла в этот период очень остро [11, с. 269-274]. Как отмечает Л.В. Багрий-Шахматов, советское государство выполняло тогда во всей своей полноте функцию подавления свергнутых, но окончательно не уничтоженных эксплуататорских классов [1, с. 21]. Как точно подметил С.Я. Булатов, вся наша судебная практика, амнистии, обоснование приговора базировались на обязательном учете классовой принадлежности, происходила классовая дифференциация пенитенциарной политики [3].

Так, в частности, правовое регулирование режима содержания правонарушителей молодежного возраста основывалось на классовых началах. Прежде всего действовало общее положение, согласно которому в интересах правильного и целенаправленного видоизменения режима для различных групп лишенных свободы заключенные в зависимости от результата исправительно-трудового воздействия делились на три разряда: начальный, средний и высший. Каждый заключенный должен был пробыть в назначенном ему разряде определенный минимальный срок своего наказания, после чего начальник места заключения переводил его в следующий разряд. Решение об оставлении осужден-

ного в данном разряде или о переводе его в следующий разряд зависело от поведения, отношения к труду, от степени оказанного на него местом лишения свободы воспитательного воздействия (ст. 100 ИТК РСФСР 1924 года).

Далее – в отношении несовершеннолетних правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи – устанавливалось, что все они при поступлении в трудовой дом зачисляются в начальный разряд. Перевод из разряда в разряд был поставлен законодателем в зависимость от индивидуальных особенностей заключенного (никаких сроков здесь не существовало) и производился по постановлению наблюдательной комиссии (ст. 192–193 ИТК РСФСР 1924 года).

В то же время, если речь шла о лицах из числа молодежи, которая, не принадлежа к классу трудящихся, совершила преступления в силу своих классовых привычек, взглядов и интересов, то они помещались в места заключения с общим режимом, совместно со взрослыми осужденными, зачислялись в начальный разряд, в котором и содержались до отбытия не менее одной четверти назначенного судом срока лишения свободы. Затем они переводились в средний разряд и оставались там на одну треть всего срока заключения, после чего могли быть переведены наблюдательной комиссией в высший разряд (ст. 103–106 ИТК РСФСР 1924 года).

Таким образом, уже в первом ИТК РСФСР дифференциации исполнения наказания уделяется серьезное внимание, она приобретает все более четкие, системные очертания. Вместе с тем на данном этапе развития уголовного законодательства четкая во всем система дифференциации наказания не отвечала бы интересам усиления классовой борьбы. Поэтому в законодательстве допускались неконкретные основания применения уголовного наказания, общие формулировки, позволяющие использовать уголовную репрессию в

очень широком диапазоне.

Отсутствие достаточных навыков в законодательной технике, незначительный опыт в составлении и редакции правовых актов наряду с необходимостью быстрого издания новых, социалистических правовых норм, – все это не могло не отразиться на качестве стилистики права и не породить множества дефектов в редакции и языке законов. Так, среди технических погрешностей ИТК РСФСР 1924 года следует, прежде всего, назвать отсутствие заголовков статей, которое существенно затрудняло поиск нужной правовой информации, изобилие оценочных понятий (без соответствующих законодательных предписаний по их толкованию и применению), широкое использование примечаний к статьям, которых логичнее было бы возвести в ранг самостоятельных статей закона.

Принимая во внимание данные недостатки, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июля 1929 года «О работе по кодификации законодательства РСФСР» указывалось: «Народному комиссариату юстиции приступить к кодификации действующих законов, в целях устранения несогласованности с позднейшим законодательством РСФСР и Союза ССР, попутного упрощения изложения законов, поскольку это возможно в пределах кодификационной работы, возможного сокращения общего количества законов и исправления терминологических неправильностей».

Говоря об истоках советского исправительно-трудового права, во-первых, не стоит сбрасывать со счетов историческую преемственность. Отдельные попытки отказать от наследия прошлого были характерны лишь для первых лет советской власти [5, с. 10 и сл.].

Вместе с тем, советская власть не могла при всем желании полностью отказать от старого права по объективной причине – более ранний этап является базисом для развития последующего. Эта закономерность прослеживается на протя-

жении всей истории. В этом, как представляется, нет ни тени субъективных предпочтений. Наоборот, новая власть всегда стремится отмежеваться от установлений предыдущей. Но как ни парадоксально, она при этом всегда идет в их фарватере. Это можно объяснить объективной закономерностью, формулируемой следующим образом: на каждом последующем историческом этапе право объективно нуждается в изменениях, но точкой отсчета этих изменений не может быть ничто иное, как только предыдущее право. Не воспринимая его в качестве исходной базы правового регулирования, невозможно наметить и осуществить никаких изменений, поскольку неясно, что же именно в них нуждается, какими они должны быть и что является приемлемым для нового этапа. Иными словами, без восприятия старого (в целом отжившего) права, без учета его взаимосвязи с новым как по форме, так и по содержанию, нельзя определить потребности, цели, задачи, масштабы и параметры изменений, а также их последствия, определяемые методом экстраполяции прежних закономерностей развития на некоторую перспективу. В этом заключается принципиальное значение права прошлого для права современного. Поэтому большое теоретическое влияние на формирование советской уголовной политики оказали работы ученых XIX – начала XX веков, заложивших основы современной теории уголовного права. Среди них такие имена, как: Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, Л.И. Петражицкий, И.Я. Фойницкий, А.Ф. Кистяковский, Э.Я. Немировский, А.А. Жижиленко, А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский и многие другие.

Во-вторых, большое влияние на советское уголовное и исправительно-трудовое законодательство оказывала марксистско-ленинская идеология. Один из его разработчиков Н.В. Крыленко писал: «Классовое начало карательной политики заключается в том, чтобы каждый кон-

кретный шаг оценивался с точки зрения классовых целей, тех целей, для которых он (рабочий класс – *И.Д.*) вообще создал свою карательную систему. Вот что значит классовая политика» [8, с. 227-228]. Развитое понимание классового уголовного права получило отражение в трудах советских криминалистов при исследовании проблем истории уголовного права. Так, например, А.С. Шляпочников в книге «Происхождение уголовного права», опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, утверждал, что в основу изучения различных систем уголовного права должно быть положено учение о социально-экономических формациях. Он отмечал, что одна классовая социально-экономическая формация отличается от другой той специфической экономической формой, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей и которая определяет отношения господства и подчинения [12, с. 12-15].

Наконец, в-третьих, разработчики советского уголовного и исправительно-трудового законодательства (Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, УК РСФСР 1922 года, Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года (далее – «Основные начала»), ИТК РСФСР 1924 года, УК РСФСР 1926 года), испытывали сильное влияние социологической школы уголовного права и, прежде всего, Ф. Листа, Г. Тарда, Э. Ферри и И.Я. Фойницкого.

К середине 20-х годов прошлого века в советском уголовном и исправительно-трудовом праве произошел полный отказ от понятия «наказания», который рассматривался как наследие буржуазного уголовного права, в пользу мер «социальной защиты». Целями применения мер социальной защиты были провозглашены:

предупреждение преступлений;
лишение общественно-опасных элементов возможности совершать новые

преступления и исправительно-трудовое воздействие на осужденных.

«Основные начала», а вслед за ними и УК РСФСР, указывали, что задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит, и все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства.

Считалось, что основной причиной преступлений выступает влияние на формирование личности внешней среды. Из этой посылки следовал вывод о том, что наказание должно определяться не столько преступлением, сколько степенью социальной опасности личности и должно быть направлено, прежде всего, на ограждение (защиту) окружающих от этого преступника.

Научную основу советской исправительно-трудовой науки, начиная уже со второй половины XX века, заложили такие ученые, как В.П. Артамонов, Л.В. Багрий-Шахматов, Н.А. Беляев, А.И. Зубков, Л.Г. Крахмальник, М.П. Мелентьев, А.Е. Наташев, А.Л. Ременсон, И.А. Сперанский, Н.А. Стручков, Ю.М. Ткачевский, Б.С. Утевский, М.И. Федоров, В.А. Фефелов, О.Ф. Шишов, И.В. Шмаров и др. Сегодня их продолжают: Л.И. Беляева, В.И. Селиверстов, В.А. Уткин и др.

Многие идеи и научные разработки тех лет легли в основу концепций реформирования российского законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний в начале 90-х годов прошлого столетия и ныне действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

К слову сказать, реформированием этот процесс можно назвать с большой натяжкой, поскольку основные концеп-

туальные положения советского исправительно-трудового права, в частности, целенаправленно карательный, инструментальный и утилитарный характер режима как основы исполнения наказания, перекочевали из ИТК РСФСР в УИК РФ.

И здесь, вероятно, это можно объяснить тем, что разработчики действующего отечественного уголовно-исполнительного законодательства в подавляющей массе были выходцами из советской школы исправительно-трудового права и к этому моменту обладали сформированными ею научными убеждениями.

Сказанное наглядно иллюстрирует, например, эклектичность теоретической базы цели исправления (сочетание научно оппозиционных положений классической и социологической школ уголовного права) и ее теоретическую несостоятельность, о чем мы неоднократно писали. Последняя, кстати, подтверждается и практической не-верифицируемостью, имея в виду высокий уровень рецидива, свидетельствующий как раз о фактическом недостижении наказанием цели исправления.

Таким образом, для определения концептуальной основы советского уголовного и исправительно-трудового права первой половины прошлого века нужно говорить о синтезе этих социологических теорий с коммунистической идеологией.

Однако уголовное право, независимо от идеологической основы, – это всего лишь инструмент.

Поэтому нельзя исключать того, что оно использовалось для обоснования политической целесообразности репрессий в отношении классовых врагов, а фактически – всех неугодных лиц.

Вместе с тем развиваемое в СССР социологическое направление в уголовном праве и криминологии в тот период было наиболее прогрессивным и пользовалось широкой популярностью не только в нашей стране, но и за рубежом.

Литература

1. *Багрий-Шахматов Л.В.* Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право: учеб. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. А. Стручкова. М., 1969. 77 с.
2. *Богданов В.Я.* Исправительные работы без лишения свободы. Проблемы сущности и эффективности. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1978. 181 с.
3. *Булатов С.Я.* Классовый момент при определении мер социальной защиты // Советское право. 1926. № 2 (20). С. 41–42.
4. *Бушуев И.А.* Исправительно-трудовые работы без лишения свободы как мера наказания в советском уголовном праве: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1955. 13 с.
5. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология: (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М.: Юрид. лит., 1970. 286 с.
6. *Дворянсков И.В.* Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции осужденных от общества в истории России. Сер. Теория и история государства и права (научная монография). СПб.: Юридический центр, 2017. 112 с.
7. Ленинский сборник. / Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева и В. Г. Сорина. Т. XXI. М., Партиздат, 1933. С. 142.
8. Пятый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Стенографический отчет. М., 1924.
9. *Сергеевский Н.Д.* Наказание в русском праве XVII века : исслед. Н. Д. Сергеевского / [соч.] Н. Д. Сергеевского. СПб., 1887. XXII. 300 с.
10. *Ткачевский Ю.М.* Прогрессивная система исполнения наказания в новом уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах (К 75-летию Н.А. Стручкова): материалы научно-практической конференции (февраль 1997 г.). М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1997. С. 28–30.
11. *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста: [из неопубликованного]. М.: Юридическая лит., 1989. 302 с.
12. *Шляпочников А.С.* Происхождение уголовного права: Учебное пособие для правовых вузов и юридических курсов / Под ред. Н. В. Крыленко. Ком. акад. Ин-т сов. строительства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. законодательство, 1934. 48 с.

References

1. *Bagrij-Shahmatov L.V.* Sistema ugovolnyh nakazaniy i ispravitel'no-trudovoe pravo: ucheb. posobie / Pod red. d-ra yurid. nauk prof. N. A. Struchkova. M., 1969. 77 s.
2. *Bogdanov V.Ya.* Ispravitel'nye raboty bez lisheniya svobody. Problemy sushchnosti i effektivnosti. M.: Izd-vo VNII MVD SSSR, 1978. 181 s.
3. *Bulatov S.Ya.* Klassovyy moment pri opredelenii mer social'noj zashchity // Sovetskoe pravo. 1926. № 2 (20). S. 41–42.
4. *Bushuev I.A.* Ispravitel'no-trudovye raboty bez lisheniya svobody kak mera nakazaniya v sovetskom ugovolnom prave: Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. M., 1955. 13 s.
5. *Gercenzon A.A.* Ugolovnoe pravo i sociologiya: (Problemy sociologii ugolovnogo prava i ugolovnoj politiki). M.: Yurid. lit., 1970. 286 s.
6. *Dvoryanskov I.V.* Ispolnenie nakazaniy i inyh ugovolno-pravovyh mer bez izolyacii osuzhdennyh ot obshchestva v istorii Rossii. Ser. Teoriya i istoriya gosudarstva i prava (nauchnaya monografiya). SPb.: Yuridicheskij centr, 2017. 112 s.

7. Leninskij sbornik. / Pod redakciej V. V. Adoratskogo, V. M. Molotova, M. A. Savel'eva i V. G. Sorina. T. XXI. M., Partizdat, 1933. S. 142.

8. Pyatyj Vserossijskij s"ezd deyatelen sovetskoj yusticii. Stenograficheskiy otchet. M., 1924.

9. *Sergeevskij N.D.* Nakazanie v russkom prave XVII veka : issled. N. D. Sergeevskogo / [soch.] N. D. Sergeevskogo. SPb., 1887. XXII. 300 c.

10. *Tkachevskij Yu.M.* Progressivnaya sistema ispolneniya nakazaniya v novom ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve // Problemy teorii nakazaniya i ego ispolneniya v novom Ugolovnom i Ugolovno-ispolnitel'nom kodeksah (K 75-letiyu N.A. Struchkova): materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (fevral' 1997 g.). M.: Izd-vo VNII MVD Rossii, 1997. S. 28–30.

11. *Utevskij B.S.* Vospominaniya yurista: [iz neopublikovannogo]. M.: Yuridicheskaya lit., 1989. 302 s.

12. *Shlyapochnikov A.S.* Proiskhozhdenie ugolovno go prava: Uchebnoe posobie dlya pravovyh vuzov i yuridicheskikh kursov / Pod red. N. V. Krylenko. Kom. akad. In-t sov. stroitel'stva i prava. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Sov. zakonodatel'stvo, 1934. 48 s.

Сведения об авторе

Дворянсков Иван Владимирович: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор. E-mail: diw@yandex.ru.

Information about the author

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich: Federal State Institution «Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service» (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher, Doctor of Law, Professor. E-mail: diw@yandex.ru.

УДК 343.8

К. В. Каретников

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1924 ГОДА

В статье рассматриваются положения первого кодифицированного акта РСФСР в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, в контексте профилактики преступлений и иных правонарушений осужденных. Представляются статистические данные о

© Каретников К.В., 2024

© Karetnikov K.V., 2024

количестве мест заключения и содержащихся в них заключенных на момент принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, а также некоторые сведения о допускаемых осужденными в местах заключения преступлениях и правонарушениях. Обосновывается важность и значимость исправительно-трудового законодательства советского периода в предупреждении преступности в исправительно-трудовых учреждениях посредством характеристики содержащегося в нем комплекса специальных предупредительных мер. Отмечаются гуманистические начала формируемой прогрессивной системы исполнения наказаний в виде лишения свободы, выражаемые в запрете физического воздействия на заключенных, а также уважении их чести и достоинства.

Проводится комплексный анализ Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, позволяющий установить помимо общих превентивных мер, состоящих в первичной дифференциации заключенных по видам исправительно-трудовых учреждений, более частные предупредительные меры, заключающиеся в разделении заключенных на разряды и категории в рамках исправительно-трудового учреждения. Определяется совокупность содержащихся в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года специальных предупредительных мер, в числе которых предусмотрены меры безопасности (физическая сила и оружие), дисциплинарные меры (выговор, понижение в разряде, ограничение или лишение свидания, выписки или передачи и др.), специальные общие камеры с особым наблюдением, меры по ограничению порядка передвижения осужденного и контакта с родственниками, медицинские меры (смирительный пояс) и другие. Делается вывод о необходимости учета российским законодателем исторического опыта преобразования пенитенциарной системы в советский период.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, осужденные к лишению свободы, пенитенциарная система, исправительно-трудовое законодательство, меры профилактики, исправительно-трудовой кодекс.

K. V. Karetnikov

**SPECIAL MEASURES FOR THE PREVENTION
OF CRIMES FOR PRISONED PRISONERS
UNDER THE CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR
OF 1924**

The article examines the provisions of the first codified act of the RSFSR in the field of execution of criminal penalties in the form of imprisonment - the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 in the context of the prevention of crimes and other offenses of convicts. Statistical data on the number of places of detention and the prisoners held there at the time of the adoption of the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 is presented, as well as some information about the crimes and offenses committed by those convicted in places of detention. The importance and significance of the correctional labor legislation of the Soviet period in the prevention of crime in correctional labor institutions is substantiated by characterizing the set of special preventive measures it contains. The humanistic principles of the emerging progressive system of execution of sentences in the form of imprisonment are noted, expressed in the prohibition of physical influence on prisoners, as well as respect

for their honor and dignity.

A comprehensive analysis of the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 is carried out, which makes it possible to establish, in addition to general preventive measures consisting of the primary differentiation of prisoners by type of correctional labor institution, more specific preventive measures consisting of dividing prisoners into categories and categories within the correctional labor institution. The set of special preventive measures contained in the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 is determined, including security measures (physical force and weapons), disciplinary measures (reprimand, demotion, restriction or deprivation of visits, discharge or transfer, etc.), special general cells with special surveillance, measures to limit the movement of the convicted person and contact with relatives, medical measures (strait belt), etc. It is concluded that the Russian legislator needs to take into account the historical experience of transforming the penitentiary system during the Soviet period.

Keywords: crime prevention, those sentenced to imprisonment, penitentiary system, correctional labor legislation, preventive measures, corrective labor code.

Предупреждение преступлений и иных правонарушений издавна является одним из приоритетных направлений деятельности государства [14]. Проблемы преступности, главным источником которой признавались социально-экономические структуры общества, не обошли стороной и советскую эпоху [4]. Потребность в обеспечении общественной безопасности, защите жизни и здоровья личности в указанный период времени придавала превентивному направлению деятельности особую важность и значимость. В этой связи пенитенциарные учреждения, которые являлись местом сосредоточения лиц, совершивших преступления, в широком смысле представляли собой непосредственный профилактический объект.

Наличие в местах заключения советской России большого количества неисправимых и умеренных рецидивистов, как отмечает М.А. Погорелов, представлялось основной угрозой режиму пенитенциарных учреждений [4]. К концу 1924 года в РСФСР функционировало порядка 355 мест заключения, в которых численность заключенных превышала 75 тысяч [18]. Фиксируемая высокая воспроизводимость тюремного быта и наличие процессов, связанных с распространением криминальной субкультуры, существенно подрывали авторитет администрации мест лишения сво-

боды. Так, за первое полугодие 1924 года из мест лишения свободы совершили побег 1232 заключенных, из них 12 сопровождалось применением насилия в отношении тюремной стражи, 43 – подкопами, проломами и иными правонарушениями. Помимо этого, в местах заключения допущены три случая массовых беспорядков, восемь массовых и пятьсот одиночных голодовок, совершено четыре убийства заключенными представителей администрации, надзора и караула, произошло два самоубийства среди осужденных [2].

В силу того, что предпринимаемые в первые годы советской власти предупредительные меры общесоциального характера работали на перспективу и в конкретный период времени должного результата в местах заключения не демонстрировали, имелась потребность в разработке комплекса специальных предупредительных мер [1, 9]. Для решения профилактических задач активно использовались проводимые советскими криминологами исследования тюремной культуры в области норм и убеждений заключенных, пенитенциарного фольклора, материальной и символической интерпретации жизнедеятельности осужденных, процессов тюремной социализации и формирования закрытых общностей в условиях изоляции [4]. Наряду с этим перед органами государственной власти в

20-е годы XX века стояла задача по систематизации и кодификации основ исполнения уголовных наказаний в прогрессивном ключе, когда карательный ракурс должен быть сменен на исправительный [6]. Именно поэтому большие надежды по оказанию существенного воздействия на правонарушителей, отбывающих наказания в виде лишения свободы, возлагались на утвержденный 16 октября 1924 года постановлением ВЦИК Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее – ИТК РСФСР), который юридически закрепил идеи исправления заключенных, провозгласив труд основным средством их достижения [5]. Дальнейший анализ позволит определить его значение в контексте профилактики преступлений осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Согласно ИТК РСФСР 1924 года, одна из основных задач которого состояла в организации исполнения наказания в виде лишения свободы, решение вопросов, связанных с функционированием пенитенциарных учреждений на территории страны, возлагалось на Главное Управление местами заключений (далее – ГУМЗ), подведомственное Наркомату внутренних дел РСФСР [19]. В свою очередь, устанавливалось, что реализуемое наказание в виде лишения свободы преследовало цель по общему и частному предупреждению преступлений и иных правонарушений со стороны осужденных. В связи с законодательным закреплением в ИТК РСФСР 1924 года положения о том, что предупреждение преступлений соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия [11], следует вести речь о профилактической направленности исправительно-трудового законодательства раннего советского периода, который являл собой эпоху становления отечественной пенитенциарной системы. Стоит обратить внимание, что предупредительная цель лишения свободы обозначилась в качестве основной, в то время, как исправление и труд в

указанный период представлялись в качестве ключевых мер ее обеспечения.

Советский законодатель прекрасно понимал потребность в реформировании учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы. Продолжительное время активно обсуждался вопрос по избавлению от тюрем и созданию трудовых колоний различного профиля (сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных) и исправительно-трудовых домов (для переходного периода). Поэтому в РСФСР для реализации указанного вида наказания создавались исправительно-трудовые учреждения (далее – ИТУ). Их назначение состояло в нивелировании причин и условий, которые могут способствовать совершению осужденными преступлений и иных правонарушений. Государственные деятели уже в тот период осознавали, что пенитенциарные учреждения должны в обязательном порядке располагаться вне населенных пунктов. Это, безусловно, говорит об осознании уровня опасности содержащихся в ИТУ лиц, понимании отрицательного воздействия сети таких учреждений на население и профилактике поступления запрещенных предметов на территорию ИТУ. Кроме того, законодатель полагал, что условия лишения свободы, в отсутствие незаконного физического воздействия и исключения фактов унижения чести и достоинства заключенных, и оказываемое в этой связи на них исправительно-трудовое воздействие будут способствовать приспособлению правонарушителей к нормам и правилам общественной жизни [12]. Вопросами, связанными с законностью деятельности ИТУ в части, касающейся правового положения осужденных, занималась специализированная наблюдательная комиссия под руководством начальника мест заключения, создаваемая при каждом ИТУ.

Существенное влияние на правонарушающее поведение осужденных в процессе отбывания наказания в виде лишения

свободы имели вопросы их дифференциации [8]. С целью исключения оказания негативного воздействия преступников-рецидивистов и лиц, нарушающих режим, осужденные подвергались первичной и вторичной дифференциации. Этими во-

просами занимались распределительные комиссии при губернских (областных) инспекциях мест заключения. Первый вид дифференциации представлял собой распределение по ИТУ различных типов [10] (рисунок 1)

Рисунок 1. Классификация исправительно-трудовых учреждений согласно ИТК РСФСР 1924 года по различным типам (критериям)

Второй вид дифференциации состоял в разделении осужденных в рамках конкретного вида ИТУ на разряды (рисунок 2). При этом существовала установленная законодательно система социальных лифтов, позволяющая осужденным изменить такой разряд как в позитивную, так и в негативную сторону путем изменения соответствующей категории [7]. В основе указанной системы стояли следующие условия: классовая принадлежность лица, личность

осужденного, его социальное положение, мотив и причины преступления, поведение в период отбывания наказания, результаты трудовой деятельности, итоги учебного процесса [13]. Ввиду нехватки кадрового состава, а также слабом его профессионально-педагогическом и профилактическом потенциале, активно практиковалась самодеятельность осужденных, что, безусловно, оставляло свой след на уровне правонарушений с их стороны.

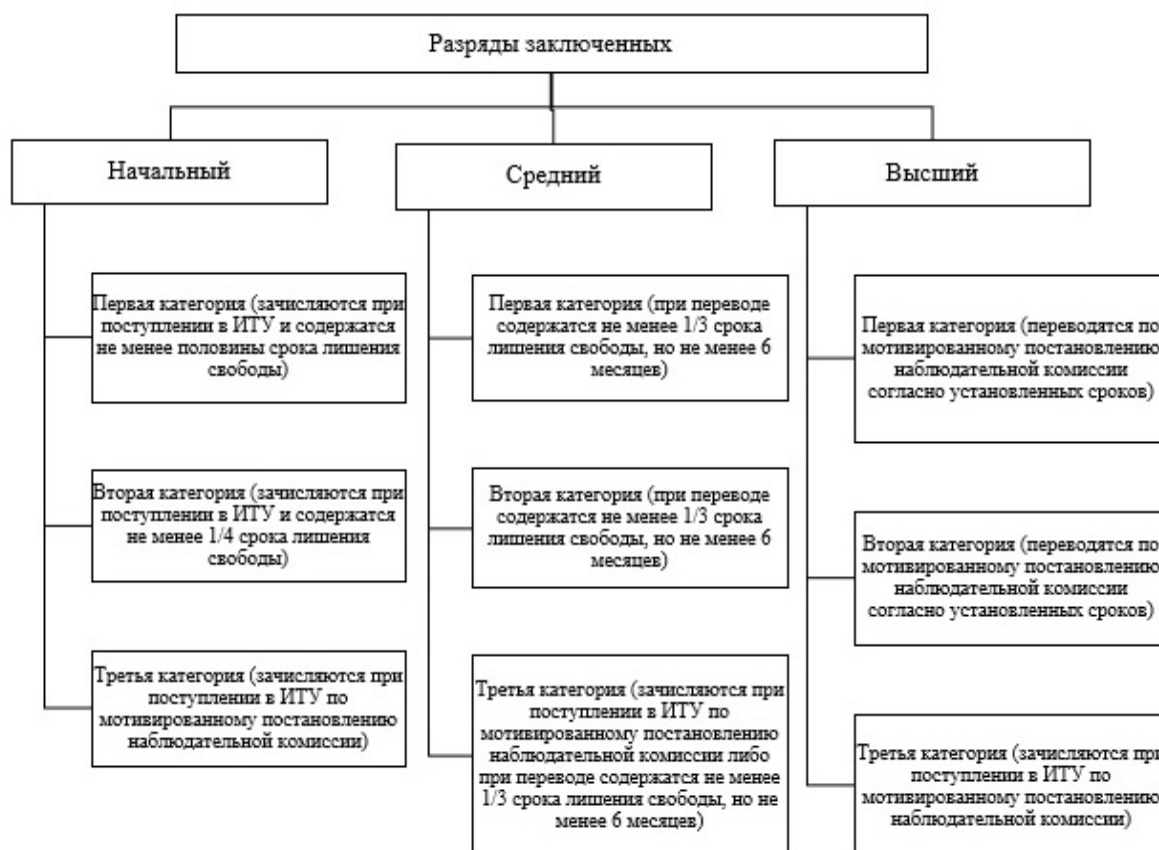

Рисунок 2. Классификация заключенных, отбывающих лишение свободы в исправительно-трудовых учреждениях согласно ИТК РСФСР 1924 года по критериям и разрядам

В силу того, что ИТК РСФСР 1924 года обязал ИТУ посредством трудового использования заключенных покрывать затрачиваемые на их содержание расходы, в основе деятельности ИТУ, все-таки, стоял именно труд, а не исправление осужденных и предупреждение преступлений с их стороны. Об этом свидетельствует достаточно высокий уровень преступности в местах лишения свободы, сопровождаемый нарушением режимных требований. Обозначенная тенденция складывалась в связи с тем, что администрацией ИТУ недостаточно внимания уделялось вопросам пенитенциарного рецидива. Несмотря на это, ИТК РСФСР 1924 года предусматривал наличие взаимодействующих с ИТУ учреждений, деятельность которых связана с оказанием помощи осужденным, освобождаемым из

ИТУ, а также борьбы с преступностью вне мест лишения свободы.

Установленный в ИТУ режим был весьма гуманным, сочетавшим в себе наряду с принципами обязательности трудовой деятельности еще и потребность культурно-просветительской работы с осужденными. Это являлось следствием того, что режим в ИТУ строился на основе прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания. В частности, было исключено одиночное заключение, провозглашено незаконным безосновательное физическое воздействие на осужденных, применение кандалов и наручников, водворение в карцер, лишение пищи, проведение свиданий заключенных с родственниками и иными лицами через решетку [17]. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что соглас-

но ИТК РСФСР 1924 года все осужденные, имевшие физическую возможность работать, должны быть заняты в сфере труда.

При трудоустройстве заключенных администрация ИТУ исходила из следующих условий:

склонность лица к конкретному роду занятий,

имеющиеся у лица знания и умения, полученные до осуждения,

состояние здоровья,

рекомендации суда,

возможность применять полученные в ИТУ трудовые навыки после освобождения.

Обращает на себя внимание тот факт, что склонность лица к тем или иным правонарушениям в процессе трудоустройства в учет не бралась. Полагаем, что это способствовало изысканию осужденными запрещенных предметов, формированию криминальных связей и последующему объединению в правонарушающие группы. Исходя из анализа положений ИТК РСФСР можно сделать вывод, что единственным преступлением, на которое акцентировалось внимание в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы, был побег.

Следует отметить достаточно высокий уровень культурно-просветительской работы в местах лишения свободы, реализуемой наряду со школьной программой, осваивать которую обязаны были неграмотные либо малограмотные осужденные до достижения пятидесяти лет, в процессе внешкольной и производственной деятельности. Связано это в большей степени с тем, что в ИТК РСФСР 1924 года обозначена задача по повышению интеллектуального уровня осужденных, развитию их гражданственности и ликвидации политической безграмотности [20]. Указанная работа проводилась в индивидуальных и групповых формах. Например, учителя-воспитатели в наблюдательных и контрольных целях закреплялись за группой осужденных. В процессе своей деятельности они контро-

лировали поведение осужденных во время работы и учебы, устанавливали черты их личности и произошедшие изменения.

К культурно-просветительской работе наряду с сотрудниками мест лишения свободы привлекались и трудящиеся заключенные. Это является прообразом самостоятельных организаций, действовавших в более поздние периоды советского государства.

В ИТУ законодательно была предусмотрена возможность создавать из числа привлеченных к труду осужденных культурно-просветительские комиссии, численность которых не должна была превышать пяти человек. Деятельность такой комиссии была ориентирована на трудящуюся массу лиц, пребывающих во внешней от общества изоляции, посредством организации клубных секций, кружковых занятий, чтения лекций, проведения концертов и спектаклей, организации литературных вечеров, издания газет и журналов, а также формирования сборников, занятий гимнастикой и др. [16]. Несмотря на достаточно широкий спектр и плотность проводимых мероприятий и их высокий профилактический потенциал, сложно сказать об их эффективном влиянии на процессы предупреждения преступлений и иных правонарушений ввиду того, что они ориентированы исключительно на лиц из числа трудящихся осужденных. Это свидетельствует о том, что осужденные, имеющие криминальные установки, допускающие нарушения требований режима и не вовлеченные в трудовые процессы, оставались вне пределов культурно-просветительской работы.

Блок более эффективных специальных предупредительных мер, которые содержались в ИТК РСФСР 1924 года, характеризуются следующим образом.

Для осужденных, прибывших в ИТК, после проведения обязательного медицинского осмотра и ряда санитарно-гигиенических мероприятий и до момента

распределения был предусмотрен карантин в особых камерах. При этом в превентивных целях устанавливалось, что лица, негативно влияющие на других заключенных и терроризирующие их, изолируются в специальные общие камеры, где за ними ведется особое наблюдение. Кроме того, предусматривалось, что камеры для содержания заключенных начального и среднего разрядов должны быть закрыты в течение суток, а камеры для осужденных высшего разряда – только от вечерней до утренней поверки.оборот вещей и предметов, разрешавшихся осужденным, был под контролем ГУМЗ, которое определяло их количество и соответствующие перечни. Однако заключенным законодательно дозволялось по письменному разрешению руководителя ИТУ иметь в личном пользовании колющие и режущие предметы (инструменты). С целью исключения поступления осужденным запрещенных предметов от их родственников в процессе свиданий было установлено, что они проводятся для заключенных начального и среднего разряда в особо оборудованных помещениях (бесконтактные), а для заключенных высшего разряда – непосредственные (контактные).

ИТК РСФСР 1924 года устанавливал, что к нарушителям режима, основываясь на их личностных характеристиках и характере допущенного нарушения, применяются меры ответственности дисциплинарного характера, которые, безусловно, носили предупредительный эффект.

К ним, в частности, относились ограничение или лишение свидания, выписки или передачи на срок до одного месяца, выговор, понижение в разряде, перевод в одиночную камеру на срок до четырнадцати суток и др. [19]. Дисциплинарной мерой не являлось, но в случае буйства осужденного могло применяться, наложение смиренного пояса.

Как отмечалось ранее, в ИТК РСФСР 1924 года существенное внимание уделялось побегам заключенных. Законо-

дательно выделялось два их вида: сопряженный с насилием или без такового. За побег или покушение на него, совершенные путем подкупа, взлома, повреждения имущества ИТУ, причинения вреда жизни и здоровью представителям администрации мест заключения и др., а также побег, совершенный при конвоировании, предусматривалась уголовная ответственность, а за иные виды побегов – дисциплинарная. Кроме того, лицо, совершившее побег, в обязательном порядке переводилось в начальный разряд и подлежало особому порядку надзора. Превентивной мерой представляется и то, что время нахождения осужденного вне ИТУ в срок лишения свободы не засчитывалось.

Серьезное предупредительное свойство содержат в себе положения ИТК РСФСР 1924 года, касающиеся применения администрацией ИТУ, представителями надзора и стражи мест заключения мер безопасности. Указанным субъектам предоставлялось право применять физическую силу и оружие (винтовка, револьвер, тесак) в отношении осужденных и лиц, которые оказывают им содействие [15]. Основаниями для применения указанных мер могли послужить побег или нападение заключенного, а также насильственные действия с его стороны. Законодательно предусматривалось, что лицу, планирующему применить в отношении правонарушителя оружие, требуется сделать трехкратное предупреждение в его сторону.

Таким образом, по результатам вышеизложенного, следует заключить, что в ИТК РСФСР 1924 года выработаны положения, позволяющие объединить все имеющиеся учреждения системы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в единую сеть ИТУ. Деятельность таких учреждений была направлена на позитивное влияние факта лишения свободы на осужденного, наряду с чем оказывалось влияние на характер такого лица и его профессиональные навыки, что, по мнению

советского законодателя, должно было предостеречь лицо от последующих правонарушений. Провозглашенный курс на следование прогрессивной системе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы продиктовал отказ от незаконного физического воздействия на преступников и действий, связанных с унижением их человеческого достоинства.

Проведенный анализ содержания ИТК РСФСР 1924 года лишь упрочнил позицию о его значимости в становлении и развитии отечественной пенитенциарной системы [3]. На базе первого кодифицированного документа, касающегося исполнения наказания в виде лишения свободы, в 20-е годы XX века была заложена научная мысль о законодательном закреплении специальных мер предупреждения преступлений и иных правонарушений. Основу их составляло разделение ИТУ на типы по исправительному, медико-педагогическому и медицинскому критерию, а также дифференциация заключенных на соответствующие разряды и категории. Более

четкие меры предупредительного плана заключались в возможности применения в отношении осужденных мер безопасности (физической силы и оружия) и мер дисциплинарной ответственности (выговор, понижение в разряде, перевод в одиночную камеру на срок до четырнадцати суток и др.), помещения нарушителя в специальные общие камеры с особым наблюдением, применения смирительного пояса, ограничения передвижения осужденного вне камер от утренней до вечерней поверки, контроля за оборотом запрещенных заключенным вещей и предметов, установления специального порядка проведения свиданий и др.

Несмотря на преобразование факторов, влияющих на эволюцию пенитенциарной системы, учет специальных мер предупреждения преступлений, содержащихся в нормах ИТК РСФСР 1924 года, позволил бы отечественному законодателю нивелировать ряд пробелов, ошибок и просчетов в организационно-правовой сфере с учетом исторического опыта.

Литература

1. Бочкарев В.В. Профилактическое воздействие уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 23-29.
2. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. Москва : Вердикт-ИМ, 1999. 448 с.
3. Майстренко Г.А. Пенитенциарное наследие первых лет советской власти: к 100-летию принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года // Образование и право. 2023. № 10. С. 520-523.
4. Погорелов М.А. Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы) // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 254-281.
5. Помошкова Н.В. Идея об исправительных началах уголовных наказаний в эволюции отечественной юридической мысли в советский период // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 210-212.
6. Рахматулин З.Р. Ретроспективный анализ режима лишения свободы на определенный срок, а также мер воздействия, схожих с наказанием в виде ограничения свободы // Эпоха науки. 2015. № 4. С. 19-27.
7. Савушкин С.М. Историко-правовой аспект классификации осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 71-76.
8. Савушкин С.М. Принципы дифференциации осужденных к лишению свободы

// Вестник Кузбасского института. 2018. № 1 (34). С. 65-73.

9. *Савушкин С.М.* Меры предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 1 (52). С. 84-89.

10. *Санташов А.Л.* Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3 (4). С. 191-194.

11. *Сидоренко Л.П.* Правовое становление советской пенитенциарной системы в период 1917-1922 гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 362-365.

12. *Смирнов С.Н.* Рациональность применения основных средств исправления к осужденным, лишенным свободы, по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 2 (4). С. 41-44.

13. *Солоницын П.С.* Преступность и уголовно-исправительная политика в Советском государстве в 1920-е годы // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С. 66-72.

14. *Стариков С.В.* Система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в начале XX века (на материалах Чувашии) / С. В. Стариков, В. И. Сергеев, А. С. Янцева // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 87-91.

15. *Ткаченко Е.С.* Специфика деятельности сотрудников пенитенциарной системы России на рубеже IX-XX веков // Глобальный научный потенциал. 2021. № 8 (125). С. 21-23.

16. *Упоров И.В.* ИТК РСФСР 1924 г. и его значение в истории советского исправительно-трудового права // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 680-687.

17. *Упоров И.В., Трачук А.А.* Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников в нормах ИТК РСФСР 1924 года // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 615-620.

18. *Фумм А.М., Яковлева О.Н.* Первая кодификация в сфере исполнения наказаний как фактор развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 41-45.

19. *Фумм А.М.* Первый исправительно-трудовой кодекс РСФСР об организации труда заключенных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 40-44.

20. *Юнусов А.А.* Ретроспективный анализ обязанностей осужденных к лишению свободы в России в период XX-XXI вв. / А. А. Юнусов, А. Г. Ахвердян, Л. Е. Прихожая // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 3 (46). С. 146-152.

References

1. *Bochkarev V.V.* Profilakticheskoe vozdejstvie ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v otnoshenii osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 3 (28). S. 23-29.

2. *Detkov M.G.* Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii. Moskva : Verdikt-IM, 1999. 448 s.

3. *Majstrenko G.A.* Penitenciarное наследие pervykh let sovetskoj vlasti: k 100-letiyu prinyatiya Ispravitel'no-trudovogo kodeksa RSFSR 1924 goda // Obrazovanie i pravo. 2023. № 10. S. 520-523.

4. *Pogorelov M.A.* Polevye issledovaniya v rannesovetskoj kriminologii (1920-e gody)

// Sociologiya vlasti. 2021. T. 33. № 3. S. 254-281.

5. *Pomoshchikova N.V.* Ideya ob ispravitel'nyh nachalah ugolovnyh nakazaniy v evolyucii otechestvennoj yuridicheskoy mysli v sovetskij period // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (217). S. 210-212.

6. *Rahmatulin Z.R.* Retrospektivnyj analiz rezhima lisheniya svobody na opredelennyj srok, a takzhe mer vozdejstviya, skhozhih s nakazaniem v vide ogranicheniya svobody // Epoha nauki. 2015. № 4. S. 19-27.

7. *Savushkin S.M.* Istoriko-pravovoj aspekt klassifikacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 1 (26). S. 71-76.

8. *Savushkin S.M.* Principy differenciacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 1 (34). S. 65-73.

9. *Savushkin S.M.* Mery preduprezhdeniya prestuplenii, sovershaemyh osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 1 (52). S. 84-89.

10. *Santashov A.L.* Differenciacya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih po ITK RSFSR 1924 i 1933 gg. // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. 2007. № 3 (4). S. 191-194.

11. *Sidorenko L.P.* Pravovoe stanovlenie sovetskoj penitenciarnoj sistemy v period 1917-1922 gg. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 11. S. 362-365.

12. *Smirnov S.N.* Racional'nost' primeneniya osnovnyh sredstv ispravleniya k osuzhdennym, lishennym svobody, po ITK RSFSR 1924 i 1933 gg. // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2007. № 2 (4). S. 41-44.

13. *Solonicyn P.S.* Prestupnost' i ugolovno-ispravitel'naya politika v Sovetskom gosudarstve v 1920-e gody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2023. № 3 (54). S. 66-72.

14. *Starikov S.V.* Sistema profilaktiki pravonarushenij sredi nesovershennoletnih v nachale XX veka (na materialah Chuvashii) / S. V. Starikov, V. I. Sergeev, A. S. Yanceva // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2012. № 2. S. 87-91.

15. *Tkachenko E.S.* Specifika deyatel'nosti sotrudnikov penitenciarnoj sistemy Rossii na rubezhe IX-XX vekov // Global'nyj nauchnyj potencial. 2021. № 8 (125). S. 21-23.

16. *Uporov I.V.* ITK RSFSR 1924 g. i ego znachenie v istorii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava // Alleya nauki. 2017. T. 1. № 10. S. 680-687.

17. *Uporov I.V., Trachuk A.A.* Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih prestupnikov v normah ITK RSFSR 1924 goda // Zametki uchenogo. 2021. № 5-1. S. 615-620.

18. *Fumm A.M., Yakovleva O.N.* Pervaya kodifikacya v sfere ispolneniya nakazaniy kak faktor razvitiya otechestvennogo ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 4 (95). S. 41-45.

19. *Fumm A.M.* Pervyj ispravitel'no-trudovoj kodeks RSFSR ob organizacii truda zaklyuchennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4 (32). S. 40-44.

20. *Yunusov A.A.* Retrospektivnyj analiz obyazannostej osuzhdennyh k lisheniyu svobody v Rossii v period XX-XXI vv. / A. A. Yunusov, A. G. Ahverdyan, L. E. Prihozhaya // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2022. № 3 (46). S. 146-152.

Сведения об авторе

Каретников Константин Викторович: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры организации режима. E-mail: kostya_385@mail.ru.

Information about the author

Karetnikov Konstantin Viktorovich: Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), senior lecturer at the department of regime organization. E-mail: kostya_385@mail.ru.

УДК 343.8

Б. З. Маликов

**ПЕРВЫЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР
1924 ГОДА: ВЗГЛЯД НАЗАД И В СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материал статьи посвящен значимому событию для правоведов-ученых, преподавателей специализированных учебных заведений, готовящих специалистов для уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел России, – 100-летию принятию первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР. Автор излагает свой взгляд на события того времени, в котором руководство и народ страны решали сложные задачи своего нового жизнеустройства, вопросы организации власти, правосудия, деятельности исправительно-трудоустройственных учреждений.

Главный акцент сделан на том, что первый Исправительно-трудоустройственный кодекс РСФСР стал официальным документом, отражавшим сущность политики государства в сфере исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: исправительно-трудоустройственные права, Исправительно-трудоустройственный кодекс РСФСР 1924 года, исторический метод исследования, уголовное право, исправительно-трудоустройственная политика.

B. Z. Malikov

**THE FIRST CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR
OF 1924: A LOOK BACK AND INTO THE PRESENT**

The article is devoted to a significant event for legal scholars, teachers of specialized educational institutions training specialists for the penal enforcement system and internal affairs bodies of Russia – the 100th anniversary of the adoption of the first Correctional Labor Code of the RSFSR. The author presents his view on the events of that time, in which the leadership and the people of the country solved the complex tasks of their new way of life, the organization of power, justice, and the activities of correctional labor institutions.

The main emphasis is placed on the fact that the first Correctional Labor Code of the

© Маликов Б.З., 2024

© Malikov B.Z., 2024

RSFSR became an official document reflecting the essence of the state's policy in the field of execution of criminal penalties..

Keywords: correctional labor law, Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924, historical research method, criminal law, correctional labor policy.

Первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года вошел в историю советского правотворчества, теорию советского права, процесс государственного строительства как результат нового и достаточно серьезного отношения советской власти, – именно диктатуры пролетариата, к определению сущности и содержанию советской исправительно-трудовой политики [1, с. 64]. Кодекс стал по своей сущности и встроенности в советскую систему права историческим документом, а по своему значению, – и политико-правовым, и организационно-конструктивным фактором социальной действительности в механизме правосудия страны. Он стал новым направлением, в целом, в политике государства, а также обнажил ряд значимых аспектов исследований для разных направлений науки, его нормы и положения стали обязательными для различных сфер советской и социальной организации: правосудия, юстиции, обеспечения правоохраны и формирования правосознания всего населения страны.

То, что новая отрасль права получила кодифицированную форму, свидетельствовало и о значении в государстве этого направления деятельности, а также для удобства его использования в практике применения, и получения гражданами вполне ясного представления о порядке исполнения и отбывания двух видов наказаний: лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы.

Важно отметить и то, что данный нормативный правовой акт в кодифицированной форме разрабатывался сразу после введения в действие первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. В нем уже получили отражение сущность и содержа-

ние уголовной политики советского государства и уголовной ответственности в статьях 5, 6, 7, 8 УК РСФСР 1922 года.

Это выражалось в следующих правовых установлениях:

– своей задачей Уголовный кодекс РСФСР 1922 года имел правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов и осуществлял эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты;

– преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени;

– опасность лица проявлялась в совершенном действии, вредных для общества, или деятельности, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку;

– наказание и другие меры социальной защиты применялись с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений¹.

Значимой частью параметров уголовной ответственности Уголовного кодекса РСФСР 1922 года было закрепление системы наказаний, их видов и санкций за совершение конкретных преступлений.

¹ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР» // «СУ РСФСР». 1924. № 86. ст. 870.

Наиболее строгими видами наказаний были определены высшая мера в виде расстрела, лишение свободы от шести месяцев до 10 лет и принудительные работы без лишения свободы.

Для обеспечения законности исполнения последних двух видов наказания требовалась достаточно выверенная правовая основа их исполнения с учетом всех новых обстоятельств процесса утверждения советской власти, ее целей, характера процесса социалистического переустройства, экономической, внутривластной и криминальной ситуации в стране.

Начало 20-х годов для страны было весьма тяжелым периодом, тогда еще не стихли полностью отзвуки гражданской войны и страна только начала свое послевоенное движение, ощущая сдерживающий тяжелый груз ее последствий. В силу тяжелой болезни начал снижать свою активную политическую и организационную деятельность В.И. Ленин, а в начале 1924 года он ушел из жизни.

Это обстоятельство повлекло смену в руководстве страны, лидером которой стал И.В. Сталин, что привело в «движение» часть оппозиционных сил, которые имели свой взгляд на построение социализма в РСФСР, организацию власти в форме диктатуры пролетариата и Советов, на политику в сфере экономики, на крестьянский вопрос, на мировую революцию и др.

Руководству страны приходилось в сложной экономической и социальной ситуации менять акценты в содержании своей политики, касающиеся экономики и социальной сферы. В то время был осуществлен переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике, что активизировало криминал.

Более того, РСФСР с декабря 1922 года стала основным, базовым и определяющим, экономическим и политико-социальным звеном СССР, что также налагало на Советскую Россию значимое бремя забот и ответственности за судьбы

140 миллионов человек в СССР.

Исследователи истории формирования уголовного законодательства РСФСР отмечают, и с ними нельзя не согласиться, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в своей основе «имел самый гуманный характер за всю историю российского систематизированного уголовного законодательства» [4].

Закрепляя наказание в виде лишения свободы, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года определял в качестве мест изоляции осужденных: исправительно-трудовые дома, трудовые сельскохозяйственные и ремесленные колонии, переходные исправительные дома (ст. 34).

Такие учреждения уже существовали в России, но организация работы в них требовала существенного наполнения их новым содержанием. Уголовный закон в этой связи закреплял новое положение о том, что наказание применяется в целях приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия (п. «б» ст. 8 УК РСФСР 1922 года).

Исходя из этой политико-правовой установки определялось и наименование будущего отраслевого кодифицированного закона, и содержание исправительно-трудовой политики советского государства.

Это означало, что в процессе исполнения наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием, основной акцент по исполнению приговора суда переносился с кары на включение осужденного в процесс исправительно-трудового воздействия.

Тем самым, все трудоспособные осужденные должны были привлекаться к труду в целях привития у них уважения к нему, для обретения профессиональных навыков, а также умения работать в коллективе, решая общие трудовые задачи, воспитывая себя посредством трудовой дисциплины, технической и трудовой этики и эстетики, организации труда.

Именно для формирования концептуальной идеи о содержании политики в сфере исполнения наказаний были приняты меры по кодификации существовавших ранее законодательных решений и выработке новых нормативных основ исполнения срочных видов наказаний, связанных с процедурой исправительно-трудового воздействия, что вытекало из положений, закрепленных в УК РСФСР 1922 года наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы. Главной и основной идеей советской исправительно-трудовой политики, отраженной в ИТК РСФСР 1924 года, стало то, что исполнение наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы, должны были быть основаны на воспитании осужденных через коллектив, труд, получение образования, их профессиональную подготовку.

На тот начальный период советского и социалистического преобразования всех сторон жизни это было особо актуальным решением в определении средств и форм приобщения правонарушителей к советскому общежитию и правопорядку. Становление советского исправительно-трудового права, как новой отрасли права, имело и свои исторические политико-правовые, ментально-национальные, социально-экономические предпосылки и особенности.

Как правовое явление объективно-порядка исправительно-трудовое право стало результатом (продуктом) процесса исторической длительной практики человека, деятельности государства, творчества представители правовой науки и других направлений научных познаний, а также преобразований в области формирования реализации советской уголовно-правовой политики на основе познаний криминологии, психологии, психиатрии, медицины, онтологии, социологии, педагогики.

Советская государственная реальность XX века и неординарная социальная организация людей, не вписывались в ход

мировой истории, отражая новые, никому не известные ранее, идеи новаторства и пролетарского движения, а также выпущенную из оков самодержавия и буржуазной удавки в деятельное пространство социализма энергию и творчество масс.

Тех, кого не очень устраивала сложившаяся ситуация в советской России и кто оказывал этому активное сопротивление, государство стало «сопровождать» к коммунизму под строгим контролем спецслужб и целенаправленного принуждения, но таких было значительное меньшинство. Административное и уголовно-правовое принуждение укладывалось в понимание и идеологию диктатуры пролетариата, силовой составляющей которой были органы ВЧК, ОГПУ, НКВД, трибуналы, суды, система ГУЛАГа.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что преобладающая часть населения России поддержала советскую власть, обеспечив ей победу в гражданской войне, поддержав ее в своем большинстве практически по всем: глобальных социальных переменам, в вопросах возрождения сильной самодостаточной экономики, нового социального устройства, развития культуры, образования, науки, медицины и должного быта для народа.

Мы полагаем, очень сложно с помощью статистики, просто оперируя безмолвными цифрами, доказывать насколько проблема репрессии советской власти была абсолютно оправданной или неоправданной, завышенной, и служила решению не общезначимых задач или достижению сомнительных целей.

Это тупиковый путь, так как ряд исследователей, будучи ангажированы и находясь в «путях» предпочтений в силу конкретных «обстоятельств», как в постановке проблем исследования, так в получении, возможно, не совсем объективных результатов, могут быть субъективны в своих суждениях. Тем более, когда речь идет о власти в интересах большинства народа,

когда в этом процессе сталкивались разные позиции неординарных лиц и сил в истории пролетарского строительства, политиков, государственных деятелей, военных в период устремленности государства к цели укрепления позиций социализма в стране.

Для отражения остроты проблем, с которыми столкнулась в то время советская власть, следует отметить, что и в настоящее время наша страна и народ, оказавшись в кольце политической блокады «недружественных» государств, столкнулись с неподобающим проявлением некоторых своих сограждан в этот непростой момент борьбы с неонацизмом, и даже с фактами предательства отдельных из них.

В советский период ситуация во всех смыслах также была сложной, – шла явная и скрытая борьба против советской власти и ее народа.

Своеобразным образчиком карикатуры на проявление психологии «дикого» человека, попавшего в культурную среду, описан в книге М. Булгакова «Собачье сердце» в 1925 году. В ней основной персонаж показан, как естественная натура с выраженными проявлениями неразвитости и пороков человека, которые не позволяли ему стать вполне нормальным социальным индивидом. Данное произведение являлось на тот момент сатирической формой протеста, возмущения и стремления выразить свое видение бесперспективности «очеловечивания» дремучей дикости народа России, а тем более привлечения неграмотных масс страны к культурным и социальным преобразованиям в стране. Автор не ошибался в одном: определенная часть людей нередко в своих поступках и действиях плохо преодолевают силу порочных инстинктов и позывов крайнего эгоизма, руководствуются асоциальными мотивами, низкопробной нормативностью субкультуры, обнажая свои не лучшие качества.

Проявления невежества и наличие многих недостатков в социальной и личной культуре в России действительно имели

место в социуме, но это и было отражением того прежнего состояния масс России, котором они вынуждены были прозябать, а власть вспоминала о народе в основном, когда требовалось отстоять Отечество и постоять за Царя.

Советская власть, учитывая демографическую, социальную и криминальную ситуацию в стране, с большим трудом, опираясь на нормы морали и требования уголовного закона, а также на положения Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, корректировала криминальное поведение отдельных граждан, осуществляла исправительно-трудовое воздействие на осужденных.

Следует также отметить и то, что усложняло ситуацию организации правоохраны и правопорядка в стране, – достаточно систематическое противодействие социалистическому строительству в сфере экономики, основой которой была общенародная собственность. Этот факт не способен опровергнуть ни один даже самый смелый исследователь, утверждая, что социалистическая собственность «затмила» более значимые ценности: жизнь, здоровье, права и свободы человека [3]. Однако советская власть видела в социалистической собственности основное звено сохранения власти трудящихся, а значит она олицетворяла залог всего успеха социалистического строительства и благополучия народа: реализацию его права на жизнь, здоровье, право на свободу и всестороннее развитие личности. Ее защита осуществлялась в разных формах, в том числе и уголовно-правовыми, и исправительно-трудовыми средствами вплоть до начала холодной войны.

Принудительный административный аппарат Советской России на начальном этапе процесса массовой советизации и социализации столкнулся с проблемами в процессе перевоспитания инакомыслящих и преступников, численность которых стала резко возрастать в местах лишения свободы по мере ликвидации бунтов, са-

ботажей, проявлений контрреволюции, белогвардейщины, иностранной интервенции, криминального разгула. Ленинская идея о сломе тюрем и замены их воспитательными учреждениями в условиях разрухи и нищеты после военных потрясений двух войн, стала обретать, с учетом реалий состояния общего упадка в России, совершенно иной и своеобразный характер.

Силловые методы государственного принуждения Советской власти опирались на механизмы уголовного преследования и «правосудия» как обычного, так и чрезвычайного. В этом проглядывалось отражение общемировой практики, но со своими особенностями, обусловленными негативами излома прежней государственности и в области социального переустройства, всеобщей разрухи, деградацией экономики, вынужденной причастностью значительной части населения к жестокости и насилию в годы войны на протяжении 10 лет, начиная с 1914 года, отсутствием опыта строительства социализма, замещением прежних чиновников малограмотными сотрудниками, наличием прошлого наследия в обращении с заключенными, сложным и острым противодействием контрреволюции и негативов неполного принятия частью населения формата новой жизни.

Репрессивный аппарат использовался и как метод укрепления власти и правопорядка: определенную роль он сыграл в аппаратном и личном противоборстве. Тогда во власть пришли самые разные люди, большинство из которых были малообразованными, никогда не имевших и представления о государственной деятельности, аппаратной работе, службе в органах власти. При всем этом необходимо было создавать новый государственный аппарат, правоохранительные органы, суды, органы, исполняющие наказания.

При оценке всей советской работы, коммунистической партии, правоохранительных органов следует учитывать, что советскому государству пришлось решать

неординарные и прорывные задачи в экономике, всего комплекса дел в жизни страны, когда на это не было ни финансов, ни должных экономических и материальных ресурсов, отсутствовали средства на экономическое и социальное освоение территорий, укрепление обороны страны. Пришлось изыскивать внутренние ресурсы, основу которых составлял советский народ, его патриотизм и энтузиазм. Народ включался практически во все значимые дела страны и, как правило, репрессии его не затрагивали. То, что репрессии были чрезмерные и отчасти необоснованные, особенно в тридцатые годы, подтверждаются свидетельствами о деятельности органов ОГПУ и НКВД РСФСР, системы ИТУ.

В негативах их работы, завышенной репрессивности к «врагам» и преступникам, проявилось вся совокупность негативов и обстоятельств текущего момента, ошибки и прямая подрывная деятельность, непрофессионализм, и сложность самой человеческой натуры [2, с. 14, 15].

На вопрос: какое значение имело введение в систему советского законодательства Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, кроме отмеченных выше аспектов, можно выделить следующие моменты:

1. ИТК РСФСР 1924 года ознаменовал появление новой отрасли советского права, – в форме кодифицированного закона;
2. он стал основным и отправным правовым источником советской исправительно-трудовой политики;
3. как комплексный нормативный правовой акт, включающий в себя и материальные, и процедурные, и организационные нормы, в его содержании уже присутствовали идеи и нормативные положения о системе исправительно-трудовых учреждений, о процедуре распределения осужденных по видам учреждений, об относительном контроле за их деятельностью посредством наблюдательных комиссий;

4. предмет исправительно-трудового права на тот период времени был весьма ограничен. Нормами данного ИТК было урегулировано исполнение только двух видов наказаний: а) лишения свободы; б) принудительных работ без лишения свободы. Однако, уже эта нормативно-правовая специализированная платформа данной отрасли права открывала перспективы ее использования в будущем, что мы могли наблюдать в содержании ИТК РСФСР 1933 года, ИТК РСФСР 1970 года и современном УИК РФ.

Вместе с тем, ИТК РСФСР 1924 года, по оценкам и возможностям советского государства того времени, было началом сложного пути, в формировании исправительно-трудовой политики, правовых основ в обеспечении законности в механизме правосудия и его неотъемлемой составной части, – деятельности по исполнению приговоров и судебных решений, уголовных наказаний, созданию новой системы исправительно-трудовых учреждений и органов, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы.

Литература

1. *Маликов Б.З.* Исправительно-трудовая политика советской России: сущность, формы, опыт. Вестник Самарского юридического института. 2017. № 2 (24). С. 61-66.
2. *Маликов Б.З.* Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России. Самара: СЮИ ФСИН России. 2003. 167 с.
3. *Маликов Б.З.* О становлении советского уголовного права в России // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 36-40.
4. *Упоров И.В., Шеуджен Н.А.* УК РСФСР 1922 года: к 100-летию первого советского уголовного закона // Общество и право. № 3 (81). 2022. С. 68-73.

References

1. *Malikov B.Z.* Ispravitel'no-trudovaya politika sovetsoj Rossii: sushchnost', formy, opyt. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 2 (24). S. 61-66.
2. *Malikov B.Z.* Lishenie svobody v politike nakazaniya i zakonodatel'stve Rossii. Samara: SYUI FSIN Rossii. 2003. 167 s.
3. *Malikov B.Z.* O stanovlenii sovetского ugolovного prava v Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 4 (95). S. 36-40.
4. *Uporov I.V., Sheudzhen N.A.* UK RSFSR 1922 goda: k 100-letiyu pervogo sovetского ugolovного zakona // Obshchestvo i pravo. № 3 (81). 2022. S. 68-73.

Сведения об авторе

Маликов Борис Зуфарович: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Уфа, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malikov_bz@mail.ru.

Information about the author

Malikov Boris Zufarovich: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Doctor of Law, Professor. E-mail: malikov_bz@mail.ru

А. А. Мамонтова

**РЕЖИМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ
УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИТК РСФСР 1924 ГОДА И УИК РФ**

Статья посвящена отдельным вопросам законодательного закрепления понятия «режим» в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы. Установлено, что первые попытки регламентировать тюремный режим относятся к концу XVIII – началу XIX вв., когда были приняты первые тюремные инструкции. Этот период неразрывно связан с деятельностью первых тюремных конгрессов, который был сопряжен с заимствованием пенитенциарного опыта отдельных зарубежных государств.

Первым кодифицированным актом, определяющим основные требования режима в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, стал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года. Автор проводит сравнительный анализ конструирования глав и статей данного нормативного правового акта, а также ряда норм, касающихся вопросов режима, с действующим Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации.

В рамках представленной научной статьи методологическую основу составили общетеоретические принципы и общенаучные методы познания: исторический, системный, сравнительно-правовой.

Применение исторического метода в работе позволило изучить вопросы регулирования порядка и условий отбывания и исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, пенитенциарная система, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года, УИК РФ, режим.

A. A. Mamontova

**THE REGIME IN INSTITUTIONS EXECUTING
CRIMINAL PENALTIES IN THE FORM OF IMPRISONMENT:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CLC OF THE RSFSR
OF 1924 AND THE PEC OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to certain issues of legislative consolidation of the concept of «regime» in institutions that carry out criminal punishment in the form of imprisonment. It has been established that the first attempts to regulate the prison regime date back to the end of

© Мамонтова А.А., 2024

© Mamontova A.A., 2024

the XVIII – early XIX centuries, when the first prison instructions were adopted. This period is inextricably linked with the activities of the first prison congresses, which was associated with borrowing the penitentiary experience of individual foreign countries.

The first codified act defining the basic requirements of the regime in institutions executing imprisonment was the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. The author conducts a comparative analysis of the construction of chapters and articles of this normative legal act, as well as a number of norms related to regime issues, with the current Penal Enforcement Code of the Russian Federation.

Within the framework of the presented scientific article, the methodological basis was made up of general theoretical principles and general scientific methods of cognition: historical, systemic, comparative legal.

The application of the historical method in the work made it possible to study the issues of regulating the procedure and conditions for serving and executing a criminal sentence in the form of imprisonment.

Keywords: the penal enforcement system of the Russian Federation, the penitentiary system, the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924, the Criminal Code of the Russian Federation, the regime.

Согласно данным судебной статистики за 2023 год¹ всего по всем составам УК РФ было осуждено 555 743 человека, из них: к лишению свободы – 161 127 человек, что составляет 29 % от общего количества осужденных, условно осуждено к лишению свободы – 131 623 человека (24 %), к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества – 238 679 человек (43 %). Таким образом, в настоящее время, несмотря на высокий удельный вес альтернативных наказаний, лишение свободы остается одним из наиболее часто назначаемых уголовных наказаний по его видам.

Согласно официальным данным ФСИН России по состоянию на 31 декабря 2023 года численность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в различных исправительных учреждениях распределяется следующим образом:

- 1 992 осужденных мужчин отбывают уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы, которым смертная

казнь в порядке помилования заменена ПЛС;

- 56 366 осужденных мужчин и женщин отбывают лишение свободы в исправительных колониях общего режима;

- 138 544 осужденных мужчин отбывают лишение свободы в исправительных колониях строгого режима;

- 20 865 осужденных отбывают лишение свободы в колонии-поселения;

- 401 осужденных отбывают лишение свободы в лечебно-исправительных учреждениях;

- 7 730 осужденных отбывают лишение свободы в лечебно-профилактических учреждениях;

- 758 осужденных отбывают лишение свободы в воспитательных колониях².

Первое, с чем сталкиваются осужденные по прибытии в исправительное учреждение – это определенный порядок и условия жизнедеятельности, быта и поведения всех участников процесса исполнения и отбывания уголовного наказания в

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения 01.05.2024).

² Раздел 1.2 Сведения о численности лиц, содержащихся в исправительных учреждениях (ФСИН-1 Подраздел 1.2) // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2023 г.). Информационно-аналитический сборник. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024 (данные официально не опубликованы).

виде лишения свободы, который законодатель определил понятием «режим».

В соответствии с частью 1 статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) режим в исправительных учреждениях – установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

При этом, согласно части 2 статьи 9 УИК РФ, установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) является одним из основных средств исправления осужденных, а, если принимать во внимание тот факт, что он указан первым в их числе, – можно сделать вывод о том, что он выступает ведущим средством исправления.

Исследование вопросов режима в местах лишения свободы не является новым в отечественном уголовно-исполнительном праве. В различные периоды истории функционирования пенитенциарной системы изучением проблем в обозначенной тематике занимались ведущие ученые-правоведы: И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев, Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт, Н.А. Беляев, Н.А. Стручков, М.Я. Гинзбург, И.В. Шмаров, А.Л. Ременсон, А.И. Зубков, В.А. Уткин, В. И. Селиверстов и др.

Так, например, С. В. Познышев одним из первых в юридической литературе после 1917 года попытался определить понятие «режим». По его мнению, «пенитенциарный режим, в широком смысле

этого слова, охватывает всю систему мер, посредством которых пенитенциарные учреждения стремятся к достижению своих целей» [3, с. 113].

В свою очередь, Б. С. Утевский высказал мнение о том, что режим имеет и более узкое значение: «Режим в узком смысле этого слова складывается из распорядка дня, из регулирования порядка передвижения в местах лишения свободы, из системы мер поощрения и мер дисциплинарного взыскания и т.п., т.е. из всего того, что составляет совокупность внешних признаков лишения свободы, специфичных для этой меры уголовной репрессии» [6]

Учитывая тот факт, что в научной литературе вопросы режима в учреждениях, исполняющих лишение свободы, исследуются довольно продолжительный период времени, первым кодифицированным актом, наиболее полно и подробно регламентирующим вопросы как отбывания наказания в виде лишения свободы в целом, так и режима при исполнении данного вида наказания в частности, стал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года.

Безусловно, вопросам режима в пенитенциарных учреждениях, были посвящены и ранее действовавшие в Царской России нормативные правовые акты.

Так, например, первые попытки регламентировать тюремный режим относятся к концу XVIII – началу XIX вв., когда были приняты первые тюремные инструкции [2, с. 211]. До этого периода времени, как указывал Н. Д. Сергеевский, «государство мало заботилось о внутреннем порядке тюремной жизни: в местах заключения не было никакого тюремного режима, за исключением немногих запретительных определений, касающихся спиртных напитков, опасных орудий, вроде топоров, пил, ножей и т.п.» [4, с. 201].

Одним из первых нормативных актов, в котором была предпринята попытка упорядочить режим в местах заключения, по мнению Г. А. Майстренко, можно счи-

тать Инструкцию для офицера военного караула Петербургской тюрьмы, принятую в 1799 году [2, с. 212].

Постепенное расширение режимных правил и закрепление их в законодательных и иных нормативных правовых актах происходит уже в XIX веке:

в 1804 году была принята Инструкция о должности смотрителя тюремного замка в Москве и о должности караульного офицера в тюремном замке;

в 1831 года была принята Общая тюремная инструкция, по своему содержанию отвечавшая практически всем достижениям мировой пенитенциарной мысли того времени, в том числе, в вопросах режима в местах заключения;

в 1832 году был принят Устав о содержащихся под стражей, который практически не затрагивал вопросы тюремного режима [2, с. 212].

В 1879 году было создано Главное тюремное управление, с созданием которого связывают и ужесточение режима и условий содержания заключенных.

Так, например, в одном из Циркуляров данного ведомства было указано: «Пенитенциарный режим, ставящий во главу угла возрождение и социальное перевоспитание человека, имевшего несчастье совершить преступление, и не забывающий в заключенном личного человеческого достоинства, должен, конечно, покоиться на соблюдении известного порядка и дисциплины в месте заключения» [1].

Пришедшее к власти после 1917 года Советское правительство пошло по пути гуманизации режима, улучшения условий содержания в местах заключения, обеспечения содержания осужденных в строгом соответствии с нормами действующего законодательства.

К первым документам того времени, регламентирующим порядок отбывания лишения свободы, относится Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания таково-

го», введенная постановлением Наркомюста РСФСР от 23 июня 1918 года [5].

В данном нормативном правовом акте были урегулированы некоторые элементы режима: отпуска осужденных, право осужденных на прогулку, свидания осужденных, получение осужденными передач и осуществление переписки; регламентировались вопросы взыскания в отношении нарушителей порядка и дисциплины.

Однако по праву первым источником советского исправительно-трудового права, подробно раскрывающим вопросы режима при исполнении наказания в виде лишения свободы, стал ИТК РСФСР 1924 года.

Данный нормативный правовой акт стал первым в истории Российского государства кодифицированным актом, подробно регламентирующим порядок исполнения и отбывания лишения свободы. Режиму при исполнении данного вида наказания посвящен отдел третий ИТК РСФСР 1924 года «Общий режим в местах заключения, его основы и организация», включающий в себя 6 глав:

Глава I. Основы режима в исправительно-трудовых учреждениях (статьи 48-50);

Глава II. Работы заключенных, их цели, характер и организация (статьи 51-81);

Глава III. Культурно-просветительная работа среди заключенных, ее цели, характер и организация (статьи 82-99);

Глава IV. Классификация отбывающих лишение свободы заключенных по категориям и разрядам (статьи 100-107);

Глава V. Порядок приема и содержания заключенных и организация режима в местах заключения (статьи 108-144);

Глава VI. Дисциплинарные меры (статьи 145-149).

ИТК РСФСР 1924 года отдельно регулировал вопросы режима лишения свободы для различных категорий осужденных или различных видов исправительно-тру-

довых учреждений. Данным особенностям посвящен отдел четвертый Кодекса «Отклонения от общего режима в исправительно-трудовых учреждениях с более и менее углубленной пенитенциарной системой», включающий в себя 5 глав:

Глава I. Правила содержания заключенных в трудовых колониях сельско-хозяйственного, ремесленного и фабричного характера (статьи 150-155);

Глава II. Правила содержания заключенных в переходных исправительно-трудовых домах (статьи 156-164);

Глава III. Правила содержания заключенных в изоляторах специального назначения (статьи 165-173);

Глава IV. Правила содержания заключенных в трудовых домах для несовершеннолетних правонарушителей (статьи 174-188);

Глава V. Правила содержания в трудовых домах для несовершеннолетних из рабоче-крестьянской молодежи (статьи 189-194).

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации посвящает вопросам режима главу 12 «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения», включающую 5 статей:

Статья 82. Режим в исправительных учреждениях и его основные требования;

Статья 83. Технические средства надзора и контроля;

Статья 84. Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях;

Статья 85. Режим особых условий в исправительных учреждениях;

Статья 86. Меры безопасности и основания их применения.

Далее рассмотрим более подробно основные нормы ИТК РСФСР 1924 года, регламентирующие вопросы режима в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Статья 84 Кодекса устанавливала, что режим в местах заключения основыва-

ется на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы.

В отличие от ИТК РСФСР 1924 года, УИК РФ в статье 82 дает четкое определение понятия «режим», в связи с чем дальнейшие главы данного нормативного правового акта раскрывают отдельные элементы указанного понятия:

Глава 13. «Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях» включает в себя 16 статей, регламентирующих вопросы условий отбывания наказания в виде лишения свободы в рамках одного исправительного учреждения, приобретения осужденными предметов первой необходимости, свиданий осужденных, получения осужденными посылок, передач и бандеролей, осуществления переписки и телефонных разговоров, прогулок осужденных, просмотра осужденными кинофильмов и телепередач, прослушивания радиопередач, приобретения и хранения осужденными письменных принадлежностей, условий и порядка передвижения осужденных без конвоя или сопровождения, выездов осужденных за пределы исправительных учреждений, обязательного государственного социального страхования и пенсионного обеспечения осужденных, их материально-бытового и медико-санитарного обеспечения, материальной ответственности осужденных;

Глава 16. «Исполнение наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях разных видов» включает в себя 12 статей, регламентирующих особенности исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях общего, строгого, особого режима, в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, в колониях-поселениях и тюрьмах;

Глава 17. «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях включает в себя»

11 статей, посвященных отдельным вопросам условий, порядка исполнения и отбывания наказания, получения образования осужденными в воспитательных колониях, поощрений и взысканий несовершеннолетних осужденных, участия общественности в работе воспитательной колонии, перевода осужденных в исправительные колонии по достижении совершеннолетия и оставления осужденных, достигших совершеннолетия, в воспитательных колониях.

Воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие, согласно части 1 статьи 9 УИК РФ, отечественный законодатель отнес к средствам исправления, в отличие от норм ИТК РСФСР 1924 года, который охватывал данные направления деятельности понятием «режим».

Проведем сравнительный анализ некоторых положений ИТК РСФСР 1924 года и УИК РФ, касающихся режима в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Статья 48 ИТК РСФСР 1924 года закрепляла, что режим в местах заключения основывается на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы. УИК РФ также закрепляет обязанность труда осужденных к лишению свободы (ч. 1 ст. 103), а также определяет воспитательную работу, одним из направлений которой является и культурно-просветительная работа, как средство исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

Согласно статье 49 ИТК РСФСР 1924 года для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия, кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку.

Данное правило в целом содержится в нескольких статьях УИК РФ.

Так, например, одним из принципов уголовно-исполнительного законодательства является принцип гуманизма (ст. 8 УИК РФ), заключающийся в гуманном отношении к осужденному, уважении и соблюдении его основных прав и свобод.

В статье 10 УИК РФ содержатся основы правового положения осужденных, которые заключаются в том числе, в следующем: Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний, а при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Согласно статье 12 УИК РФ, осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания; они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию; меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона.

В соответствии со статьей 50 ИТК РСФСР 1924 года режим в местах заключения строится по прогрессивной системе так, чтобы, в зависимости от характера и свойств заключенных и продолжительности их пребывания в том или ином исправительно-трудовом учреждении, они могли в большей или меньшей степени проявлять свою самостоятельность и инициативу.

УИК РФ в определенной степени перенял данное установление, закрепив в части 1 статьи 87 положение о том, что в пределах одной исправительной колонии осужденные к лишению свободы могут находиться в обычных, облегченных

и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии.

ИТК РСФСР 1924 года закрепил обязанность осужденных трудиться, что также является обязанностью лиц, отбывающих лишение свободы, согласно нормам действующего законодательства (ст. 52 ИТК РСФСР 1924 года, ч. 1 ст. 103 УИК РФ).

Глава III ИТК РСФСР 1924 года раскрывает вопросы культурно-просветительской работы, отводя ей функцию воспитательно-исправительного воздействия на осужденных в рамках действующих требований режима. В свою очередь, как уже указывалось выше, воспитательная работа с осужденными, проводимая, в том числе, в форме культурно-просветительской, относится к основным средствам исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

ИТК РСФСР 1924 года вводит в оборот понятие классификации осужденных по категориям и разрядам, что коррелирует с понятием дифференциации в современном уголовно-исполнительном законодательстве. Классификация осужденных по УИК РФ происходит по различным признакам, включающим половозрастные основания, факторы совершения преступления впервые или наличия рецидива, профессиональной деятельности осужденного (бывшие работники правоохранительных органов, судов и др.), а также иные основания для классификации осужденных.

ИТК РСФСР 1924 года подробно регламентирует порядок приема осужденных, однако УИК РФ содержит лишь общие начала, касающиеся данного вопроса. Более подробно порядок приема и размещения осужденных урегулирован Правилами внутреннего распорядка, утвержденными приказом Министерства юстиции

Российской Федерации от 4 июля 2022 года № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Вообще, следует отметить, что указанный нормативный правовой акт имеет важную роль в регулировании порядка и условий отбывания и исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, так как не все вопросы в настоящее время возможно урегулировать единым кодифицированным актом³.

И ИТК РСФСР 1924 года, и УИК РФ подробно не раскрывают основные режимные требования, а также права, обязанности осужденных, определяя лишь основные положения и направления нормативного правового регулирования ряда в обозначенной области (например, порядок осуществления осужденными переписки, предоставления осужденным свиданий, особенности содержания различных категорий осужденных в местах лишения свободы, предоставления свиданий, права пользования денежными средствами, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения и др.).

Важным в отношении ИТК РСФСР 1924 года является уже сам факт кодификации норм об исполнении и отбывании уголовных наказаний. Кодекс не только заложил основы как исправительно-трудового права в целом, но и послужил началом новой эпохи научных исследований, посвященных вопросам новой отрасли отечественного законодательства.

Конечно, ИТК РСФСР 1924 года сохранил и иные нормы, которые относятся к категории «режимных», однако в силу их

³ В силу обширности норм, касающихся порядка и условий отбывания и исполнения уголовных наказаний, которые в настоящее время рассредоточены в разных нормативных правовых актах, УИК РФ, в случае включения в него всего массива норм, мог бы составить конкуренцию действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации.

обширного массива не представляется возможным в должной мере охватить их одним-единственным исследованием.

На наш взгляд, данная проблема может быть положена в основу монографического или диссертационного исследования, так как тот опыт законодательного урегу-

лирования вопросов исполнения и отбывания уголовных наказаний, который был заложен ИТК РСФСР, содержит ряд положительных моментов, являющихся в то время передовыми, а, возможно, в какой-то степени и необходимыми в условиях современной реальности.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 14.
2. *Майстренко Г.А.* Режим содержания осужденных в местах лишения свободы: отечественная практика // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 210-217.
3. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с
4. *Сергеевский Н.Д.* Наказание в русском праве XVI века. СПб., 1887. 300 с.
5. *Стальгевич А.К.* Из истории ИТУ РСФСР (октябрь 1917-1920 гг.): сборник документов. М., 1960. 168 с.
6. *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. М.: Советское законодательство, 1934. 256 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 7420. Op. 1. D. 122. L. 14.
2. *Majstrenko G.A.* Rezhim sodержaniya osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody: otechestvennaya praktika // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. T. 12, № 6A. S. 210-217.
3. *Poznyshev S.V.* Osnovy penitenciarnoj nauki. M., 1923. 342 s
4. *Sergeevskij N.D.* Nakazanie v russskom prave XVI veka. SPb., 1887. 300 s.
5. *Stal'geevich A.K.* Iz istorii ITU RSFSR (oktyabr' 1917-1920 gg.): sbornik dokumentov. M., 1960. 168 s.
6. *Utevskij B.S.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika. M.: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1934. 256 s.

Сведения об авторе

Мамонтова Алёна Андреевна: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Томск, Российская Федерация), старший научный сотрудник организационно-научной группы. E-mail: mamontovatomsk@mail.ru.

Information about the author

Mamontova Alyona Andreevna: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), senior researcher of the organizational and scientific group. E-mail: mamontovatomsk@mail.ru.

Т. Ф. Минязева

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР 1924 ГОДА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

В статье анализируются вопросы правового статуса осужденных, нашедшие отражение в первом Исправительно-трудовом кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1924 г. Прослеживается преемственность его восприятия современным Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Отмечается, что несмотря на четко выраженный классовый подход первого кодекса, устанавливавшего правила отбывания только двух наказаний: лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы, в нем все же просматривается сущностная направленность отношения ко всем осужденным, как к человеку, гражданину государства, которого можно подготовить к освобождению такими методами исправительно-трудового воздействия, как труд и культурно-воспитательная работа.

Ключевые слова: осужденные, правовое положение, лишение свободы, принудительные работы, уголовная политика, наказание.

T. F. Minyazeva

CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924 ON THE LEGAL STATUS OF CONVICTS

The article analyzes the issues of the legal status of convicts, reflected in the first Correctional Labor Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1924. The continuity of its perception by the modern Criminal Executive Code of the Russian Federation is traced. It is noted that despite the clearly expressed class approach of the first code, which established the rules for serving only two sentences: imprisonment and forced labor without imprisonment, it still reveals the essential orientation of treating all convicts as a person, a citizen of the state who can be trained to release by such methods of corrective labor influence as labor and cultural and educational work.

Keywords: convicts, legal status, imprisonment, forced labor, criminal policy, punishment.

УИК РФ принят в декабре 1996 года, тем не менее он, как и ИТК РСФСР 1924 года, ИТК РСФСР 1933 года, ИТК РСФСР 1970 года относится к нормативному правовому акту, разработанному в прошлом столетии. Конечно же, он существенно отличается от первого кодекса, регламентировавшего порядок и условия отбывания только двух видов наказания в

обстановке становления советской власти, но, как и все последовавшие за первым законом об отбывании наказаний кодексы, действующий УИК РФ впитал в себя позитивные основы, заложенные, в том числе, и источником теперь уже вековой давности.

ИТК РСФСР 1924 года действовал, с определенными изменениями до 1933 года и устанавливал «правила по осу-

ществлению на территории РСФСР начал уголовной политики путем соответствующей организации лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей» (ст.1).

Он базировался на двух законах:

УК РСФСР 1922 года;

УК РСФСР 1926 года.

Поскольку в указанных кодексах наказания в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей (без лишения свободы) мало чем различались, а ИТК РСФСР 1924 года уже два года просуществовал до принятия УК РСФСР 1926 года, в статье будут использованы соответствующие положения обоих УК РСФСР.

Обращение к историческому наследию становления советской пенитенциарной системы позволяет констатировать, что закрепление в первом ИТК РСФСР 1924 года основы правового положения осужденных, хотя и исходило из направления уголовной политики о функции пролетариата «обуздать своих классовых врагов, создать методы борьбы с этими врагами и научиться ими владеть» [5, с. 69] применимо не только к проводимой в те годы политике изоляции и уничтожения классовых врагов, но и к лицам, осужденным за общеуголовные преступления, которым назначена регулируемая этим законом мера социальной защиты судебно-исправительного характера в виде лишения свободы или принудительных работ без лишения свободы.

Разница в правовом положении «классовых врагов» усматривалась в ограничении их свободы передвижения (более строгой изоляции).

В соответствии с пунктом 4 статьи 47 ИТК РСФСР 1924 года «лица, не принадлежащие к классу трудящихся и совершившие преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов» при отбывании лишения свободы направлялись «в изоляторы специального назна-

чения... со строгой изоляцией». В такие же изоляторы направлялись и «лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для Республики или переводимые в порядке дисциплинарного взыскания».

Организация порядка отбывания лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы ИТК РСФСР 1924 года исходила из постулата о том, что «... вопрос о допустимости и формах выражения государственного принуждения, в том числе и уголовного наказания, может быть решен в рамках рассмотрения проблемы правового положения осужденных» [3, с. 8].

Первый пенитенциарный кодекс не содержал ни специальной главы, ни статьи о правовом положении осужденных. Но подтекст ряда его статей позволяет вывести подход законодателя к его сущности.

Так, анализ норм статей 2, 3, 6 ИТК РСФСР 1924 года позволяет говорить о том, что:

содержание в исправительно-трудовых учреждениях должно организовываться таким образом, чтобы целесообразно влиять на заключенного и укреплять в нем те черты его характера и навыки, которые могут удерживать его от дальнейших преступлений;

исправительно-трудовые учреждения создаются: «а) для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы, и б) для предотвращения возможности совершения дальнейших преступлений»;

«содержание в исправительно-трудовых учреждениях,... должно быть целесообразно и не должно иметь целью причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства».

В статье 26 УК РСФСР 1922 года, объявлявшей наказание мерой оборонительной, подчеркивалось, что оно должно быть «в то же время совершенно лишено

признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лиш-них страданий» и др., и позволяет сделать вывод о том, лицо отбывающее наказание, остается человеком, гражданином своего государства и в этом заключается сущность его правового положения.

Напомним, что УК РСФСР 1922 года предусматривал такую меру социальной защиты, как «изгнание из пределов РСФСР на срок или безсрочно» (п. «а» ст. 32 УК РСФСР 1922 года), а УК РСФСР 1926 года – объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР, которая могла применяться лишь без срока (п. «а» ст. 20, ст. 27 УК РСФСР 1926 года).

Но ИТК РСФСР 1924 года не устанавливал порядок их исполнения, поэтому отношение к осужденному как к человеку, гражданину государства распространяется на отбывание наказаний, им регулируемых.

Такой подход в иной интерпретации был воспринят ИТК РСФСР 1933 года (ст. 7), ИТК РСФСР 1970 года (ст. 1), УИК РФ в целом и часть 1 статьи 3, и его же отдельной главой 2 «Правовое положение осужденных».

Об отношении к осужденному к лишению свободы как к человеку свидетельствует и текст статьи 49 ИТК РСФСР 1924 года: «Для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия, кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку».

Это свидетельствует о стремлении к созданию «гуманных условий содержания осужденных, повышения уровня их личной безопасности, формулируя меры исправления иным образом во взаимосвязи с необходимостью защиты прав осужден-

ных» [6, с. 284].

В ИТК РСФСР 1924 года, как уже отмечалось, четко просматривался классовый подход к условиям отбывания лишения свободы и принудительных работ без лишения свободы и, соответственно, правовому положению осужденных к ним лиц.

В статье 17 данного кодекса прямо прописано, что все вопросы, «связанные с изменениями в положении осужденных к принудительным работам без содержания под стражей, распределительная комиссия разрешает преимущественно путем непосредственного ознакомления с ними через личный их опрос, руководствуясь при этом их классовой принадлежностью, их возрастом...». Вместе с тем, средства воздействия на осужденных, независимо от их классовой принадлежности, едины, в соответствии со статьей 48 анализируемого ИТК РСФСР 1924 года «режим в местах заключения» основывался «на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы».

Председатель Верховного Суда СССР с 1924 по 1938 годы А.Н. Винокуров, вопреки мнению заместителя председателя Верховного суда РСФСР А.В. Галкина и многих других высокопоставленных лиц того времени о невозможности исправления классовых врагов, не отрицал явного классового подхода советской исправительно-трудовой политики, но «считал возможным и необходимым перевоспитание классовых врагов не какими-то особыми методами, а теми же, которые применяются по отношению к другим категориям осужденных» [4, с. 284].

Труд, в соответствии со статьей 52 ИТК РСФСР 1924 года, был обязателен для всех способных к нему заключенных, что обязывало и администрацию мест заключения принимать все меры к тому, чтобы все способные к труду заключенные были заняты работами.

У осужденных были и определенные права:

получить работу в соответствии со своей склонностью к тому или другому роду труда, своими познаниями, прежними занятиями, состоянием здоровья и возможностью применить, по выходе из места заключения, приобретенные знания;

избрать занятие из числа допущенных в местах заключения (ст. 54, 56 ИТК РСФСР 1924 года);

на охрану труда. В соответствии со статьей 66 ИТК РСФСР 1924 года на «обязанности администрации места заключения лежит целесообразное устройство помещений для мастерских, отвечающее требованиям санитарии, гигиены и охраны труда»;

право на отдых и регулирование рабочего времени (запрещение применения труда женщин и лиц моложе 18 лет на работах в ночное время; в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах и подземных работах; особое регулирование рабочего времени беременным женщинам, несовершеннолетним) в соответствии с перечисленными в статье 57 ИТК РСФСР 1924 года, статьями 54, 55, 94, 95, 96-98, 100, 103, 104, 105, 106, 108-113, 129-132, 134, 138-141, и другими Кодекса Законов о Труде 1922 года и издаваемыми в развитие этих статей постановлениями Народного Комиссариата Труда;

на получение вознаграждения за свой труд (ст. 70 ИТК РСФСР 1924 года);

на отдых, к примеру «накануне дней отдыха работы и школьные занятия производятся лишь до обеда и во всяком случае не позднее трех часов дня» (ст. 59 ИТК РСФСР 1924 года);

отбывающим принудительные работы без содержания под стражей, проработавшим непрерывно не менее пяти с половиной месяцев, предоставлялся один раз в году очередной двухнедельный отпуск. Лицам, не достигшим восемнадцати

лет, предоставлялся один раз в году очередной месячный отпуск (ст. 37 ИТК РСФСР 1924 года). Сверх предусмотренных статьей 37 ИТК РСФСР 1924 года очередных отпусков отбывающим принудительные работы без содержания под стражей предоставлялись также отпуска по болезни или материнству, удостоверенные медицинской инспекцией мест заключения и Народного Комиссариата Здравоохранения (ст. 38 ИТК РСФСР 1924 года).

Ограничения, обусловленные классовым подходом к реализации рассматриваемых прав, было прямо закреплено в нормах ИТК РСФСР 1924 года, в частности время, проведенное в отпусках, засчитывалось «лишь осужденным из среды трудящихся» (ст. 39 ИТК РСФСР 1924 года).

Не обошел вниманием ИТК РСФСР 1924 года и обеспечение поддержания осужденными права на поддержание семейных отношений, охрану материнства, в частности – иногородние, оставившие в другом месте свою семью, могли быть по их заявлениям откомандированы для отбывания принудительных работ при других бюро или отделениях принудительных работ по месту жительства семьи, а отбывающие принудительные работы без содержания под стражей женщины, начиная с пятого месяца беременности, не подлежали «посылке на работы вне своего постоянного места жительства без их на то согласия» (ст. 41-42 ИТК РСФСР 1924 года).

ИТК РСФСР 1924 года, устанавливая в качестве одного из исправительных средств культурно-просветительную работу осужденных, регламентировал и организационные аспекты ее проведения. В каждом исправительно-трудовом учреждении с заключенными должна проводиться школьная и внешкольная культурно-просветительная работа, в задачи которой входило поднятие «интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеоб-

разовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомления с основами Советского строя и правами и обязанностями гражданина Союза С.С.Р.» (ст. 82, 83 ИТК РСФСР 1924 года).

Как видим, сущность правового положения осужденных как граждан государства прямо отражалась в нормах кодекса.

Посещение школы являлось, согласно закону, обязательным для всех неграмотных и малограмотных заключенных, не достигших пятидесятилетнего возраста (ст. 92 ИТК РСФСР 1924 года). Помимо общеобразовательных школ, организовывались и школы ремесленного и профессионально-производственного типа. Однако и в этом проявлялся классовый подход.

Так, в соответствии с примечанием к статье 93 ИТК РСФСР 1924 года, в первую очередь, в эти школы принимались заключенные из среды трудящихся, преимущественно пролетарского происхождения. Таким образом, реализовывалось право осужденных на получение образования и профессиональной подготовки. Кроме того, осужденные, в соответствии со статьей 94 ИТК РСФСР 1924 года, имели право на участие во внешкольных мероприятиях, проводимых в форме лекционной, клубной, библиотечной и кружковой работы. Им организовывали доклады по политической грамоте, научно-популярные лекции и специальные кружки (общеобразовательные, литературные, музыкальные, спортивные, шахматные и т. п.).

Осужденные имели право на занятие творческой деятельностью. Они своими силами были вправе устраивать концерты, спектакли, литературные вечера, спортивные упражнения, литературные суды и другие культурные развлечения, и занятия, которые должны соответствовать задачам коммунистического перевоспитания (ст. 95 ИТК РСФСР 1924 года). В каждом месте заключения имелись библиотеки с книгами политико-просветительного, популярно-научного и беллетристического

содержания, имеющие образовательно-воспитательное значение. В целях устранения вредного влияния недостаточно подвижного образа жизни заключенных, руководители внешкольных занятий организовывали регулярные занятия гимнастикой для всех здоровых заключенных (ст. 98, 99 ИТК РСФСР 1924 года).

Ученые того времени, не отрицая значения хозяйственной деятельности мест лишения свободы как средства становления экономики страны советов, возмещения расходов государства на их содержание и прочее, обращали внимание и на педагогическое, психологическое, оздоровительное значение труда в местах лишения свободы.

С. В. Познышев в своих трудах предлагал обращать особое внимание на создание сельскохозяйственных ферм при местах заключения, работа в которых, по его мнению, должна быть подчинена главному – достижению целей исправления и перевоспитания осужденных [2, с. 173-175].

Уже в первом кодексе об исполнении наказаний была заметна тенденция законодателя выделить специфику правового положения несовершеннолетних осужденных, что прямо было оговорено в статье 175 ИТК РСФСР 1924 года, которая провозглашала следующую цель помещения несовершеннолетних в трудовой дом: «... обучить их квалифицированным видам труда, расширить их умственный кругозор путем общего и профессионального образования и создать из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан, а также вместе с тем дать им физическое воспитание и оздоровить их посредством гимнастики, спорта и гигиены тела... При каждом трудовом доме, кроме врача-терапевта, состоит врач-психиатр».

Законодательная регламентация такого подхода к организации отбывания наказания, а в статье анализируется именно содержание норм закона, свидетельствует о ее направленности к достижению постав-

ленных целей.

Особенность правового положения осужденных выражалась в том, что все их социально-экономические права, как граждан страны советов, включая и право на охрану здоровья, культурно-просветительные мероприятия и пр. вытекали из обязанности трудиться... и были ограничены требованиями режима и политической направленностью.

На правовом положении осужденных во все времена сказываются объективные и субъективные факторы уголовной репрессии, остающейся основным, а порой

и единственным, вариантом разрешения уголовно-правового и уголовно-исполнительного конфликта в рамках осуществления правосудия [1, с. 56].

Можно с уверенностью утверждать, что ИТК РСФСР 1924 года является исторической предпосылкой, заложившей основу регламентации правового положения осужденных, позитивные аспекты которого, с учетом влияния политического курса страны, экономических и социальных условий, получил закрепление в специальной главе второй и ряде других статей действующего УИК РФ.

Литература

1. *Жестеров П.В.* Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе / Под научной ред. д. ю. н., профессора Г. Ю. Лесникова. М. ПРОСПЕКТ. 2016. 64 с.
2. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М. 1924. 372 с.
3. *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказание. М., 1992. 148 с.
4. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века. Учебник для вузов / Под. ред. д.ю.н. РСФСР А.И. Зубкова. Москва, 2005. 720 с.
5. *Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С.* Советское исправительно-трудовое право. 2 изд. М. Изд. Нар. ком. внутренних дел РСФСР. 1931 (тип. изд-ва НКВД). 255 с.
6. *Шуман И.А.* Исторические аспекты развития института личной безопасности осужденных при исполнении наказания в виде лишения свободы // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 254-256.

References

1. *Zhesterov P.V.* Ugolovnaya repressiya v postindustrial'nom obshchestve / Pod nauchnoj red. d. yu. n., professora G. Yu. Lesnikova. M. PROSPEKT. 2016. 64 s.
2. *Poznyshev S.V.* Osnovy penitenciarnoj nauki. M. 1924. 372 s.
3. *Seliverstov V.I.* Teoreticheskie problemy pravovogo polozheniya lic, otbyvayushchih nakazanie. M., 1992. 148 s.
4. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika konca XIX – nachala XXI veka. Uchebnyk dlya vuzov / Pod. red. d.yu.n. RSFSR A.I. Zubkova. Moskva, 2005. 720 s.
5. *Shirvindt E.G., Utevskij B.S.* Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. 2 izd. M. Izd. Nar. kom. vnutrennih del RSFSR. 1931 (tip. izd-va NKVD). 255 s.
6. *Shuman I.A.* Istoricheskie aspekty razvitiya instituta lichnoj bezopasnosti osuzhdennyh pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody // Molodoj uchenyj. 2022. № 13 (408). S. 254-256.

Сведения об авторе

Минязева Татьяна Федоровна: Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (г. Москва, Российская Федерация), профессор Департамента права института экономики, управления и права; Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева (г. Москва, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: minyazeva2020@mail.ru.

Information about the author

Minyazeva Tatyana Fedorovna: State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow «Moscow City Pedagogical University» (Moscow, Russian Federation), Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law; Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev (Moscow, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Doctor of Law, Professor; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: minyazeva2020@mail.ru.

УДК 343.8

Е. Е. Новиков

**О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТЕ
ИНСТИТУТА НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ ПРИГОВОРОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.**

В статье рассматриваются нормы отечественного уголовного и пенитенциарного законодательства, касающиеся становления, развития и ликвидации возможности продления срока лишения свободы как элемента института неопределённых приговоров.

Автор подчеркивает, что с 1892 по 1933 годы в отечественном законодательстве была закреплена возможность продления срока лишения свободы судом или, в исключительных случаях, субъектом, исполняющим наказание, в отношении осужденных, признанных неисправившимися.

Кроме того, в 20-х годах XX столетия законодатель советской России был близок к тому, чтобы включить в предписания уголовного и исправительно-трудового характера один из следующих вариантов рассматриваемого элемента неопределённых приговоров:

- назначение лишения свободы без указания срока наказания;*
- определение не конкретного срока изоляции, а минимального и максимального периодов лишения свободы («от – до»);*
- предоставление суду возможности назначения срока лишения свободы больше*

© Новиков Е.Е., 2024

© Novikov E.E., 2024

зафиксированного в санкции статьи, по которой лицо осуждалось.

Окончательный отказ от идеи назначения неопределенного срока лишения свободы произошёл в конце 20-х – начале 30-х годов XX столетия в связи с существенными недостатками указанного института, вскрытыми правоприменительной практикой.

Ключевые слова: исправительно-трудовое законодательство, неопределенный приговор, продление лишения свободы, исправительно-трудовое законодательство, неисправившийся осужденный.

E. E. Novikov

ON THE EXTENSION OF THE TERM OF IMPRISONMENT AS AN ELEMENT OF THE INSTITUTION OF INDEFINITE SENTENCES IN THE LEGISLATION OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XX CENTURIES

The article examines the norms of domestic criminal and penitentiary legislation concerning the formation, development and elimination of the possibility of extending the term of imprisonment as an element of the institution of indefinite sentences.

The author emphasizes that from 1892 to 1933, domestic legislation provided for the possibility of extending the term of imprisonment by a court or, in exceptional cases, by the subject executing the punishment, in relation to convicts recognized as incorrigible.

In addition, in the 20s of the XX century, the legislator of Soviet Russia was close to including in the prescriptions of a criminal and correctional labor nature one of the following options for the element of indefinite sentences under consideration:

- the appointment of imprisonment without specifying the term of punishment;*
- determining not a specific period of isolation, but the minimum and maximum periods of imprisonment «from – to»;*
- providing the court with the opportunity to appoint a term of imprisonment longer than the one fixed in the sanction of the article under which the person was convicted.*

The final rejection of the idea of appointing an indefinite term of imprisonment occurred in the late 20s - early 30s of the twentieth century due to the significant shortcomings of this institution revealed by law enforcement practice

Keywords: correctional labor legislation, indefinite sentence, extension of imprisonment, correctional labor legislation, incorrigible convict.

Прежде чем приступить к изучению заявленного вопроса, следует отметить, что первые и, по сути, последние серьезные, качественные исследования института неопределенных приговоров, были осуществлены корифеями уголовного права во второй половине XIX – начала XX столетия (например, В. В. Есиповым, С. В. Позднышевым, Н. С. Таганцевым) и некоторыми представителями юридической науки в первые десятилетия советского периода (например, Н. В. Крыленко,

Е. Г. Ширвиндтом). Однако институт неопределённых приговоров практически не упоминается в трудах ученых-юристов современной России (за исключением работ Ю. М. Ткачевского), хотя некоторые отдельные его элементы достаточно подробно отображены в специальной юридической литературе.

В данном контексте нельзя не упомянуть, что рассматриваемый блок норм все же находился в поле зрения ученых, изучающих не отдельно вопросы исправитель-

но-трудового, уголовно-исполнительного права, а исследователей иных отраслей отечественного права, а также общей теории и истории государства и права (например, П. Л. Полянский, С. А. Гаранжа).

Значение института неопределенных приговоров заключается в том, чтобы уберечь общество от наиболее опасных осужденных до достижения цели их исправления. Для достижения данной цели, с одной стороны, предлагалось предоставлять возможность различным субъектам правоотношений (как правило, суду или администрации учреждения мест изоляции) увеличивать срок лишения свободы неисправившимся осужденным. С другой стороны, постепенно стала формироваться позиция досрочного освобождения исправившегося лица, что послужило развитию правового регулирования условно-досрочного освобождения, возможностью замены неотбытой части наказания более мягкой мерой государственного принуждения, условного осуждения и др.

В данной работе речь пойдет о той стороне неопределенных приговоров, в соответствии с которой правоприменителю предоставлялась возможность назначать лишение свободы на неопределенный срок или продлевать его. Данный блок юридических норм в разные времена своего развития мог выражаться в следующих формах:

– назначение обвинительного приговора без указания срока наказания. Это классический, первоначально обоснованный и закрепленный в законодательстве некоторых стран вариант продления срока лишения свободы;

– когда суд определял конкретный срок лишения свободы, но который впоследствии мог быть увеличен или самим судом, или субъектом, исполняющим наказание;

– определение не конкретного срока лишения свободы, а минимального и максимального срока лишения свободы. Осужденный, признанный исправившимся,

мог быть освобожден в период срока наказания;

– постепенное развитие теории неопределенных приговоров повлекло за собой появление мнения о необходимости предоставления суду возможности определения срока лишения свободы больше срока, зафиксированного в санкции статьи, по которой лицо осуждалось.

Дискуссия о возможности продления срока лишения свободы возникла в XIX веке в результате развития представления о целях уголовных наказаний и их содержания, а также поиска на протяжении XVIII – XIX веков качественно новых систем отбывания наказаний.

США по праву можно назвать родиной наиболее одиозных сторонников назначения лишения свободы на неопределенный срок, деятельность которых можно разделить на следующие этапы:

– 1867–1868 годы: ученые-юристы штатов Нью-Йорк и Мичиган обосновывали возможность минимизации практики назначения приговоров на определенный срок и введение «реформирующих приговоров», т.е. судебных решений, которые при необходимости возможно корректировать;

– 1869 – 1871 годы: связаны с деятельностью по узакониванию института неопределенных приговоров и дальнейшим его распространением на всей территории США. В целом данную работу сторонников анализируемого института следует признать неудачной. Деятельность суда частично была ограничена в 1869 году только в штате Нью-Йорк [4, с. 13];

– 1876 год: в штате Нью-Йорк (г. Эльмайра) создается тюрьма – реформаторий, в которой содержались несовершеннолетние осужденные и лица, не достигшие 30 лет, на относительно неопределенный срок лишения свободы [14, с. 14]. С этого момента опыт создания тюрьмы новой системы стал быстро внедряться в США;

– в дальнейшем, на протяжении все-

го XX столетия, институт неопределенных приговоров был включен в законодательство подавляющего большинства штатов. Так, в 1910-х годах суд мог назначить неопределенный приговор в 20 штатах, к 1922 году – в 37 субъектах США, а к началу 1970-х годов — в 41 штате [4, с. 13].

В Западной Европе к опыту США отнеслись со сдержанным интересом. Были как сторонники, выступающие за необходимость перенятия опыта (например, А. Принс, Э. Ферри), касающегося неопределенных приговоров, так и противники введения указанных новшеств (например, У. Левелье). Так, в 1891 году на Парижском съезде криминалистов известный во всем мире ученый, один из основателей Международного союза криминалистов, А. Принс посвятил свой доклад успешным и плодотворным, по его мнению, результатам деятельности американской тюрьмы г. Эльмайра. По мнению юриста, новые американские тюрьмы – это «... образец, безусловно достойный подражания и в Европе» [3, с. 415-416].

Другая когорта представителей западноевропейской юридической мысли (например, Франц фон Лист, Раймон Салейль, Ж. ВанГамель) защищала теорию относительно неопределенных приговоров. Сторонники данной доктрины считали, что суд должен изначально назначать максимальный срок лишения свободы осужденному, а далее, при наличии факта его исправления, наказание могло быть сокращено, а лицо, соответственно, освобождено от отбывания назначенной меры государственного принуждения.

Интересно, что большинство ученых России того периода (например, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, В. В. Есипов) резко выступили против закрепления в отечественном уголовном законодательстве института неопределенных приговоров. В обобщенном виде их аргументы сводились к следующему:

1. Назначение неопределенных при-

говоров направлено на достижение исключительно одной цели исполнения наказания – исправления осужденных, нивелируя тем самым цель предупреждения совершения новых преступлений. Так, например, С. В. Познышев отмечал, что эта рассматриваемая «теория игнорирует общее предупреждение преступлений, с которой решительно не мирится требуемая ею неопределенность наказания, и строит свои выводы в предложении, что единственной задачей наказания является исправление осужденных» [9, с. 78].

2. Включение в уголовное законодательство института неопределенных приговоров сформирует благоприятную почву для возникновения ничем не ограниченного произвола администрации тюремных учреждений при решении вопроса об освобождении осужденных. Как справедливо отмечал Н. С. Таганцев, «такая неопределенность по отношению к смягчению для всех преступников не может быть оправдываема, так как этим путем создается сильная власть тюремной администрации, опасная даже и там, где тюремное дело сравнительно благоустроено» [15, с. 1384].

3. Назначение осужденному неопределенного приговора будет оказывать резкое негативное, вызванное постоянным ожиданием продления срока наказания, влияние на его психику, что отрицательно влияет на достижении целей наказания. По мнению В. В. Есипова, «желанию самоисправления будет нанесен жестокий удар перспективную неожиданного продолжения наказания сверх срока ...» [3, с. 416].

В тоже время, несмотря на мнение представителей науки того периода, 20 мая 1892 года отечественный законодатель ввел возможность назначения неопределенных приговоров в отношении несовершеннолетних осужденных, совершивших преступление в возрасте от 10 до 17 лет, направляемых вместо тюрьмы в исправительные приюты. В обвинительном приговоре не определялся конкретный срок наказания.

Существовало лишь общее правило, закрепленное в законе: лицо должно было содержаться в приюте до исправления, но на срок не менее чем на 1 год и, как правило, достижения им 18 лет. Однако, в случае отрицательного поведения, срок содержания в учреждении мог быть продлен до 21 года. Право освобождать несовершеннолетних осужденных предоставлялось «... управлению сих заведений» [8, с. 354].

Период становления советской власти ознаменовался развитием института неопределенных приговоров.

Ш. С. Грингауз при изучении истории советского уголовного права пришел к выводу, что первым документом, в котором упоминается возможность назначения лишения свободы «без указания срока, на который это лишение выносится», является Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 года «О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний», так как в данном документе, по мнению ученого, не определялись ни минимальные, ни максимальные сроки рассматриваемого наказания [5, с. 416]. В то же время, в рассматриваемой Инструкции не были указаны ни размеры, ни сроки упомянутых в ней наказаний.

Далее следует отметить Постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 года «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)», действующее около 7 лет и утратившее силу в результате издания декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля 1925 года «Об отмене и согласовании с Исправительно-трудовым кодексом Р.С.Ф.С.Р. декретов и постановлений, касающихся исправительно-трудовых учреждений». Исходя из содержания указанного документа (п. 28-29), срок лишения

свободы мог быть увеличен по следующим причинам:

1. Если осужденный, отказавшись от работы, к моменту отбытия срока наказания в полном размере не выплатил денежные средства, потраченные на его содержание: «... не может выйти из тюрьмы, хотя бы и отбыл назначенный судом срок» (п. 28). Когда указанная мера не помогала, администрация учреждения могла принять решение о понижении норм питания осужденного. В случае безрезультативности указанной меры и признания осужденным «неисправимым» принималось решение о направлении осужденного в «особую тюрьму».

При этом решение о продлении лишения свободы на срок до 1 месяца принимал начальник учреждения («заведующий местом заключения») по согласию Распределительной комиссии¹, а решение об увеличении рассматриваемого наказания на срок свыше 1 месяца утверждал Местный Народный Суд по представлению администрации места изоляции.

По данным Е. Г. Ширвиндта и Б. С. Утевского [14, с. 229], распределительные комиссии крайне редко продлевали срок лишения свободы:

в 1919 году – 33 раза,

в первую половину 1920 года – 6 раз.

В отчетах о деятельности распределительных комиссий за 1921 год случаи продления срока лишения свободы не были выявлены.

2. Если лицо по окончании срока наказания будет отнесено «... к типу хулиганов, погромщиков или упорных рецидивистов ...» (п. 29).

В данном случае решение о продлении срока наказания принимал Революционный трибунал по представлению Распределительной комиссии.

Таким образом, можно выделить

¹ В состав Распределительной комиссии входили заведующий местным Карательным отделом (по сути, современные территориальные органы ФСИН России являются аналогом Карательных отделов) или его заместитель, заведующий местом лишения свободы и лиц, приглашенных Карательным отделом.

три субъекта продления наказания в виде лишения свободы: начальник учреждения, суд и Революционный трибунал.

Однако нельзя не отметить мнение, что указанные субъекты были лишены права на продление срока наказания, в связи с принятием 15 ноября 1920 года Постановления НКЮ «Положение об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р.», так как в нем «ничего не говорило о возможности продления срока лишения свободы» [1].

Можно подвергнуть сомнению указанное утверждение.

Дело в том, что в Положении об общих местах заключения РСФСР все же была предусмотрена возможность продления срока наказания.

Так, в соответствии с пунктом 9 § 183 и § 184 документа распределительная комиссия могла принять решение о «продлении срока заключения». Лишение свободы могло быть продлено осужденному, «упорно нарушающему трудовую дисциплину» (§ 184), а в случае признания указанного осужденного упорно неповиновующимся или особо тяжким нарушителем установленного режима он мог быть направлен «в особую (изоляционную) тюрьму» (§ 191).

Кроме того, исходя из буквального Положения об общих местах заключения РСФСР, можно сделать вывод, что, во-первых, в нем менее конкретно был определен перечень субъектов, к которым могла быть применена указанная санкция, что позволяло ее использовать в отношении более широкого круга осужденных.

По сути, всем осужденным, вне зависимости от вида рецидива, тяжести совершенного преступления и др., но признанным упорно нарушающим трудовую дисциплину, срок назначенного наказания мог быть продлен.

Во-вторых, решение о продлении срока наказания принимали только члены Распределительной комиссии. Суд был исключен из перечня субъектов, которые при-

нимали решения о продлении срока наказания.

Таким образом, принятие Положения об общих местах заключения РСФСР не только не ликвидировало возможность продления срока лишения свободы, но и расширило потенциал реализации рассматриваемого элемента неопределенных приговоров.

Отдельное внимание заслуживают Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года.

В пункт «н» статьи 25 указанного документа был включен такой вид наказания, как *лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события*. Так, например, ряд ученых-юристов, рассуждая о теории неопределенных приговоров в контексте указанного наказания, отмечали, что в качестве примера «могут служить приговоры пролетарского суда первых лет революции, когда суд решал: такого-то заключить в концентрационный лагерь «до конца гражданской войны».

Нередко, как отмечается в специальной литературе [10, с. 1–16; 7], суд обязывал отбывать лишение свободы «до победы мировой революции».

В начале 20-х годов прошлого столетия принимаются первые кодифицированные нормативные правовые акты, содержащие предписания уголовно-правового (УК РСФСР 1922 года) и уголовно-исполнительного (ИТК РСФСР 1924 года) характера.

При обсуждении проекта УК РСФСР 1922 года была позиция, в которой отстаивалась возможность включения в указанный документ уголовного наказания в виде лишения свободы на неопределенный срок. Так, например, проект Особенной части УК РСФСР, разработанный комиссией общеконсультационного отдела НКЮ в 1921 году, также содержал примерный перечень уголовных наказаний, сформированный на основе Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. В проекте от-

мечалось, что «предлагаемый перечень мер наказания допускает дальнейшее развитие в духе строгой целесообразности мер карательного воздействия» [12].

Кроме того, в статье 28 проекта суду предоставлялась возможность определять размер любого наказания выше (или ниже) «предела, указанного в соответствующей статье Уголовного кодекса, или перейти к другому роду наказания», но «не иначе, как точно изложив мотивы, вынудившие отступить от предела наказания, указанного в этих статьях» [5, с. 261]. По сути, в законопроекте предоставлялось право суду определять, например, срок наказания в виде лишения свободы в соответствии с принципом *in arbitrio (arbitrium) iudicis*, т.е. на свое усмотрение.

Однако в статье 28 итогового документа данное положение включено не было.

При этом в УК РСФСР 1922 года не нашлось места нормам, позволяющим правоприменителю продлевать первоначально назначенный срок лишения свободы, что свидетельствует о стремлении законодателя отказаться от развития данного элемента института неопределенных приговоров.

В то же время в ИТК РСФСР 1924 года были включены положения, упоминающие возможность продления срока лишения свободы. Но указанная мера могла применяться только в отношении несовершеннолетних осужденных, а не всех категорий преступников, лишенных свободы.

Так, согласно пункту 3 статьи 16 ИТК РСФСР 1924 года Распределительные комиссии учреждения могли направлять «ходатайство перед судом о продлении срока заключения в отношении несовершеннолетних заключенных, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия

ими срока...».

Кроме того, согласно статье 187 ИТК РСФСР 1924 года, в отношении несовершеннолетних осужденных, признанных педагогическим советом² неисправившимися, начальник учреждения направлял в Распределительную комиссию представление о необходимости ходатайства перед судом о продлении им срока пребывания в исправительно-трудовом учреждении. Срок лишения свободы мог быть увеличен не более чем до достижения осужденным 20 лет.

Таким образом, с одной стороны, в ИТК РСФСР 1924 года содержались нормы, позволяющие продлить срок наказания, с другой стороны, законодатель позволил применять данную меру только в отношении одной категории осужденных – несовершеннолетних. Но в первый год действия указанного кодифицированного документа еще не была отменена «Инструкция о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», в которой, как было отмечено выше, законодатель закрепил возможность принятия решения о продлении рассматриваемого наказания в отношении всех категорий осужденных.

Очередная попытка законодательного развития возможности продления первоначально назначенного срока наказания была предпринята 6 марта 1928 года на заседании ВЦИК и СНК РСФСР. Данную инициативу детерминировали выявленные «отрицательные явления и крупные недочеты в деятельности судов и в постановке карательной и исправительно-трудовой системы» [11, с. 417], выражающиеся в отсутствии должного контроля над исполнением приговора, внимания к перевоспитанию молодых заключенных, недостаточной дисциплине заключенных и в деятельно-

² Отдельно следует отметить, что педагогический совет играл одну из центральных ролей в принятии решений, касающихся деятельности учреждения, в котором содержались несовершеннолетние осужденные. В его состав, в соответствии со статьей 176 ИТК РСФСР 1924 года, в обязательном порядке входили начальник учреждения и его заместители, весь воспитательский (заведующий учебно-воспитательной частью, учителя-воспитатели), учительский и инструкторский (т.е. лица, отвечающие за организацию трудовой деятельности) персонал, а также врачи (врач-терапевт, врач психиатр).

сти администрации мест лишения свободы и др.

На проведенном заседании НКЮ и НКВД было поручено разработать и внести СНК РСФСР проект закона, «... вводящего в Исправительно-трудовой кодекс право соответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению». Указанная попытка не увенчалась успехом.

Примерно в это же время среди государственных, политических и общественных деятелей, ученых-юристов происходит дискуссия о необходимости полного воплощения рассматриваемого элемента института неопределенных приговоров.

Так, например, видный советский государственный деятель, юрист Н. В. Крыленко (на момент написания представленной ниже работы являлся заместителем наркома юстиции РСФСР и старшим помощником прокурора РСФСР), отмечал невозможность заранее точно определить, какой срок наказания необходимо назначить осужденному, чтобы достичь цели его исправления: «... почему в отношении одного преступника можно сказать наперед, что его можно исправить в два года, а другого – в пять лет?» [6, с. 6]. Факт достижения цели исправления достигается в период отбывания наказания (после чего можно принять решение об освобождении), а не в момент окончания срока лишения свободы. В итоге ученый делает вывод, что советский законодатель должен «... воспринять от передовой буржуазной школы лишь теорию неопределенных приговоров и опыт построения специальных пенитенциарных учреждений...» [6, с. 7].

К сторонникам института неопределенных приговоров также следует отнести начальника Главного управления мест заключения НКВД РСФСР, известного ученого-пенитенциариста Е. Г. Ширвиндта, который, выступая 19 ноября 1928 года на

заседании Государственного института по изучению преступности и преступника с докладом «Об основных принципах для разработки Государственным институтом по изучению преступности и преступника проекта Уголовного кодекса», отметил, что «система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы должна быть заменена системой приговоров относительно неопределенных ...» [2, с. 109]. Причем в своем докладе Е. Г. Ширвиндт предлагал различные формы анализируемых приговоров, выбор которых должен был зависеть от тяжести свершенного преступления, личности осужденного, его возраста, наличия рецидива, формы деятельности лица до совершения им преступления, например:

– в отношении «случайных преступников, совершивших преступление по нужде, невежеству, тяжело сложившимся обстоятельствами», предлагалось назначать приговоры с формулировкой «на срок не более...»;

– приговоры «с минимальными и максимальными сроками (на срок от – до)» должны были назначаться преступникам, являющимся «особо опасными для республики»;

– преступникам-рецидивистам-профессионалам и не принадлежащим «к классу трудящихся и совершивших преступления в силу классовых привычек, взглядов или интересов» предлагалось назначать наказание «с максимальным только сроком (на срок не менее...)»;

– «на срок до исправления» должны были назначаться приговоры несовершеннолетним преступникам. В данном случае предлагалось продлевать срок приговора до достижения преступником 18 лет.

Н. В. Крыленко, рецензируя предложения Е. Г. Ширвиндта, в целом одобрил его мнение в части необходимости включения в уголовное законодательство нормы, позволяющей продлить первоначально назначенный срок лишения

свободы. Более того, Н. В. Крыленко выступил с более жесткой позицией и ходатайствовал за то, чтобы лишение свободы «... во всех случаях должно назначаться «на срок от одного года» с тем, что заключенный может быть освобожден соответствующими органами в пределах установленного законом максимального десятилетнего срока» [2, с. 9].

Уже менее, чем через один год, Е. Г. Ширвиндт существенно скорректировал (сузил) свою позицию. По мнению ученого, система неопределенных приговоров должна была быть построена на основе включения в Уголовный закон обязанности суда в каждом случае определять не конкретный срок наказания, а «... указывать низший и высший пределы сроков лишения свободы» с указанием «... в приговоре на срок «от – до»» [16, с. 97]. При этом введение рассматриваемого института должно было оказывать особое положительное влияние на осужденных в возрасте до 20 лет.

В 1929 году был разработан ряд проектов нового УК РСФСР, содержащий различные формы продления сроков лишения свободы.

Однако, как отметил С. А. Гаранжа, фактически в конце ноября 1929 года постановлениями ЦИК и СНК СССР вопрос о рассматриваемом элементе неопределенных приговоров в какой-либо форме был снят с повестки дня законодательных орга-

нов, так и не получив своего развития в нормах уголовного законодательства. Но будет справедливым еще раз отметить, что элемент института, предусматривающего возможность продления срока наказания, был закреплен в статьях 16, 187 ИТК РСФСР 1924 года, который действовал более 9 лет – до принятия нового ИТК РСФСР в 1933 году.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что законодатель окончательно отказался от идеи продления первоначально определенного срока лишения свободы в конце 20-х – начале 30-х годов XX столетия в связи с существенными недостатками указанного института, вскрытыми правоприменительной практикой.

Как отмечалось в специальной юридической литературе того периода, рассматриваемое «... право не получило своего развития и отмерло естественным путем как противоречащее основным началам советского уголовного законодательства» [14, с. 228].

Однако некоторые элементы института неопределенных приговоров положительно сказались на развитии отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и нашли свое отражение в нормах, регламентирующих применение условного осуждения, условно-досрочного освобождения, замену неотбытой части наказания более мягким или более строгим наказанием.

Литература

1. *Гаранжа С.* Продление срока лишения свободы в РСФСР: проекты, дискуссии, практика (1918-1932 гг.). URL: <https://zakon.ru/garanzha> (дата обращения 10.02.2024).
2. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта Уголовного кодекса) // Проблемы преступности. Вып. 4. 1929. С. 108–122.
3. *Есинов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1894. 419 с.
4. *Исаченко П.А.* Законодательное регулирование досрочного освобождения по модели неопределенного приговора в США (1870–1970) // Юридические науки: пробле-

мы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 12-14.

5. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов и др. Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 466 с.

6. *Крыленко Н.* Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР (доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24 мая 1928 г.) / Революция права. 1928. №4. С. 3-19.

7. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.

8. Об изменении постановлений, касающихся обращения в исправительные приюты и содержания в них малолетних преступников : закон от 20 мая 1892 г. // Полн. собр. законов Рос.империи. Собр. 3. Т. 12. № 8609. СПб., 1895. С. 354.

9. *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. 1915. 295 с.

10. *Полянский П.Л.* Зарождение института неопределенных приговоров в советском законодательстве 1918–1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 5. С. 3-27.

11. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР по докладам Народного Комиссариата Юстиции и Народного Комиссариата Внутренние Дел о карательной политике и состоянии мест заключения (Протокол ВЦИК № 49 от 26 марта 1928 г., п. «б») // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417-419.

12. Протоколы III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, с приложением резолюций съезда // Материалы Народного комиссариата Юстиции. Вып. 11 – 12. 1920. 100 с.

13. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва: Городец, 2007. 237 с.

14. Советское пенитенциарное право / Е. Г. Ширвиндт, Б. С. Утевский; Государственный институт по изучению преступности и преступника. Пенитенциарная секция. Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

15. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 1469 с.

16. *Ширвиндт Е.Г.* Система мер социальной защиты и проблема ее реформы // Основы и задачи советской уголовной. РАНИОН. Институт советского права. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1929. С. 83-97.

References

1. *Garanzha S.* Prodlenie sroka lisheniya svobody v RSFSR: proekty, diskussii, praktika (1918-1932 gg.). URL: <https://zakon.ru/garanzha> (data obrashcheniya 10.02.2024).

2. Deyatel'nost' Gosudarstvennogo Instituta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika (sostavlenie proekta Ugolovnogo kodeksa) // Problemy prestupnosti. Vyp. 4. 1929. S. 108–122.

3. *Esipov V.V.* Oчерк russkogo ugolovnogo prava. Chast' obshchaya. Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1894. 419 с.

4. *Isachenko P.A.* Zakonodatel'noe regulirovanie dosrochnogo osvobozhdeniya po modeli neopredelennogo prigovora v SShA (1870–1970) // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2015 g.). Kazan': Buk, 2015. S. 12-14.

5. Istoriya sovetskogo ugovnogo prava / A. A. Gercenzon, Sh. S. Gringauz, N. D. Durmanov i dr. Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1948. 466 s.

6. *Krylenko N.* Principy pererabotki Ugolovnogo Kodeksa RSFSR (doklad na zasedanii Kollegii NKYu ot 24 maya 1928 g.) / Revolyuciya prava. 1928. №4. S. 3-19.

7. Kurs ugovnogo prava v pyati tomah. Tom 1. Obshchaya chast': Uchenie o prestuplenii / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zercalo, 2002.

8. Ob izmenenii postanovlenij, kasayushchihsya obrashcheniya v ispravitel'nye priyuty i sodержaniya v nih maloletnih prestupnikov : zakon ot 20 maya 1892 g. // Poln. sobr. zakonov Ros.imperii. Sobr. 3. T. 12. № 8609. SPb., 1895. S. 354.

9. *Poznyshev S.V.* Ocherki tyur'movedeniya. 1915. 295 s.

10. *Polyanskij P.L.* Zarozhdenie instituta neopredelennyh prigovorov v sovetskom zakonodatel'stve 1918–1921 gg.// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2023. № 5. S. 3-27.

11. Postanovlenie Vserossijskogo Central'nogo Iсполнител'nogo Komiteta i Soveta Narodny Komissarov RSFSR po dokladam Narodnogo Komissariata YUsticii i Narodnogo Komissariata Vnutrennie Del o karatel'noj politike i sostoyanii mest zaklyucheniya (Protokol VCIK № 49 ot 26 marta 1928 g., p. «b») // Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. 1928. № 14. S. 417-419.

12. Protokoly III Vserossijskogo s"ezda deyatelej sovetskoj yusticii, s prilozheniem rezolyucij s"ezda// Materialy Narodnogo komissariata Yusticii. Vyp. 11 – 12. 1920. 100 s.

13. Rossijskaya progressivnaya sistema ispolneniya ugovnyh nakazaniy / Yu. M. Tkachevskij; Moskovskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Moskva: Gorodec, 2007. 237 s.

14. Sovetskoe penitenciarное pravo / E. G. Shirvindt, B. S. Utevsckij; Gosudarstvennyj institut po izucheniyu prestupnosti i prestupnika. Penitenciarная sekciya. Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1927. 276 s.

15. *Tagancev N.S.* Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: lekci. 2-e izd., peresmotr. i dop. SPb.: Gos. tip., 1902. 1469 s.

16. *Shirvindt E.G.* Sistema mer social'noj zashchity i problema ee reformy // Osnovy i zadachi sovetskoj ugovnoy. RANION. Institut sovetskogo prava. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. S. 83-97.

Сведения об авторе

Новиков Егор Евгеньевич: Северо-Западный филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент. E-mail:mavr-85@mail.ru.

Information about the author

Novikov Egor Evgenievich: Northwest branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail:mavr-85@mail.ru.

А. С. Скороходова

ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕРИОД 1918-1924 ГОДОВ

В статье рассматриваются тенденции формирования уголовной политики в отношении несовершеннолетних в период с 1918 по 1924 годы. Автором систематизированы положения нормативных правовых актов обозначенного периода, содержащих специальные нормы о назначении и исполнении уголовных наказаний несовершеннолетних. Проводится сравнительный анализ первых советских кодифицированных источников уголовного и исправительно-трудового права – Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года – с положениями современного законодательства.

Проведенное исследование законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в период 1918-1924 годов приводит автора к выводу о том, что первые кодифицированные акты, принятые в рамках реализации новой уголовной и исправительно-трудовой политики РСФСР, характеризуются четкой структурой; соответствуют основополагающим международным и отечественным стандартам в области соблюдения прав ребенка; во многом опередили свое время; коррелируют с современным уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. Тем не менее, экономическая и политическая ситуация в стране в ранний постреволюционный период не позволила в полной мере воплотить в жизнь рассмотренные положения советского законодательства, а репрессивная политика последующих лет на долгий срок нивелировала те благие цели, которые были поставлены перед системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и практически стерла разницу между детьми и взрослыми при назначении уголовного наказания.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовное наказание, уголовная политика, Уголовный кодекс, Исправительно-трудовой кодекс.

A. S. Skorokhodova

THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY IN RELATION TO MINORS IN THE PERIOD 1918-1924

The article examines the trends in the formation of criminal policy in relation to minors in the period from 1918 to 1924. The author systematized the provisions of normative legal acts of the designated period, containing special norms on the appointment and execution of criminal penalties for minors. A comparative analysis of the first Soviet codified sources of criminal and correctional labor law is carried out – The Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 - with the provisions of modern

© Скороходова А.С., 2024

© Skorokhodova A.S., 2024

legislation.

The conducted study of the legislation on criminal liability of minors in the period 1918-1924 leads the author to the conclusion that the first codified acts adopted as part of the implementation of the new criminal and correctional labor policy of the RSFSR are characterized by a clear structure; comply with fundamental international and domestic standards in the field of respect for the rights of the child; in many ways ahead of their time; correlate with modern criminal and penal enforcement legislation. Nevertheless, the economic and political situation in the country in the early post-revolutionary period did not allow the considered provisions of Soviet legislation to be fully implemented, and the repressive policy of the following years for a long time leveled those good goals that were set before the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, and practically erased the difference between children and adults when the imposition of criminal punishment.

Keywords: minors, criminal punishment, criminal policy, Criminal Code, Corrective Labor Code.

Рассматривая отечественное уголовное законодательство в историческом аспекте, можно отметить, что юный возраст преступника, начиная с XVIII века, являлся основанием для смягчения уголовной репрессии. Первым источником права, зафиксировавшим особый статус несовершеннолетнего в системе уголовного правосудия, был Сенатский указ от 23 августа 1942 года «О признании малолетними людьми обоего пола от рождения до 17 лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления».

Особый интерес представляют нормативные правовые документы, регламентировавшие порядок назначения и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних в ранний постреволюционный период, когда в связи с политическими событиями в стране кардинальной перестройке подверглась вся система уголовного законодательства.

Последний изданный в дореволюционной России специальный правовой акт о назначении наказания несовершеннолетним – «Новый закон о малолетних и несовершеннолетних преступниках» от 2 июня 1897 года – устанавливал возраст

наступления уголовной ответственности с 10 лет и возможность помещения подростка в возрасте от 14 до 17 лет в тюрьму на срок до 12 лет: «лица в возрасте 10 до 14 лет в случае совершения преступления, караемого наказанием не ниже тюремного заключения с лишением всех особенных прав и преимуществ, могли быть помещены в особые помещения при тюрьмах или домах арестных мировыми судьями на срок от 1 месяца до 5 лет; лица в возрасте от 14 до 17 лет за совершение преступлений, влекущих уголовное наказание, могли быть приговорены к заключению в тюрьме на срок от 3 до 12 лет ... » [5].

Однако Октябрьская революция 1917 года, полностью изменив государственное устройство нашей страны, привела и к радикальному пересмотру уголовного законодательства, в том числе, и в отношении несовершеннолетних.

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» в своей первой статье провозгласил основополагающий принцип новой уголовной политики государства в отношении данной категории преступников: «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются».

Рассмотрение дел в отношении

подростков, совершивших общественно опасные деяния в возрасте до 17 лет, передавалось вновь создаваемому органу, который находился в ведении Народного Комиссариата общественного призрения – комиссии о несовершеннолетних. В соответствии со статьей 4 рассматриваемого Декрета, «по рассмотрении дела о несовершеннолетних, комиссия либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характера деяния»¹. В качестве таких убежищ выступали детские дома, коммуны, приюты, приемники, которые работали в большей степени на общественных началах.

Но безусловно благая (и, по большому счету, популистская) идея Декрета 1918 года о том, что исправления несовершеннолетних можно достичь только лишь мерами воспитательного характера, не могла быть реализована, во-первых, в сложных социальных и экономических реалиях того времени, а, во-вторых, при отсутствии должной организации системы органов профилактики правонарушений несовершеннолетних на государственном уровне.

Поэтому спустя всего два года, «во изменение и развитие декрета об учреждении комиссии о несовершеннолетних...», был издан новый декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 4 марта 1920 года «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях», который сохранил в статье 1 положение о том, что суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются, однако в статье 4 все же предусмотрел возможность рассмотрения дел судом: «При рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер

медико-педагогического воздействия, дело передается комиссией в Народный Суд».

При этом Народному Комиссариату Юстиции вменялось в обязанность после осуждения помещать несовершеннолетних отдельно от взрослых, а также совместно с Народным Комиссариатом Просвещения приступить к организации новых учреждений для содержания несовершеннолетних преступников – реформаториев.

Кроме того, в Декрете 1920 года была предпринята попытка взять работу комиссий о несовершеннолетних на государственный контроль: «... поручить Народному Комиссариату Юстиции осуществить более строгий надзор за личным составом членов комиссии о несовершеннолетних и о том, как выполняется их обязанность»².

Согласимся с Н. И. Крюковой в том, что деятельность комиссий о несовершеннолетних сыграла важную роль в ликвидации беспризорности и предупреждении преступности среди подростков, однако многие из них, жившие вне семьи и общавшиеся со взрослыми преступниками, нуждались в более эффективных методах, связанных с помещением в воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения [3]. Такие учреждения создавались в РСФСР уже с 1918 года: детские дома, приемники-распределители, школы-коммуны, а с 1920 года, как предписывал рассмотренный выше Декрет, и реформатории.

Тем не менее, несмотря на усиление государственного контроля, деятельность этих учреждений не могла обеспечить возложенных на них целей и задач. В своем исследовании Н. И. Крюкова отмечает: «... на созданный российский реформаторий для особо трудных правонарушителей в возрасте от 17 до 21 года была возложена задача обучения, воспитания и подготовки молодежи к трудовой жизни.

¹ О комиссиях для несовершеннолетних: Декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 // «СУ РСФСР», 1918, № 16, ст. 227 (документ утратил силу).

² О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях: Декрет СНК РСФСР от 04.03.1920 // «СУ РСФСР», 1920, № 13, ст. 83 (документ утратил силу).

Просуществовало это учреждение недолго. Трудности экономического порядка, отсутствие достаточного числа педагогов и воспитателей привели к его ликвидации. Аналогично складывались судьбы и других воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (школы фабрично-заводского обучения, трудовые коммунны и др.). Комиссии по делам несовершеннолетних, действовавшие в основном на общественных началах, не могли обеспечить надлежащий уровень работы с социально запущенными детьми. Контингент самих комиссий был нестабилен, члены их в большинстве случаев не имели педагогического образования и опыта работы» [3].

Безусловно, такое положение дел требовало пересмотра законодательства о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних правонарушителей.

Новые положения о назначении и исполнении уголовных наказаний содержались в первых кодифицированных ак-

тах РСФСР, определивших на начальный постреволюционный период уголовную политику государства – Уголовном кодексе РСФСР, введенном в действие Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 года (далее – УК РСФСР 1922 года), и Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 года (далее – ИТК РСФСР 1924 года).

Несмотря на неотъемлемую идеологическую составляющую, обусловленную политической ситуацией в стране, данные нормативные акты представляются в высокой степени прогрессивными источниками уголовного и исправительно-трудового права своего времени, что подтверждается многими современными учеными [1, 2, 6].

О прогрессивности первых советских кодексов, в частности, свидетельствует представленное в таблице сравнение некоторых общих положений этих исторических документов с действующим законодательством Российской Федерации:

Таблица

Положения УК РСФСР 1922 года, ИТК РСФСР 1924 года	Положения действующего законодательства Российской Федерации
<p>Статья 5 УК РСФСР 1922 года: «Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты».</p>	<p>Статья 2 УК РФ: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств... Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает ... виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений».</p>
<p>Статья 8 УК РСФСР 1922 года: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений».</p>	<p>Часть 2 статьи 43 УК РФ: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.»</p> <p>Часть 1 статьи 1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство РФ имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами».</p>

Положения УК РСФСР 1922 года, ИТК РСФСР 1924 года	Положения действующего законодательства Российской Федерации
<i>Статья 6 ИТК РСФСР 1924 года:</i> «Содержание в исправительно-трудовых учреждениях, стремясь к целесообразному влиянию на заключенного и укреплению тех черт его характера и навыков, которые могут удерживать от дальнейших преступлений, должно быть целесообразно и не должно иметь целью причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства».	<i>Часть 2 статьи 7 УК РФ:</i> «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». <i>Часть 2 статьи 12 УИК РФ:</i> «Осужденные ... не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию».
<i>Статья 7 ИТК РСФСР 1924 года:</i> «Применение мер социальной защиты в исправительно-трудовых учреждениях организуется по прогрессивной системе, соответственно которой заключенные подвергаются различному режиму, для чего они распределяются по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях».	<i>Часть 1 статьи 74 УИК РФ:</i> «Исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения ...». <i>Часть 1 статьи 78 УИК РФ:</i> «В зависимости от поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания осужденным к лишению свободы может быть изменен вид исправительного учреждения».
<i>Статья 10 ИТК РСФСР 1924 года:</i> «Для наиболее успешной борьбы с преступностью и предупреждения развития рецидива, исправительно-трудовую систему Р.С.Ф.С.Р. дополняют учреждения, оказывающие различные виды помощи освобождаемым из мест заключения».	<i>Федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»</i> в части применения постпенитенциарной пробации.

Специальные нормы УК РСФСР 1922 года, регламентирующие назначение уголовного наказания несовершеннолетним, свидетельствовали об особом отношении законодателя к данной категории правонарушителей, причем отношение это постоянно изменялось то в сторону смягчения, то в сторону ужесточения карательной уголовной политики.

Так, первая редакция (от 1 июня 1922 года) статьи 18 УК РСФСР 1922 года устанавливала, что «наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия»; соответственно, к лицам старше 16 лет и к лицам от 14 до 16 лет в случае, если в отношении них признано невозможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия,

могли применяться без ограничений все виды наказаний, в том числе и высшая мера наказания – расстрел. Это положение, впрочем, было в скором времени исправлено путем введения во второй редакции (от 9 октября 1922 года) УК РСФСР 1922 года примечания к статье 33 следующего содержания: «Высшая мера репрессии не может быть применена к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста». Третья редакция кодекса (от 15 февраля 1923 года) установила положение о том, что решение о признании возможным ограничиться в отношении несовершеннолетнего от 14 до 16 лет мерами медико-педагогического воздействия принимается судом (ранее указание в законе на уполномоченный в принятии решения орган отсутствовало); также были введены статьи 18а и 18б, устанавливающие более мягкий, чем для взрос-

лых, порядок назначения наказания:

«18а. Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на половину (1/2) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела.

18б. Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на одну треть (1/3) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела».

Вместе с тем, статья 56 УК РСФСР 1922 года предполагала и возможность продления несовершеннолетнему срока наказания: «В отношении несовершеннолетних, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия ими назначенного судом срока наказания, распределительные комиссии могут входить в народный суд по месту нахождения исправительно-трудового учреждения, в котором находится несовершеннолетний, с представлением о продлении ему пребывания в означенном учреждении впредь до исправления, но на срок не свыше половины первоначально определенного судом срока наказания». Представляется, что данная норма, на первый взгляд весьма спорная и антигуманная, отражала стремление к достижению цели не столько отбытия срока наказания, сколько достижения цели исправления подростка, вставшего на преступный путь.

Статья 25, содержащая перечень обстоятельств, которые следует учитывать для определения меры наказания, в 1923 году была дополнена пунктом «к»: «совершено ли преступление взрослым, несовершеннолетним от 16 до 18 лет, несовершеннолетним от 14 до 16 лет, или малолетним до 14 лет»; кроме того, в третьей редакции УК РСФСР 1922 года появилась специ-

альная мера социальной защиты, которая могла применяться исключительно к несовершеннолетним – пункт «д» статьи 46 «отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам, либо другим лицам при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя».

В четвертой редакции (от 9 января 1924 года) УК РСФСР 1922 года полномочия о признании возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия при применении наказания к лицам от 14 до 16 лет были переданы комиссиям по делам о несовершеннолетних. А. А. Окунева справедливо указывает на то, что данное положение является юридическим нонсенсом, поскольку суд – орган правосудия – не может действовать по предписаниям административного органа – комиссии по делам о несовершеннолетних; наряду с тем, именно в этот период в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года были сформулированы требования к профессиональному подбору народных заседателей и к срокам рассмотрения дел этой категории, а также правило о недопустимости рассмотрения дел несовершеннолетних без участия защиты [4].

Принятие ИТК РСФСР 1924 года ознаменовало создание в отечественном праве новой ветви исправительно-трудового законодательства. О том, что данный нормативный правовой акт во многом опередил свое время, позволяет судить как приведенное выше сравнение с современными нормативными источниками, так и тот факт, что в течение всего периода действия с 1924 по 1933 годы, несмотря на постоянные перемены в общественной и политической жизни, в ИТК РСФСР 1924 года ни разу не вносились изменения³.

Примечательно, что базовое разделение на виды исправительно-трудовых

³ Для сравнения: УК РСФСР 1922 года действовал с 1922 по 1926 годы и насчитывал за это время 5 редакций, УПК РСФСР 1922 года действовал менее года, а УПК РСФСР 1923 года за период с 1923 по 1936 годы редактировался 10 раз.

учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, произведено в статье 46 кодекса с учетом тех мер социальной защиты, которые необходимо применить к осужденному: учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера (5 видов учреждений для взрослых заключенных), учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера (2 вида учреждений для правонарушителей от 14 до 20 лет) и учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера (открытый перечень учреждений для заключенных с различными диагнозами, признанных нуждающимися в медицинской помощи).

В статье 47 ИТК РСФСР 1924 года декларируется индивидуальный подход к распределению заключенных между исправительными учреждениями «в целях планомерного распределения заключенных и организации лишения свободы в соответствии с специальными и психическими особенностями личности преступника, а также индивидуализации мер социальной защиты в зависимости от причин преступления»; в частности, в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей направляются подростки в возрасте от 14 до 16 лет, а в трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи – молодые юноши и девушки рабоче-крестьянского происхождения в возрасте от 16 до 20 лет. Правила содержания в данных видах учреждений устанавливаются главами IV и V кодекса, при этом основной акцент делается не на карательную, а на педагогическую составляющую процесса исправления: «Цель помещения несовершеннолетних в трудовой дом – обучить их квалифицированным видам труда, расширить их умственный кругозор путем общего и профессионального образования и создать из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан, а также вместе с тем дать им физическое

воспитание и оздоровить их посредством гимнастики, спорта и гигиены тела ... Школьные занятия с несовершеннолетними ведутся ежедневно не менее трех часов. Объем знаний, получаемых от школьных занятий, должен быть не ниже даваемых школой первой ступени» (ст. 175); «Трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи имеют целью, помимо общего исправительно-трудового воздействия, приучение к дисциплинованности, сознательности в отношениях к трудовому обществу и выдержанности в поступках» (ст. 190).

Наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей, исполнение которого также регламентировалось ИТК РСФСР 1924 года, также могло применяться к несовершеннолетним, о чем свидетельствует статья 37 кодекса: «Отбывающим принудительные работы без содержания под стражей, проработавшим непрерывно не менее пяти с половиной месяцев, предоставляется один раз в году очередной двухнедельный отпуск. Лицам, не достигшим восемнадцати лет, предоставляется один раз в году очередной месячный отпуск».

Что касается иных видов наказаний и мер социальной защиты, исполнение которых не входило в предмет регулирования ИТК РСФСР 1924 года (условное осуждение, конфискация имущества, штраф, порожение прав, увольнение от должности, общественное порицание, возложение обязанности загладить причиненный вред, отдача несовершеннолетнего на поруки), отдельно порядок их применения к несовершеннолетним на законодательном уровне не закреплялся и оставался в ведении комиссий по делам несовершеннолетних, которые, несмотря на свой сомнительный правовой статус, ограниченные полномочия, нестабильный и непрофессиональный контингент сотрудников, оставались по сути единственным субъектом профилактики правонарушений и безнадзорно-

сти несовершеннолетних, пока не были упразднены постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1935 года «О борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью». Наряду с упразднением комиссий по делам несовершеннолетних в 1935 году была ликвидирована и статья УПК РСФСР 1926 года о выделении дел несовершеннолетних в отдельные производства.

Дальнейшие трансформации отечественного уголовного и исправительно-трудового законодательства, которые легли в основу УК РСФСР 1926 года, ИТК РСФСР 1933 года и их последующих изменений, отражают не самые светлые страницы нашей истории – период массовых репрессий, тотального контроля над личностью, что отчетливо повлияло и на усиление карательной уголовной политики.

Как отмечает А. А. Окунева, карательная переориентация правосудия в отношении несовершеннолетних в тот период не имела под собой оснований, поскольку преступность не претерпела особых изменений, и ее уровень оставался прежним; при этом в 30-х гг. XX в. борьба с преступностью несовершеннолетних использовалась как способ выявления врагов народа, и прежде всего среди родителей подростков [4].

В период с 1926 по 1935 годы возраст привлечения к уголовной ответственности за такие распространенные составы преступлений, как кража, увечья, насилие, убийство, был снижен до 12 лет. Анализируя изменения, внесенные в УК РСФСР в 1935 году, Н. И. Крюкова указывает на очевидную нечеткость понятий закона, которая неизбежно ведет к субъективизму при разрешении конкретных уголовных дел: о каких кражах по размеру идет речь? что понимается под насилием, увечьем? наказываются ли преступные действия, совершенные по неосторожности? [3]

Карательная направленность и репрессивность исправительно-трудовой политики стали объективной реально-

стью системы отечественного правосудия вплоть до 60-х гг. XX века.

Таким образом, проведенный анализ законодательства, регламентирующего назначение уголовного наказания несовершеннолетним в ранний постреволюционный период, позволяет сделать следующий вывод: первые кодифицированные акты, принятые в рамках реализации новой уголовной и исправительно-трудовой политики – УК РСФСР 1922 года и ИТК РСФСР 1924 года – характеризуются четкой структурой; соответствуют основополагающим международным и отечественным стандартам в области соблюдения прав ребенка; во многом опередили свое время; коррелируют с современным уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Тем не менее, несмотря на эти очевидные достоинства, экономическая и политическая ситуация в стране не позволила в полной мере воплотить в жизнь рассмотренные положения советского законодательства, а карательная уголовная политика последующих лет нивелировала те благие цели, которые были поставлены перед системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и практически стерла разницу между детьми и взрослыми при назначении уголовного наказания.

В свете изложенного нельзя не согласиться с позицией Л. И. Беляевой, которая, анализируя основы управления исполнением уголовных наказаний после Гражданской войны, отмечала: «... многие положения правовых и организационных основ управления исполнением уголовных наказаний в силу недостаточности ресурсного, материально-технического обеспечения не могли быть реализованы и оказывались оторванными от реальной практической деятельности. Это позволяет сделать вывод о том, что реформирование системы исполнения наказаний не может иметь успеха, если в должной степени не

обеспечено ресурсами: кадровыми, финансовыми, материально-техническими» [1].

Современная редакция УК РФ во многом перекликается с УК РСФСР 1922 года: возраст привлечения к уголовной ответственности устанавливается с 16 лет, а по некоторым составам – с 14 лет; для несовершеннолетних предусматриваются сокращенные сроки уголовных наказаний; функционирует специальный институт принудительных мер воспитательного воздействия.

Вместе с тем, действующие нормативные правовые акты, регламентирующие отправление правосудия в отношении несовершеннолетних, также обладают большим потенциалом для оптимизации, поэтому изучение исторического опыта, как положительного, так и отрицательного, призвано к тому, чтобы избежать ошибок в будущем и принять действенные меры к совершенствованию российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Литература

1. *Беляева Л.И.* Формирование в России основ управления исполнением уголовных наказаний после Гражданской войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции : в 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Том Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 1079-1089.

2. *Клюев А.А.* УК РСФСР 1922 г. как основа современного понимания системы специальных правил назначения наказания и их модификации / А. А. Клюев, В. В. Полтавец, Е. А. Елец // Российский следователь. 2022. № 5. С. 21 - 24.

3. *Крюкова Н.И.* История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 6. С. 23 - 27.

4. *Окунева А.А.* Развитие законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в советской России (1918-1940 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2013. № 6. С. 130-142.

5. *Пудовочкин Ю.Е.* Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность / М-во образования Рос. Федерации. Ставроп. гос. ун-т. - Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002 (ИПК ун-та). 255 с.

6. *Уткин В. А.* Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 75-80.

References

1. *Belyaeva L.I.* Formirovanie v Rossii osnov upravleniya ispolneniem ugolovnyh nakazaniy posle Grazhdanskoj vojny // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii : v 2 ch., Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 goda. Tom Chast' 1. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. S. 1079-1089.

2. *Klyuev A.A.* UK RSFSR 1922 g. kak osnova sovremennogo ponimaniya sistemy special'nyh pravil naznacheniya nakazaniya i ih modifikacii / A. A. Klyuev, V. V. Poltavec, E. A. Elec // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 5. S. 21 - 24.

3. *Kryukova N.I.* Istoriya razvitiya ugolovnog zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnih // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2013. № 6. S. 23 - 27.

4. *Okuneva A.A.* Razvitie zakonodatel'stva ob ugovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnih v sovetskoj Rossii (1918-1940 gody) // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2013. № 6. S. 130-142.

5. *Pudovochkin Yu.E.* Otvetstvennost' nesovershennoletnih v ugovnom prave: istoriya i sovremennost' / M-vo obrazovaniya Ros. Federacii. Stavrop. gos. un-t. - Stavropol' : Izd-vo SGU, 2002 (IPK un-ta). 255 s.

6. *Utkin V. A.* Resocializaciya osvobozhdennyh ot nakazaniya: istoriya i sovremennost' // Ugolovnaya yusticiya. 2014. № 1(3). S. 75-80.

Сведения об авторе

Скороходова Александра Сергеевна: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Томск, Российская Федерация), преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС. E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

Information about the author

Skorokhodova Alexandra Sergeevna: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), lecturer of the Department of execution of punishments not related to deprivation of liberty and legal support of the correctional system. E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

УДК 343.81

П. В. Тепляшин, П. В. Сорокун

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР 1924 ГОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И НАУЧНАЯ ОЦЕНКА НАСЛЕДИЯ

Предметом исследования выступают положения Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года. Методология преимущественно охватывает исторический метод, формально-логический и системно-структурный анализ норм права, герменевтическое изучение юридического документа.

Рассмотрены основы отечественной идеологии формирования единого правового акта, регулирующего исполнение и отбывание осужденными уголовных наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. В результате обосновывается тезис о том, что нормативные особенности данного кодифицированного акта ознаменовали эпилог тюремного права и пролог уголовно-исполнительного законодательства.

Область применения результатов предполагает оптимизацию научных

© Тепляшин П.В., Сорокун П.В., 2024

© Teplyashin P.V., Sorokun P.V., 2024

исследований по выявлению эволюционных закономерностей развития российского законодательства об исполнении уголовных наказаний. Делается вывод о том, что ИТК РСФСР 1924 года заложил фактические основы дальнейшего поступательного развития исправительно-трудового и затем уголовно-исполнительного законодательства, predetermined вектор всей архитектуры изложения юридических установлений по исправительному воздействию на осужденных.

Ключевые слова: дифференциации наказания, карательная политика, категория заключенных, классовый характер, пенальный ретрибутивизм, советское государство, трудовые дома.

P. V. Teplyashin, P. V. Sorokun

CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924: CONCEPTUAL PROVISIONS AND SCIENTIFIC EVALUATION OF THE LEGACY

The subject of the study is the provisions of the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. The methodology mainly covers the historical method, formal-logical and system-structural analysis of legal norms, hermeneutic study of a legal document.

The foundations of the domestic ideology of formation of a single legal act regulating the execution and serving by convicts of criminal punishments in the form of imprisonment and forced labour without detention are considered. The result substantiates the thesis that the normative features of this codified act marked the epilogue of prison law and the prologue of criminal-executive legislation.

The scope of application of the results implies the optimisation of scientific re-search on revealing evolutionary regularities of the development of the Russian legislation on the execution of criminal punishments. The conclusion is made that the CLC RSFSR of 1924 laid the actual foundations for further progressive development of correctional labour and then criminal-executive legislation, predetermined the vector of the whole architecture of presentation of legal provisions on correctional influence on convicted persons.

Keywords: differentiation of punishment, punitive policy, category of prisoners, class character, penal retributivism, Soviet state, labour houses.

Одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года выступает повышение эффективности уголовно-исполнительной системы, что приводит к объективной необходимости всестороннего и комплексного изучения соответствующих проблем, в том числе, глубокого историко-правового исследования законодательства, регулирующего исполнение и отбывание осужденными различных видов уголовных наказаний. Крайне востребованный для современной пенитенциарной теории и практики исто-

рический опыт содержится в советском исправительно-трудовом законодательстве.

В этой связи нельзя не заметить, что 2024 год ознаменовался 100-летием принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года (далее – Кодекс; ИТК РСФСР 1924 года), который во многом predetermined общую архитектуру основного нормативного источника в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Как известно, данный правовой акт утвержден второй сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 года. За это время «много воды утекло», но неизменным осталась

идея структуризации данного нормативно-источника, общая логика закрепления юридических установлений и основы юридической техники.

ИТК РСФСР 1924 года, как и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ), синхронно отражают весьма кардинальные изменения в карательной политике молодого советского государства и уголовно-исполнительной политике современной России соответственно. На основании именно данных особенностей Кодекс ознаменовал пролог уголовно-исполнительного законодательства, поскольку именно в нем была заложена идеология формирования единого правового акта, регулирующего исполнение и отбывание осужденными уголовных наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей.

При этом приемлемым является использование именно оборота «заложена идеология», поскольку ИТК РСФСР 1924 года регулировал организацию исполнения только двух уголовных наказаний – лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей.

ИТК РСФСР 1924 года и УИК РФ охватывают значительный период времени становления, развития и трансформации отечественной пенитенциарной системы, их объединяет схожая картина предшествующих сильнейших социально-экономических и культурно-идеологических потрясений.

Поэтому первый отечественный кодифицированный пенологический акт является официальным документом прорывного характера, призванным решить задачу формирования фактически уже современной отечественной парадигмы исполнения уголовных наказаний. Не случайно С. А. Гаранжа указывает, что «положения ИТК РСФСР 1924 года позволяют признать этот документ далеко обогнавшим свое время» [2, с. 110].

Хотя сложно согласиться с мнением о том, что «Исправительно-трудовой кодекс 1924 года проникнут, как и следовало ожидать, идеями социологического учреждения о наказании» [5, с. 90]. Ведь принятие Кодекса ознаменовало не научно-пресловутое и, кстати, терминологически неточное «социологическое учение о наказании», а реальную попытку перехода от пенального ретрибутивизма к воплощению идей консеквенциализма.

Нельзя не заметить, что проект Кодекса обсуждался на Всероссийском съезде пенитенциарных деятелей, проходившем в Москве с 18 по 24 октября 1923 года, что закономерно привело в последующем к появлению основательного по своей законодательной технике правового акта. В специальных исследованиях аргументировано указывается, что «принципы исполнения уголовных наказаний, предусматривающие гуманное обращение с заключенными, законность, классовый подход, дифференциацию заключенных, самокупаемость, соединение наказания с исправительным воздействием и участие общественности, были однозначно разработаны на съезде пенитенциарных работников» [4, с. 13].

Думается, что именно по этой причине Кодекс содержал достаточно много принципиальных и весьма прогрессивных новаций. Одной из таких новаций можно назвать дифференциацию исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. В частности, статья 174 Кодекса предусматривала следующую норму: «В трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей принимаются: несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, приговоренные судом к лишению свободы, а также несовершеннолетние того же возраста, состоящие под следствием и числящиеся за судебными и следственными органами».

Однако в примечании к данной статье закреплялось, что в отношении «не-

совершеннолетних от шестнадцати до восемнадцати лет, в зависимости от их индивидуальных особенностей, распределительная комиссия в каждом отдельном случае разрешает вопрос о направлении их в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей или другое исправительно-трудовое учреждение». Применительно к указанной дифференциации А. Л. Санташов верно отмечает, что она «постепенно приобретала все более четкие, системные очертания. Вместе с тем на данном этапе развития уголовного законодательства четкая во всем система дифференциации наказания не отвечала интересам усиления классовой борьбы. Поэтому в законодательстве допускались неконкретные основания применения уголовного наказания, общие формулировки, позволяющие использовать уголовную репрессию в очень широком диапазоне» [7, с. 193].

Большое значение придавалось проработке идеологической составляющей исправительно-карательного воздействия. Например, при реализации прогрессивной системы учитывались не только криминологически значимые критерии (например, криминальный профессионализм осужденных), но и так называемые классовые, которые выступают предметом весьма резкой критики со стороны ряда исследователей [1, с. 41; 9, с. 616, 618].

Так, статья 101 Кодекса закрепляла следующее корневое требование к реализации прогрессивной системы: «При переводе из одного разряда в другой различаются три категории заключенных: первая категория – подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией (ст. 47, п. 4); вторая категория – профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не принадлежат к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов; третья категория – все остальные заключенные, которые не отнесены ни к первой, ни ко второй категориям».

Ведь в учебных работах 20-х годов XX столетия первоначально обращалось внимание именно на классовое начало пенитенциарной политики.

В частности, в известном учебном пособии Евсея Густавовича Ширвиндта и Бориса Самойловича Утевского в параграфе 3 «Классовое начало в пенитенциарной политике» первой главы указывается, что применительно к ИТК РСФСР 1924 года «классовый характер нашей пенитенциарной политики вполне соблюден в нем и притом без упущения из виду исправительно-трудовых целей в отношении вообще всех категорий заключенных» [10, с. 16].

В этом аспекте Кодекс демонстрирует великолепный образец гармоничной встроенности его положений в общую архитектуру законодательства рассматриваемого периода в частности и политическую идеологию в целом, свидетельствует о переходе к исправительно-трудовым постулатам в пенитенциарной деятельности. Соответственно, именно ИТК РСФСР 1924 года положил практическое начало отказа от тюремной модели обращения с осужденными. В этой связи представляется уместным привести мнение С. К. Гогеля, который в 1906 году писал следующее: «тюремное заключение будет еще долго занимать видное место в лестнице наказаний, в виду крайней затруднительности выработать... новые меры борьбы с преступностью» [3, с. 496]. Данные «новые меры» как раз и содержал исследуемый нами кодифицированный правовой акт.

В продолжение поднятому вопросу нельзя не обозначить положение, которое содержалось в статье 4 Кодекса, согласно которому «исправительно-трудовое воздействие на заключенных в целях полного и действительного его осуществления должно проводиться путем дальнейшего усовершенствования и максимального развития, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем». Остальные положения Кодекса во многом планомерно развивают

указанный нормативный постулат. Можно резюмировать, что принятие ИТК РСФСР 1924 года привело к эпилогу тюремного права. Ведь положения рассматриваемого правового акта были ориентированы на колониально-отрядную модель размещения осужденных, причем не только в сети трудовых сельско-хозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, но и даже в переходных исправительно-трудовых домах.

В Кодексе прямо не обозначались принципы реализации исправительно-трудового законодательства, но фактически он содержал подобные положения.

Так, в статье 6 закреплялась следующая правоустанавливающая идея: «Содержание в исправительно-трудовых учреждениях, стремясь к целесообразному влиянию на заключенного и укреплению тех черт его характера и навыков, которые могут удерживать от дальнейших преступлений, должно быть целесообразно и не должно иметь целью причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства». По сути, отмеченная нормативная установка отражает принцип целесообразности, который до сих пор не вошел в состав принципов, закрепленных в статье 8 УИК РФ. Ведь, по справедливому мнению С.М. Савушкина, данная идея относится к числу принципов, «которые могут быть включены в систему принципов уголовно-исполнительного законодательства» [6, с. 66].

Обращаясь к конкретным структурным положениям Кодекса следует остановиться на правовом регулировании режима исправительно-трудовых учреждений.

Так, статья 48 главы I «Основы режима в исправительно-трудовых учреждениях» третьего отдела предусматривала, что «режим в местах заключения основывается на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительской работы». По справедливому мнению С. Н. Смирнова данное положение указывает на «необхо-

димость рационального сочетания всех элементов системы средств исправления, не подчеркивая (как это было раньше) незыблемый приоритет одного из них (труда) над другими» [8, с. 41]. Причем культурно-просветительской работе посвящалась глава III, содержащая существенный объем норм относительно видов такой работы, ее содержанию, детальным требованиям к заведующему учебно-воспитательной частью, учителю и учителю-воспитателю, задач культурно-просветительской комиссии.

При этом обращает внимание предельная точность и понятность соответствующих положений.

В частности, в статье 99 Кодекса закреплялось абсолютно однозначное и подкрепленное конкретной целью положение: «В целях устранения вредного влияния недостаточно подвижного образа жизни заключенных, руководители внешкольных занятий организуют регулярные занятия гимнастикой для всех здоровых заключенных». Более того, Кодекс практически не содержит оборотов исключительно декларативного или расширительного толкования, что является крайне выигрышным подходом с точки зрения законотворческой техники по сравнению с действующим уголовно-исполнительным законодательством.

Например, часть 1 статьи 110 УИК РФ содержала следующее положение, обладающее обозначенными недостатками: «В исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению».

Ведь указание на «иное воспитание» как раз говорит о неконкретном и расширительном толковании этой нормы, а такой признак как «способствующее» свидетельствует о неопределенно перестраховочном заявлении законодателя о связи указанных видов воспитания осужденных с их исправлением.

Необходимо обратиться к отдельным положениям главы II «Работы заключенных, их цели, характер» третьего отдела.

Так, в статье 51 Кодекса указывалось, что «занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью».

По сути, данное положение претворяет трудовую ресоциализацию осужденных, основанную на получении должных социально значимых трудовых навыков.

Данный опыт крайне интересен с позиций принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Ведь такая разновидность пробации как постпенитенциарная начинает реализовываться только с 1 января 2025 года, что обуславливает потребность всемерного анализа исторического опыта социальной адаптации и трудовой ресоциализации осужденных.

В свою очередь статья 63 Кодекса закрепляла, что «администрация места заключения, заботясь о наиболее рациональной постановке производства, должна добиваться возможно лучшего с технической стороны качества вырабатываемого продукта и наибольшей производительности, а со стороны профессиональной – приобретения заключенными профессиональных навыков и знаний».

В этой норме проявляется гармоничное сочетание требований к производству качественной продукции и трудовому профессионализму самих осужденных.

Безусловно, это объективно рациональное законодательное решение, которое являлось не только результатом существующих на тот исторический период времени экономических вызовов и реалий, но и крайне перспективным эталоном должного развития пенитенциарной систе-

мы современной России.

В Кодексе делается попытка систематизировать элементы правового положения заключенных. Осуществлено это было посредством закрепления ряда прав и обязанностей лиц, отбывающих лишение свободы и принудительные работы без содержания под стражей, в различных главах ИТК РСФСР. 1924 года. По этому поводу в специально проведенном исследовании верно указывается, что с принятием Кодекса «видно четкое намерение законодателя ознакомить каждого осужденного с правами и обязанностями, которыми он обладает, находясь в местах лишения свободы» [11, с. 148-149].

Логическим продолжением обозначенных положений выступали нормы, сосредоточенные во второй главе Кодекса, которые фиксировали цели, содержание и организацию работ заключенных, а также определяли еще такое средство исправления как профессиональная подготовка. Более того, данное средство исправления предполагало не только обеспечение производства квалифицированными кадрами, но и, согласно статье 65 ИТК РСФСР 1924 года, цель «приобрести большой навык в тех видах труда, которые всего лучше могут обеспечить их по выходе на свободу».

В Кодексе была заложена нормативная основа развития самостоятельных организаций осужденных. Для современного этапа исполнения уголовных наказаний вопрос о характере, формах и организационно-юридической значимости самостоятельных организаций осужденных не закрыт. Поэтому ранний опыт их функционирования представляет значительный не только научно-познавательный, но и практический интерес и значение.

Реальные установки Кодекса на широкомасштабное привлечение общественности к обеспечению исправительного воздействия на осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, привело к

созданию в 1925 году наблюдательных комиссий, которые стали функционировать в тесной связке с распределительными комиссиями.

Вызывает внимание достаточно детальное закрепление порядка применения оружия, который закреплялся в восьмом разделе Кодекса (статьи 215-221). Причем некоторые из положений фактически послужили нормативными образцами для формирования соответствующих правил в последующих правовых актах. Например, статья 217 ИТК РСФСР 1924 года предусматривала следующее требование: «В случае буйства, беспорядков и сопротивления заключенных, применение оружия допускается лишь по распоряжению начальника места заключения и лица, его заменяющего, в качестве крайней меры, если все другие средства, даже употребление силы, окажутся недостаточными».

В свою очередь, второй абзац пункта 24 Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР 1958 года закреплял во многом схожее правило, в соответствии с которым при нападении «заключенных на работников исправительно-трудовых коло-

ний, тюрем и других лиц, угрожающего жизни последних, а также побега заключенных, если другими способами не представляется возможным предотвратить эти действия, в установленном порядке может применяться оружие».

Таким образом, положения Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года однозначно не являются нормативными рудиментами, но остаются крайне актуальными, «живыми», требующими своей научной ревизии и в настоящее время нормами.

Кодекс, с одной стороны, заложил фактические основы дальнейшего поступательного развития исправительно-трудового и затем уголовно-исполнительного законодательства, предопределил вектор всей архитектуры изложения юридических установлений по исправительному воздействию, с другой стороны, «поставил точку» на покамерно-тюремной модели размещения осужденных со всеми вытекающими из этого организационно-правовыми последствиями и концептуальными установками нового законодательства в области обращения с лицами, отбывающими уголовные наказания.

Литература

1. *Гаманенко Л.И.* Сравнительный анализ ИТК РСФСР 1924 г. современным уголовно-исполнительным законодательством РФ // Современные проблемы уголовно-правовой охраны экономических отношений: сборник материалов круглого стола в рамках X Пермского конгресса ученых-юристов. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 37-41.
2. *Гаранжа С.А.* Изменение исправительно-трудовой политики советского государства в конце 20-х гг.: причины, сущность, итоги // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 4. С. 108-119.
3. *Гогель С.К.* Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения: собрание исследований. С-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1906. 649 с.
4. *Жилкин М.Г., Чуканова Е.С.* К 100-летию Всероссийского съезда работников пенитенциарного дела в Москве (18-24 октября 2024 года) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 2. С. 7-13.
5. *Кашоиды В.В.* Исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы // Общество и право. 2014. № 2. С. 87-93.
6. *Савушкин С.М.* Принципы дифференциации осужденных к лишению свободы //

Вестник Кузбасского института. 2018. № 1. С. 65-73.

7. *Санташов А.Л.* Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3. С. 191-194.

8. *Смирнов С.Н.* Рациональность применения основных средств исправления к осужденным, лишенным свободы, по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 2. С. 41-44.

9. *Упоров И.В., Трачук А.А.* Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников в нормах ИТК РСФСР 1924 года // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 615-620.

10. *Ширвиндт Е., Утевский Б.* Советское пенитенциарное право. М.: Юрич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

11. *Юнусов А.А.* Ретроспективный анализ обязанностей осужденных к лишению свободы в России в период XX-XXI вв. / А.А. Юнусов, А.Г. Ахвердян, Л.Е. Прихожая // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 3. С. 146-152.

References

1. *Gamanenko L.I.* Sravnitel'nyj analiz ITK RSFSR 1924 g. sovremennym ugolovno-ispolnitel'nyim zakonodatel'stvom RF // Sovremennye problemy ugolovno-pravovoj ohrany ekonomicheskikh otnoshenij: sbornik materialov kruglogo stola v ramkah X Permskogo kongressa uchenyh-yuristov. Perm': Permskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2019. S. 37-41.

2. *Garanzha S.A.* Izmenenie ispravitel'no-trudovoj politiki sovetskogo gosudarstva v konce 20-h gg.: prichiny, sushchnost', itogi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2010. № 4. S. 108-119.

3. *Gogel' S.K.* Voprosy ugolovnogo prava, processa i tyur'movedeniya: sobranie issledovanij. S-Peterburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1906. 649 s.

4. *Zhilkin M.G., Chukanova E.S.* K 100-letiyu Vserossijskogo s"ezda rabotnikov penitenciarного дела v Moskve (18-24 oktyabrya 2024 goda) // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2023. № 2. S. 7-13.

5. *Kashoida V.V.* Istoricheskie aspekty razvitiya v Rossii instituta kon-stitucionnyh prav osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Obshchestvo i pravo. 2014. № 2. S. 87-93.

6. *Savushkin S.M.* Principy differenciacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 1. S. 65-73.

7. *Santashov A.L.* Differenciaciya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih po ITK RSFSR 1924 i 1933 gg. // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2007. № 3. S. 191-194.

8. *Smirnov S.N.* Racional'nost' primeneniya osnovnyh sredstv ispravleniya k osuzhdennym, lishennym svobody, po ITK RSFSR 1924 i 1933 gg. // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2007. № 2. S. 41-44.

9. *Uporov I.V., Trachuk A.A.* Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih prestupnikov v normah ITK RSFSR 1924 goda // Zаметки ученого. 2021. № 5-1. S. 615-620.

10. *Shirvindt E., Utevskij B.* Sovetskoe penitenciarное право. М.: Yuridich. izd-vo NKYu RSFSR, 1927. 276 s.

11. *Yunusov A.A.* Retrospektivnyj analiz obyazannostej osuzhdennyh k lisheniyu svobody v Rossii v period XX-XXI vv. / A.A. Yunusov, A.G. Ahverdyan, L.E. Prihozhaya // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2022. № 3. S. 146-152..

Сведения об авторах

Тепляшин Павел Владимирович: Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор. E-mail: pavlushat@mail.ru.

Сорокун Павел Владимирович: Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Российская Федерация), заведующий кафедрой правовых и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: pavel_istoria@list.ru.

Information about the authors

Teplyashin Pavel Vladimirovich: Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation), Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Doctor of Law, Professor. E-mail: pavlushat@mail.ru.

Sorokun Pavel Vladimirovich: Achinsk Branch of Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation), Head of the Department of Legal and Socio-Economic Disciplines, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: pavel_istoria@list.ru.

УДК 343.8

В. А. Уткин

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР 1924 ГОДА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

В работе освещаются предпосылки разработки и принятия первого отечественного законодательного акта об исполнении наказаний – Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года. Анализируется ряд его положений, не утративших значимости не только в историческом аспекте, но и с точки зрения современных проблем уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и уголовно-исполнительного законодательства. Отмечаются комплексный характер Кодекса, его общая гуманистическая направленность, детальность правового регулирования отбывания наказания. Обращается внимание на предусмотренный ИТК РСФСР 1924 года порядок распределения осужденных по видам исправительно-трудовых учреждений, а также закрепленная им оригинальная прогрессивная система отбывания лишения свободы. Особое значение имеет отраженный в нормах Кодекса опыт правового регулирования постепенитенциарной помощи освобожденным из мест лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, история уголовно-исполнительной системы, Исправительно-трудовой кодекс 1924 года, наказание, исполнение наказаний.

© Уткин В.А., 2024

© Utkin V.A., 2024

V. A. Utkin

THE CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924: A LOOK THROUGH THE CENTURY

The article highlights the prerequisites for the development and adoption of the first national legislative act on the execution of punishments – the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. A number of its provisions are analyzed, which have not lost their significance not only in the historical aspect, but also from the point of view of modern problems of the penal enforcement system of the Russian Federation and penal enforcement legislation. The complex nature of the Code, its general humanistic orientation, and the detail of the legal regulation of serving a sentence are noted. Attention is drawn to the procedure provided for by the CLC of the RSFSR of 1924 for the distribution of convicts by types of correctional labor institutions, as well as the original progressive system of serving imprisonment fixed by it. Of particular importance is the experience reflected in the norms of the Code of the legal regulation of post-penitentiary assistance to those released from prison.

Keywords: the penal enforcement system of the Russian Federation, the history of the penal enforcement system, the Correctional Labor Code of 1924, punishment, execution of punishments.

*«Он является законодательным
памятником Советской власти, который
войдет в историю человечества».*
Исаев М.М. Основы пенитенциарной
политики (М.-Л. 1927.С. 196).

*«Представлять себе всемирную историю
идущей гладко и аккуратно вперед,
без гигантских иногда скачков назад,
недиалектично, ненаучно,
теоретически неверно».*
Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 30. С. 6

История не знает сослагательного наклонения. Она распорядилась так, что отечественная уголовно-исполнительная система 20-х – 50-х годов прошлого века в общественном сознании прочно ассоциируется с ГУЛАГом.

«Тень ГУЛАГа» препятствует формированию позитивного облика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, и преодоление его наследия до сей поры представляет собой неотъемлемое сущностное направление ее реформирования [12, с 3].

Последнее, помимо прочего, долж-

но основываться на более широком, объективном и многоаспектном историческом взгляде на историю пенитенциарных учреждений нашей страны [9].

В этой связи неоспоримо значение Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года как первого законодательного акта такого рода не только в отечественной истории, но и в мире.

«Большое видится на расстоянии», и столетие дает прекрасный повод обратиться к основным положениям Кодекса, ряд из которых не только примечательны в историко-познавательном плане, но и со-

звучны современным проблемам российской уголовно-исполнительной системы.

Исторические условия и этапы принятия ИТК РСФСР 1924 года уже освещались в литературе [1; 2, с. 69-76; 13, с. 75-80; 40]. Отметим лишь то важное обстоятельство, что к моменту его появления места лишения свободы в стране не составляли единой системы.

Заключенные, признанные наиболее опасными для Советской власти, со времен Гражданской войны содержались в лагерях принудительных работ или концентрационных лагерях (причем поначалу во многих случаях – с приговорами «до конца Гражданской войны» или «до победы Мировой революции»).

Такие лагеря находились в ведении ВЧК – ОГПУ – НКВД РСФСР [19] и были, по словам Б. С. Утевского, «типичными органами подавления, в которых ... принудительным трудом, в строгой трудовой дисциплине искупают свою вину ... заведомые угнетатели и эксплуататоры народного труда и приверженцы буржуазного и царско-дворянского строя» [39, с. 87].

Прочие отбывали лишение свободы в «общих местах заключения», управляемых Народным комиссариатом юстиции РСФСР [24]. В октябре 1922 года все места заключения были сосредоточены в ведении НКВД РСФСР [20], но различия между ними сохранялись.

Подготовка к кодификации исправительно-трудового законодательства велась в тесной связи с практикой исполнения наказаний и преимущественно практиками. Уже в декабре 1922 года Циркуляром Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР начальникам исправительно-трудовых учреждений на местах было предписано внести предложения в будущей закон об исполнении наказаний¹.

В Циркуляре от 31 января 1923 года

ГУМЗ изложило основные положения предполагавшегося законодательства. Они были обсуждены в июле того же года на Первом Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела, который в целом одобрил проект Кодекса.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР был принят после доклада о нем руководства НКВД на Второй сессии ВЦИК РСФСР XI созыва, проходившей с 10 по 16 октября 1924 года [30]. Вопросам реализации его на практике был посвящен Второй Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела, проходивший с 25 ноября по 1 декабря 1924 года.

Сопоставляя приведенные выше даты и учитывая время принятия Уголовного кодекса РСФСР, нельзя не подивиться оперативности разработчиков проекта ИТК.

УК был принят в 1922 году, и в ноябре того же года в него было внесено изменение, согласно которому «руководство по исполнению приговоров к лишению свободы и принудительных работ возлагается на ГУМЗ ... НКВД» [21].

И через месяц ГУМЗ издало упомянутый выше циркуляр для сбора предложений в проект, а закон был принят менее чем через два года. Вспомним, что общесоюзные Основы исправительно-трудового законодательства были приняты лишь в 1969 году, то есть более чем через десять лет после Основ уголовного законодательства (1958 год).

При всем при том, что разработка ИТК велась в сложнейшей экономической и социально-политической обстановке классовой борьбы и ожесточенных внутрипартийных дискуссий после завершения Гражданской войны в условиях перехода к НЭПу, когда даже сама необходимость права как социального регулятора нового общества подвергалась сомнению.

¹ Поначалу его предполагалось именовать «Пенитенциарным уставом», видимо, по аналогии с царским Уставом о содержании под стражей, но, видимо, именно эта аналогия стала для такого названия губительной.

Многим были созвучны слова одного из видных большевиков Е. Б. Пашуканиса, что «право как совокупность норм ... есть не более как безжизненная абстракция» [23, с. 43]. Поэтому, как писал впоследствии Б. С. Утевский, «не сразу привилась советскому правосознанию мысль о необходимости регулировать исправительно-трудовое дело не ведомственными циркулярами, зачастую противоречивыми и притом необязательными для других ведомств, а специальными законодательными актами наравне с иными кодексами – Уголовным, Гражданским и другими» [37, с. 40].

Заслуживает внимания попытка авторов Проекта урегулировать исполнение предусмотренных им наказаний на законодательном уровне максимально подробно.

ИТК РСФСР регулировал исполнение лишь двух наказаний – лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей.

Принудительным работам непосредственно были посвящены 23 статьи (23-45), а лишению свободы – 181 (46-226). Заметим, что в действующем Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации исполнение исправительных работ регламентируется лишь 18 статьями (39-46), а лишения свободы – 70 статьями (24, 73-142).

В итоге остается неоправданно много места за отмеченными Б. С. Утевским «ведомственными циркулярами».

Примечательно и то, что ИТК, по сути, носил комплексный характер, устанавливая одновременно с регламентацией исполнения лишения свободы и принудительных работ основы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания.

Отдел первый Кодекса именовался «Центральные и местные органы исправительно-трудового дела», подобно тому, как это закреплено в действующем Законе Рос-

сийской Федерации от 21 июля 1993 года «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Учитывая существовавшую на то время «параллельную» систему пенитенциарных учреждений – лагерей принудительных работ, весьма радикальной и нацеленной на перспективу была формулировка статьи 5 Кодекса, что «**все места заключения РСФСР** составляют единую систему исправительно-трудовых учреждений с различными видами режима (*выделено мной. – В.У.*)».

Лагерей среди мест заключения ИТК РСФСР 1924 года не предусматривал.

Такая тенденция «нормализации» проявилась впоследствии и в том, что Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля 1925 года было отменено упомянутое Постановление ВЦИК 1919 года «О лагерях принудительных работ»² [33]. И не кто иной, как А. Я. Вышинский в 1925 году писал, что «центр нашей карательной политики в условиях 1924-1925 г.г. ... уже давно передвинулся, борьба с контрреволюционными преступлениями почти вовсе исчезла из практики наших судов ... Наша система борьбы с преступлениями все больше и больше теряет свой карательный характер и усваивает такие черты, которые ... соответствуют названию Кодекса ... как Исправительно-трудового [7, с. 622]».

Это находило подтверждение в статистике мест лишения свободы, которая в тот период еще не была закрытой.

Судя по данным НКВД РСФСР, общее число заключенных, подведомственных ГУМЗ, в конце 1924 года составляло 102 989 человек, включая подследственных. При этом доля осужденных за государственные преступления составляла всего 3,2 % и неизменно снижалась³. Основную массу составляли осужден-

² Но некоторое количество лагерей особого назначения оставалось в ведении ОГПУ СССР.

³ По данным переписи мест заключения в конце 1926 года осужденных за контрреволюционные преступле-

ные за имущественные преступления (40-44%) [43].

Среди осужденных преобладали крестьяне (51 %).

22 % «указали на рабочее происхождение, но являются деклассированным элементом»⁴; 10,7 % – служащие; 3 % – представители «неопределенных и неизвестных профессий» и 2,5 % – «нетрудовой элемент».

Среди них 14,5 % неграмотных, 35,6 % малограмотных.

Основная масса осужденных (47,3 %) имела сроки лишения свободы от года до пяти лет; от шести месяцев до года – 19,8 %; до шести месяцев – 18,5 %; от пяти до десяти лет – 14,4 % [45, с. 50].

В момент принятия ИТК РСФСР 1924 года действовал Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году.

В первоначальной его редакции он предусматривал «наказания и другие меры социальной защиты» (ст. 8). Статья 32 закрепляла виды наказаний, в том числе, лишение свободы и принудительные работы без содержания под стражей. Однако в октябре 1924 года Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик заменили понятие наказания «мерами социальной защиты» [29]. Поэтому ИТК уже не упоминает о наказаниях, говоря о «применении мер социальной защиты» (ст.7). Отказался от понятия наказания и Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года.

Мнения ученых и практиков здесь были неоднозначны. Большинство усматривали в этом радикальную меру.

«Отказ от понятия «наказание», – писал А. Эстрин, – не означает для нас простой терминологической замены слова «наказание» словами «мера соци-

альной защиты». В этом отказе выразился разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми юридическим фетишизмом уголовно-правовыми построениями и содержащимися в них критериями построения уголовной репрессии» [48, с. 912; 22]. По мнению других, «в результате «отмены наказания» получились очень радикальные терминологические реформы, которые никак не повлияли на сущность репрессии» [32, с. 92].

С последним суждением едва ли можно согласиться, хотя бы потому, что меры социальной защиты стало возможным применять не только в отношении лиц, совершивших конкретные общественно опасные деяния, но и по их «связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности» (ст. 7 УК РСФСР в редакции 1926 года). Но сущностное влияние новой терминологии на содержание ИТК РСФСР 1924 года не просматривается.

Как отмечалось в литературе тех лет, ввиду недостаточной разработанности теории «рядом с нормами юридическими, заключающими в себе определенные предписания по отдельным вопросам, в нем помещены постановления декларативного характера, не предписывающие, а разъясняющие и указывающие, в чем состоят основные начала карательной политики Советской власти в местах заключения» [16, с. 72].

В этом плане большое значение имела бурная дискуссия о пределах постановления и о содержании цели исправления при исполнении лишения свободы, которая возникла уже в первые годы Советской власти в связи с декларируемым классовым подходом [28].

Как отмечал в 1924 году в докладе на V Всероссийском съезде деятелей юстиции один из руководителей НКЮ

ния было всего 1.3 % [38, с. 37].

⁴ По-видимому, преступление автоматически переводило осужденного-рабочего в статус « деклассированного элемента». Не случайно графа «рабочие» в этой статистике отсутствует. А вот среди отбывающих лишение свободы в Москве в 1924 году рабочих было 35,7 % [31, с. 71].

Н.Ф. Нахимсон, «классовый подход есть, но уменья разрешить вопрос с точки зрения классового принципа, этого уменья у нас еще нет ... Если перед нами рабочий, если перед нами крестьянин, то мы, конечно, должны и будем говорить об исправлении его трудовым воздействием, но если перед нами представитель противного лагеря, то здесь может идти речь только об изоляции социально-опасного элемента» [26].

Наиболее активным сторонником такой позиции выступал руководитель НКЮ Н. И. Крыленко. «Все ли категории преступников вообще могут быть объектом исправления? – ставил он вопрос на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей в 1928 году, – Конечно, нет. Те, которые осуждены на краткие сроки, заведомо нет, но из тех, кто осужден на длительные сроки, – тоже далеко не все, как, скажем, рецидивисты, которые, как показывает опыт, не поддаются исправлению» [15, с. 1528].

Истории, порой, свойственно повторяться.

В 2009 году на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации Министр юстиции А. В. Коновалов поставил вопрос о раздельном содержании «тех, кто пригоден к ресоциализации», и «по настоящему криминализированного контингента» [27, с. 6]. Такой подход нашел отражение и в первоначальном варианте Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [14], что вызвало резкую критику. В результате в последующей редакции 2015 года это положение из Концепции было изъято.

Тезис о принципиальной несправимости отдельных категорий преступников вызывал серьезные возражения и в период, предшествовавший кодификации 1924 года, причем как с общегуманисти-

ческих, так и с классовых позиций. Еще в 1918 году видный советский юрист Я. Берман, полемизируя с Л. А. Саврасовым, отмечал, что «бесмысленно спекулянта исправлять теми же мерами, какими исправляли или будут исправлять или лечить обыкновенных преступников. Но это не значит, что нет никаких форм исправительных наказаний хотя бы даже и для спекулянта» [4, с.47].

Один из наиболее авторитетных отечественных пенитенциаристов «старой школы» профессор С. В. Познышев в этой связи писал, что «уголовное право не знает неисправимых, а знает лишь неисправленных» [25, с. 36]. Как отмечал позднее другой представитель «старой школы», профессор И. Малиновский, «если бы эти безнадежные голоса восторжествовали, то пришлось бы рядом с проектом ИТК составить другой проект карательного кодекса, создавать особые места заключения для безнадежных, неисправимых преступников» [16, с. 63]. При всем при том сторонникам этой точки зрения все время приходилось «оправдываться» утилитарной, сугубо прагматичной трактовкой исправления. «Это воздействие, – писал П. В. Верховской, – не имеет в виду их «исправить» в прежнем смысле слова. Оно надеется их только «приспособить» к среднему типу солидарного со всеми трудящегося человека, и эта задача оказывается гораздо ближе к осуществлению как посильная для человека» [6, с. 23].

Как отмечалось позднее на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей, идея исправления «в ее реальном смысле ... вполне соответствует задачам, которые ставятся лишению свободы в переходную эпоху ...» [11, с. 2], а ««исправление» в советском понимании этого термина есть не переделка и перерождение человека, а приспособление к трудовому обществу» [46, с. 6].

Данные обстоятельства вкупе с остротой и политизированностью упо-

мянутой дискуссии привели к тому, что в **Исправительно-трудовом** кодексе об «исправлении» осужденных как цели наказания (меры социальной защиты) не упоминается. Сказано лишь, что исправительно-трудовые учреждения, в частности, создаются «для приспособления преступника к условиям общежития» (ст.3) путем «укрепления тех черт его характера и навыков, которые могут удерживать от дальнейших преступлений» (ст.6).

Хотя далее статья 83 определяет задачу культурно-просветительной работы как «поднятие интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеобразовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомления с основами Советского строя и правами и обязанностями гражданина Союза ССР».

В свете поправок к Конституции России 2020 года вряд ли можно отрицать, что и спустя столетие эта задача выглядит вполне современно.

Ряд концептуальных положений и конкретных норм ИТК брали начало в Положении об общих местах заключения 1920 года. Например, цели деятельности исправительно-трудовых учреждений. Содержание статьи 51 о целях труда заключенных текстуально воспроизводило параграф 111 Положения 1920 года, а статьи 52 и 54 соответствовали параграфам 113 и 116.

В силу этого авторы проекта не избежали упреков в «либерализме» [17; 42, с. 955]. В дальнейшем идеологическая подоплека и политический «вес» таких обвинений сказались на судьбе отдельных участников разработки ИТК.

При всем при том многие нормы Кодекса и спустя столетие не утратили актуальности, а некоторые аналогичные предложения вызывают дискуссии в современной пенитенциарной науке.

Предусмотренная ИТК РСФСР 1924 года система мест заключения была довольно сложной.

Следуя предписаниям Уголовного кодекса (статьи 20-26 УК РСФСР 1922 года), ИТК разделял их на учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера (дома заключения; исправительно-трудовые дома; трудовые колонии – сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные; изоляторы специального назначения; переходные исправительно-трудовые дома), мер социальной защиты медико-педагогического характера и мер социальной защиты медицинского характера (ст. 46 ИТК РСФСР 1924 года).

Заслуживает внимания порядок определения осужденным видов исправительно-трудовых учреждений.

УК РСФСР 1922 года (в редакции 1926 года) среди «мер социальной защиты судебно-исправительного характера» предусматривал «лишение свободы со строгой изоляцией» (п. «б» ст. 20 УК РСФСР 1922 года) и «лишение свободы без строгой изоляции» (п. «в» ст. 20 УК РСФСР 1922 года), однако оснований и порядка назначения конкретных видов учреждений не устанавливал и не относил это к ведению суда.

Перечень учреждений «мест заключения» определялся статьей 46 ИТК РСФСР 1924 года, а критерии распределения – статьей 47. К примеру, «приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией лица, не принадлежащие к классу трудящихся и совершившие преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов, а равно лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для Республики или переводимые в порядке дисциплинарного взыскания», должны были направляться в изоляторы специального назначения.

Распределение осужденных по местам заключения возлагалось на распределительные комиссии при губернских (областных) инспекциях мест заключения, председателями которых были представи-

тели губернских рабоче-крестьянских инспекций, а их заместителями – губернские инспектора мест заключения (статьи 13, 14 ИТК РСФСР 1924 года). Помимо этого, к ведению комиссий был отнесен широкий круг вопросов, включая перевод заключенных из одного разряда в другой, зачет рабочих дней и условное и безусловное освобождение заключенных (ст. 16 Кодекса). Кроме того, распределительные комиссии были вправе ходатайствовать перед судами о продлении срока заключения в отношении несовершеннолетних, «не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия ими срока назначенной судом меры социальной защиты».

Наряду с распределительными комиссиями Кодексом были предусмотрены наблюдательные комиссии, причем не одна на регион, как в настоящее время, а при каждом месте заключения. В состав каждой наблюдательной комиссии включался представитель бюро профессиональных союзов (ст. 19 ИТК РСФСР 1924 года).

Исходя из необходимости «устранения вредного влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных» (ст.8), Кодекс устанавливал классификацию отбывающих лишение свободы заключенных по категориям и разрядам, – начальному, среднему и высшему (ст. 100).

При этом отбывание лишения свободы должно было быть организовано по «прогрессивной системе, соответственно которой заключенные подвергаются различному режиму, для чего они распределяются по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях» (ст. 7).

Перевод заключенных второй и третьей категории из одного разряда в другой возлагался на губернские распределитель-

ные комиссии, а перевод заключенных первой категории, подлежащих лишению свободы со строгой изоляцией, – на ГУМЗ РСФСР.

Серьезной проблемой исполнения лишения свободы в рассматриваемый период оставались побеги заключенных. Если накануне Февральской революции из царских тюрем ежегодно бежали 0,7-0,8 % заключенных, то в 1923 году – 8,3%.

За время с 1 апреля по 1 июля 1924 года бежало 1 232 заключенных. В двенадцати случаях побеги сопровождались насилием над стражей, в 43 – подкопами, проломами и т.д. [9].

Между тем, исправительно-трудовое и уголовное законодательство двадцатых годов относилось к побегам довольно либерально. Оригинальным было уже само существование в ИТК РСФСР специального Отдела седьмого «Побеги заключенных».

Статья 212 устанавливала, что «за самовольное оставление лишенным свободы места заключения, не сопряженное со взломом, подкопом или насилием, он подвергается дисциплинарным взысканиям». Только побег, покушение на побег, «учиненные посредством насилия над стражей, подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т. п., а равно побег из-под стражи при сопровождении» были основаниями «возбуждения дела в судебном порядке» (ст. 213). Но статья 82 УК РСФСР 1922 года предусматривала наказание за такое деяние без насилия над стражей лишь лишение свободы до одного года. При насилии преступление квалифицировалось по совокупности.

Свыше тридцати статей ИТК РСФСР 1924 года (статьи 51-81) посвящены правовому регулированию труда заключенных (тогда как в действующем УИК РФ их имеется только пять).

При назначении вида труда начальник должен был руководствоваться «склонностью заключенного к тому или

другому виду труда, его познаниями, прежними занятиями, состоянием его здоровья и возможностью для него применить, по выходе из места заключения, приобретенные знания, а также указаниями судебного приговора» (ст. 54). Конечно, это лишь законодательная формулировка, но сравним ее с аналогичной современной (ч. 1 ст. 103 УИК РФ): «Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест».

Особо продуктивный труд осужденных из среды трудящихся мог быть поощрен зачетом двух дней работы за три дня срока лишения свободы по постановлению распределительной комиссии (ст. 52). Дискуссия о возможности возврата «зачета рабочих дней», например, при работе осужденных за Полярным кругом и в иных сложных климатических и природных условиях, не утратила актуальности и поныне.

В свете проблемы оптимального соотношения общих и специальных оснований привлечения осужденных к труду заслуживает внимания подход законодателя к условиям труда осужденных.

В статье 57 ИТК РСФСР 1924 года эти условия определялись не в общем виде (ч. 1 ст. 104 УИК РФ), а со ссылкой на конкретные нормы Кодекса законов о труде. Причем контроль за соблюдением КЗоТ возлагался не только на специальные органы (руководство системой мест заключения, прокуратуру) но и на санитарную и техническую инспекцию Народного комиссариата труда (НКТ). В экстренных случаях инспектора НКТ имели право издавать обязательные «распоряжения об устранении условий труда, непосредственно угрожающих жизни и здоровью заключенных» (ст. 81 ИТК РСФСР 1924 года).

Безусловным достоинством Кодекса была попытка дополнить исправи-

тельно-трудоу систему учреждениями, оказывающими различные виды помощи освобожденным (а не только «освобождаемым»). Согласно статье 10 ИТК РСФСР 1924 года такие учреждения должны были создаваться «для наиболее успешной борьбы с преступностью и предупреждения развития рецидива». Заметим, что в современный период сам термин «рецидив» как значимый для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации официально появился лишь спустя почти сто лет, когда в 2021 году в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в направления ее деятельности был включен «мониторинг рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывавшими наказание в местах лишения свободы».

Специальный Раздел десятый («Организация помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения») возлагал организацию такой помощи на ГУМЗ РСФСР и его местные органы «на основе широкого участия в ней советских, профессиональных и партийных органов» (ст. 229 ИТК РСФСР 1924 года). Для этого в каждой губернии предполагалась организация комитетов помощи освобождаемым из мест заключения, действующих на основании специального Положения.

В декабре 1924 года II Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела поставил вопрос о практической реализации норм Кодекса о помощи освобожденным из мест лишения свободы. В январе 1925 года НКВД РСФСР утвердил Положение о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них [5]. Помощь должна была осуществляться на основе «объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с нуждой, ведущей к повторной преступности».

Для решения этой задачи при Всероссийском и региональных комитетах помощи предусматривалось создание специальных денежных и материальных фондов за счет отчислений от прибыли предприятий мест заключения, субсидий государства и общественных учреждений, пожертвований и отчислений отдельных граждан, доходов от собственных предприятий и специально организуемых мероприятий

Был закреплён ряд конкретных форм помощи освобожденным со стороны комитетов. Многие из них не утратили актуальности и поныне. К примеру, «устройство бюро юридической помощи», «устройство специальных общежитий, столовых и ремесленно-производственных предприятий» [41].

В Правлении Всероссийского комитета помощи предполагалось представительство ВЦИК, НКЮ, ГУМЗ, НКВД, Наркомздрава и ВЦСПС. Правления местных комитетов строились по аналогичному принципу.

К сожалению, опыт отечественного нормативного регулирования постпенитенциарной помощи сегодня оказался не востребован. В том числе при разработке проекта Федерального закона «О probation в Российской Федерации»⁵. В двадцатые годы прошлого века данное направление исправительно-трудовой политики не получило широкого распространения в первую очередь из-за узости материальной базы комитетов помощи. Отчисления от прибыли предприятий мест заключения, которым принадлежала главная роль в формировании их фондов, не удовлетворяли их потребностей в силу сложного экономического положения самих предприятий. В 1925 году лишь половина осужденных была занята производительным оплачиваемым трудом [45, с. 1531].

Кризисное социально-экономическое положение в стране существенно ос-

ложняло реализацию многих принципиальных положений ИТК РСФСР 1924 года. Спустя четыре года с момента его принятия отмечалось, что «в течение четырех лет проведения в жизнь основ ИТК нам не удалось создать ни одного вполне законченного образца» предусмотренных им исправительно-трудовых учреждений [44, с. 25].

Радикально менялась и политическая обстановка в стране.

В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) было принято решение о всеобщей коллективизации крестьянства. Основной ее этап протекал в 1929-1930 годах, но уже само начало вызвало острое противодействие, охарактеризованное как «обострение классовой борьбы в деревне» и «правый уклон» в партии. Следствием стало расширение и ужесточение репрессий, а в области исполнения наказаний – отказ от тенденций «нормализации». Позднее тот же А. Я. Вышинский писал уже иначе: «Меры исправительно-трудового воздействия ... применимы лишь к трудящимся, если они притом не принадлежат к деклассированным и разложившимся элементам» [8, с. 55].

Линия на ужесточение режима в местах лишения свободы была четко выражена в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 25 марта 1928 года «О карательной политике и состоянии мест заключения» и была одобрена на Втором Всероссийском съезде административных работников [47, с. 4-9]. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 года в статьи 13 и 18 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик были внесены изменения, в соответствии с которыми лишение свободы на срок свыше трех лет должно было отбываться «в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР» [34]. Лишение свободы до трех лет – в «общих местах заключения» –

⁵ В рассматриваемый период данный институт именовался «патронатом», что, на наш взгляд, лучше передает его сущность как меры социальной помощи и опеки [18, с.3-4; 49, с.99].

исправительно-трудовых колониях.

Исправительно-трудовые лагеря до 1934 года находились в ведении ОГПУ СССР, а общие места заключения – в ведении НКВД союзных республик.

С принятием Постановления СНК СССР от 7 апреля 1930 года, утвердившего Положение об исправительно-трудовых лагерях [35], предмет правового регулирования ИТК РСФСР 1924 года сузился до исполнения лишения свободы сроком до трех лет и принудительных работ без содержания под стражей. По мнению ряда авторов, именно с этого момента в стране формируется всеобъемлющая лагерная система, обозначающая трагическую страницу ее истории [9, с. 193].

Не обошли репрессии и одного из активных авторов проекта ИТК РСФСР 1924 года, бывшего начальника ГУМЗ, Е. Г. Ширвиндта. В 1938 году он был осужден к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и отбывал срок в Краслаге. В 1947 году заключение ему было заменено на ссылку. После возвращения и реабили-

тации в 1955 году он занимался научной работой.

В связи с ликвидацией в декабре 1930 года наркоматов внутренних дел союзных республик общие места заключения были переданы в ведение НКЮ.

Последняя попытка «нормализации» в области исполнения наказаний выразилась в разработке по инициативе НКЮ и принятии в 1933 году ВЦИК и СНК РСФСР нового Исправительно-трудового кодекса РСФСР.

Однако с образованием в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года НКВД СССР, а в его структуре – Главного управления исправительно-трудовых лагерей и принудительных работ (ГУЛАГа) в его ведение были переданы все исправительно-трудовые учреждения и бюро принудработ народных комиссариатов юстиции союзных республик.

Поэтому ИТК РСФСР 1933 года, как и ранее ИТК РСФСР 1924 года, утратил предмет своего правового регулирования и юридическую силу.

Литература

1. *Артамонов В.П.* Из опыта первой кодификации исправительно-трудового законодательства // Проблемы развития исправительно-трудового законодательства. Саратов: изд-во Саратовского университета. 1961. С. 206-214.
2. *Артамонов В.П.* Наука советского исправительно-трудового права. М.: Академия МВД СССР. 1974. 130 с.
3. *Апетер И.* Новый ИТК // Советская юстиция. 1933. № 18. С. 1-2.
4. *Берман Я.* Наказание или исправление // Пролетарская революция и право. 1918. №№ 8-9-10. С. 46-54.
5. Бюллетень НКВД РСФСР. № 5 (145) от 4 февраля 1925 г.
6. *Верховской П.В.* Перспективы советской уголовной и пенитенциарной политики // Административный вестник. 1925. № 12. С. 23-25.
7. *Вышинский А.* Наша карательная политика // Рабочий суд. 1925. № 15-16. С. 620-623.
8. *Вышинский А.Я.* Суд и карательная политика Советской власти. М. 1934. 78 с.
9. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. М.: Юриспруденция. 2009. 301 с.
10. *Исаев М.М.* Основы пенитенциарной политики. М.-Л. 1927. 196 с.
11. Итоги I Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей // Административный вестник. 1928. № 12. С. 1-5.
12. *Калинин Ю.И.* Предисловие к изданию «Уголовно-исполнительная система.

130 лет». М.: Юриспруденция. 2009. С. 3-4.

13. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М.: Наука. 1977. 192 с.

14. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Распоряжением Правительства России от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

15. *Любарский И.* На I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей // Рабочий суд. 1928. № 20. С. 1525-1530.

16. *Малиновский И.* Карательная политика Советской власти и ИТК // Право и жизнь. 1925. № 1. С. 62-70.

17. *Меньшагин В.* Рецензия на книгу Б. С. Утевского «Как Советская власть исправляет преступников» // Советская юстиция. 1931. № 5. С. 28-29.

18. О комитетах помощи заключенным. Кызыл-Орда. 1927. 8 с.

19. О лагерях принудительных работ. Декрет ВЦИК РСФСР от 15 апреля 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.

20. О передаче всех мест заключения в ведение НКВД РСФСР. Постановление НКЮ и НКВД РСФСР от 12 октября 1922 г. // Сборник нормативных актов по истории советского исправительно-трудового права. М.: Госюриздат. 1059. С. 106.

21. Об изменениях и дополнениях УК РСФСР. Постановление 4 сессии ВЦИК РСФСР IX созыва. 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. №№ 72-73. Ст. 51.

22. Обращение к криминалистам-революционным марксистам // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 30. С. 1-12-1015.

23. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. М. 1924. 132 с.

24. Положение об общих местах заключения. Постановление НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 г. // СУ РСФСР. 1921. № 23-24. Ст. 141.

25. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М. 1923. 336 с.

26. Рабочий суд. 1924. № 15. С. 212-213.

27. Реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теоретическая модель. Москва-Рязань. АПУ ФСИН, НИИ ФСИН России. 2009. 63 с.

28. *Саврасов Л.А.* Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. 1918. № 5-6.

29. СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 105.

30. Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М.: Юридическое издание НКЮ РСФСР. 1927. С. 710-743.

31. *Сольц А., Файнблит С.* Революционная законность и наша карательная политика. М.: Московский рабочий. 1925. 122 с.

32. *Старосельский Я.В.* Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2. С. 83-105.

33. СУ РСФСР. 1925. № 24. Ст. 174.

34. СУ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.

35. СУ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

36. *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М. 1999. 448 с.

37. *Утевский Б.С.* ИТК УССР // Административный вестник. 1926. № 7-8. С. 40-45.

38. *Утевский Б.С.* Современная преступность по данным переписи мест заключения // Административный вестник. 1928. № 1. С. 37-39.

39. *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. М. 1934. 258 с.

40. Утевский Б.С. Развитие советской исправительно-трудовой политики // Труды ВШ МООП СССР. 1967. Вып. 16. С. 114-127.
41. Уткин В.А. Из истории становления советской системы постпенитенциарного воздействия // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск: изд-во ТГУ. 1988. С. 68-75.
42. Файнблит С. Либеральная болтовня // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 35. С. 955-956.
43. Халфин В.С. Население мест заключения РСФСР в 1924-1925 г.г. // Административный вестник. 1926. № 4. С. 17-21.
44. Шестакова А. О некоторых поправках к ИТК // Административный вестник. 1927. № 10. С.21-26.
45. Ширвиндт Е.Г. Пенитенциарное дело в РСФСР в 1924-1925 году // Ежедневник советской юстиции. 1925. №30. С.1529-1533.
46. Ширвиндт Е.Г. Больше внимания культурно-воспитательной работе // Административный вестник. 1928. № 7. С. 5-8.
47. Ширвиндт Е.Г. К итогам Съезда административных работников // Административный вестник. 1928. №6. С. 4-9.
48. Энциклопедия Государства и права. Под ред. П. Стучки. Т.Ш.М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР. 1925-1927. 1022 с.
49. Ю. Б. Советский патронат // Право и жизнь. 1925. 32-3. С. 99-103.

References

1. Artamonov V.P. Iz opyta pervoj kodifikacii ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva // Problemy razvitiya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. Saratov: izd-vo Saratovskogo universiteta. 1961. S. 206-214.
2. Artamonov V.P. Nauka sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava. M.: Akademiya MVD SSSR. 1974. 130 s.
3. Apeter I. Novyj IТK // Sovetskaya yusticiya. 1933. № 18. S. 1-2.
4. Berman Ya. Nakazanie ili ispravlenie // Proletarskaya revolyuciya i pravo. 1918. №№ 8-9-10. S. 46-54.
5. Byulleten' NKVD RSFSR. № 5 (145) ot 4 fevralya 1925 g.
6. Verhovskoj P.V. Perspektivy sovetskoj ugolovnoj i penitenciarnej politiki // Administrativnyj vestnik. 1925. № 12. S. 23-25.
7. Vyshinskij A. Nasha karatel'naya politika // Rabochij sud. 1925. № 15-16. S. 620-623.
8. Vyshinskij A.Ya. Sud i karatel'naya politika Sovetskoj vlasti. M. 1934. 78 s.
9. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema. 130 let. M.: Yurisprudenciya. 2009. 301 s.
10. Isaev M.M. Osnovy penitenciarnej politiki. M.-L. 1927. 196 s.
11. Itogi I Vsesoyuznogo soveshchaniya penitenciarnyh deyatelej // Administrativnyj vestnik. 1928. № 12. S. 1-5.
12. Kalinin Yu.I. Predislovie k izdaniyu «Ugolovno-ispolnitel'naya sistema. 130 let». M.: Yurisprudenciya. 2009. S. 3-4.
13. Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki. M.: Nauka.1977. 192 s.
14. Konceptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossii ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r.
15. Lyubarskij I. Na I Vsesoyuznom soveshchanii penitenciarnyh deyatelej // Rabochij

sud. 1928. № 20. S. 1525-1530.

16. *Malinovskij I.* Karatel'naya politika Sovetskoj vlasti i ITK // *Pravo i zhizn'*. 1925. № 1. S. 62-70.

17. *Men'shagin V.* Recenziya na knigu B. S. Utevskogo «Kak Sovetskaya vlast' ispravlyayet prestupnikov» // *Sovetskaya yusticiya*. 1931. № 5. S. 28-29.

18. O komitetah pomoshchi zaklyuchennym. Kyzyl-Orda. 1927. 8 s.

19. O lageryah prinuditel'nyh rabot. Dekret VCIK RSFSR ot 15 aprelya 1919 g. // *SU RSFSR*. 1919. № 12. St. 124.

20. O peredache vsekh mest zaklyucheniya v vedenie NKVD RSFSR. Postanovlenie NKYu i NKVD RSFSR ot 12 oktyabrya 1922 g. // *Sbornik normativnyh aktov po istorii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava*. M.: Gosyurizdat. 1059. S. 106.

21. Ob izmeneniyah i dopolneniyah UK RSFSR. Postanovlenie 4 sessii VCIK RSFSR IH sozyva. 11 noyabrya 1922 g. // *SU RSFSR*. 1922. №№ 72-73. St. 51.

22. Obrashchenie k kriminalistam-revoljucionnym marksistam // *Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii*. 1925. № 30. S. 1-12-1015.

23. *Pashukanis E.B.* Obshchaya teoriya prava i marksizm. M. 1924. 132 s.

24. Polozhenie ob obshchih mestah zaklyucheniya. Postanovlenie NKYu RSFSR ot 15 noyabrya 1920 g. // *SU RSFSR*. 1921. № 23-24. St. 141.

25. *Poznyshev S.V.* Osnovy penitenciarnej nauki. M. 1923. 336 s.

26. Rabochij sud. 1924. № 15. S. 212-213.

27. Reformirovanie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: teoreticheskaya model'. Moskva-Ryazan'. APU FSIN, NII FSIN Rossii. 2009. 63 s.

28. *Savrasov L.A.* Prestuplenie i nakazanie v tekushchij perekhodnyj period // *Proletarskaya revolyuciya i pravo*. 1918. № 5-6.

29. *SZ SSSR*. 1924. № 24. St. 105.

30. *Sobranie kodeksov RSFSR*. Chetvertoe izdanie. M.: Yuridicheskoe izdanie NKYu RSFSR. 1927. S. 710-743.

31. *Sol'c A., Fajnblit S.* Revolyucionnaya zakonnost' i nasha karatel'naya politika. M.: Moskovskij rabochij. 1925. 122 s.

32. *Starosel'skij Ya.V.* Principy postroeniya ugolovnoj repressii v proletarskom gosudarstve // *Revoljuciya prava*. 1927. № 2. S. 83-105.

33. *SU RSFSR*. 1925. № 24. St. 174.

34. *SU SSSR*. 1929. № 72. St. 686.

35. *SU SSSR*. 1930. № 22. St. 248.

36. *Detkov M.G.* Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii. M.: Verdikt-1M. 1999. 448 s.

37. *Utevskij B.S.* ITK USSR // *Administrativnyj vestnik*. 1926. № 7-8. S. 40-45.

38. *Utevskij B.S.* Sovremennaya prestupnost' po dannym perepisi mest zaklyucheniya // *Administrativnyj vestnik*. 1928. № 1. S. 37-39.

39. *Utevskij B.S.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika. M. 1934. 258 s.

40. *Utevskij B.S.* Razvitie sovetskoj ispravitel'no-trudovoj politiki // *Trudy VSH MOOP SSSR*. 1967. Vyp. 16. S. 114-127.

41. *Utkin V.A.* Iz istorii stanovleniya sovetskoj sistemy postpenitenciar'nogo vozdejstviya // *Pravovye voprosy bor'by s prestupnost'yu*. Tomsk: izd-vo TGU. 1988. S. 68-75.

42. *Fajnblit S.* Liberal'naya boltovnya // *Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii*. 1928. № 35. S. 955-956.

43. *Hal'fin V.S.* Naselenie mest zaklyucheniya RSFSR v 1924-1925 g.g. // *Administrativnyj vestnik*. 1926. № 4. S. 17-21.

-
44. *Shestakova A.* О некоторых поправках к ИТК // *Administrativnyj vestnik.* 1927. № 10. S.21-26.
45. *Shirvindt E.G.* Penitenciarnoe delo v RSFSR v 1924-1925 godu // *Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii.* 1925. №30. S.1529-1533.
46. *Shirvindt E.G.* Bol'she vnimaniya kul'turno-vospitatel'noj rabote // *Administrativnyj vestnik.* 1928. № 7. S. 5-8.
47. *Shirvindt E.G.* К итогам S"ezda administrativnyh rabotnikov // *Administrativnyj vestnik.* 1928. №6. S. 4-9.
48. *Enciklopediya Gosudarstva i prava.* Pod red. P. Stuchki. T.III.M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu RSFSR. 1925-1927. 1022 s.
49. *Yu. B.* Sovetskij patronat // *Pravo i zhizn'.* 1925. 32-3. S. 99-103.

Сведения об авторе

Уткин Владимир Александрович: Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, Российская Федерация), заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института; ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), профессор кафедры организации исполнения наказаний, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: crim_tsu@mail.ru.

Information about the author

Utkin Vladimir Alexandrovich: National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Head of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology of the Law Institute; omsk Institute of the professional development of employees of the FPS of Russia (Tomsk, Russian Federation), Professor of the Department of Organization of Execution of Punishments, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: crim_tsu@mail.ru.

УДК 343.847

В. Е. Южанин, Д. В. Горбань

ПРОГРЕССИВНЫЕ ИДЕИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ПО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1924 ГОДА

В представленной научной статье предпринимается попытка комплексного изучения прогрессивных идей исполнения уголовных наказаний по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года.

В рамках изучения исторического опыта проведен сравнительный анализ с

© Южанин В.Е., Горбань Д.В., 2024

© Yuzanin V.E., Gorban D.V., 2024

действующим уголовно-исполнительным законодательством, а также предложены меры по внедрению некоторых положительных идей в современный исправительный процесс.

В статье рассмотрены подходы советских и современных ученых-пенитенциаристов, обращавшихся к проблемам прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний, в том числе, в аспекте изучения указанных идей по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года.

Сделан вывод о том, что содержание и сущность прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года имели двойственную природу: во-первых, дифференциация осужденных осуществлялась по исправительно-трудовым учреждениям разных типов, а во-вторых происходило разделение осужденных, на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно.

Рассмотрены элементы прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний по ИТК РСФСР 1924 года в отдельных видах учреждений: трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные колонии и переходных исправительно-трудовых домах.

Отдельно в научной статье изучено распределение осужденных по ИТК РСФСР 1924 года на категории и разряды. ИТК РСФСР 1924 года предусматривал три категории осужденных (первую, вторую, третью) и три разряда: начальный, средний и высший. Для каждой категории и разряда законодательством устанавливалось особое правовое положение осужденных отличное друг от друга, что воплощало на практике идеи прогрессивной системы.

Ключевые слова: осужденный, исправление, исполнение наказаний, прогрессивная система, ИТК РСФСР 1924 года.

V. E. Yuzanin, D. V. Gorban

PROGRESSIVE IDEAS FOR THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES ACCORDING TO THE CORRECTIONAL LABOR CODE OF THE RSFSR OF 1924

The presented scientific article attempts to comprehensively study the progressive ideas of the execution of criminal penalties under the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924. As part of the study of historical experience, a comparative analysis was conducted with the current penal enforcement legislation, and measures were proposed to introduce some positive ideas into the modern correctional process.

The article examines the approaches of Soviet and modern penitentiary scientists who addressed the problems of the progressive system of execution and serving of criminal sentences, including in the aspect of studying these ideas on the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.

It is concluded that the content and essence of the progressive system of execution of criminal penalties under the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 were of a dual nature, firstly, the differentiation of convicts was carried out in correctional labor institutions of different types, and secondly, there was a division of convicts into categories, with transfer from lower to higher and back.

The elements of a progressive system of execution and serving of criminal penalties

under the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 in certain types of institutions are considered: labor agricultural, craft and factory colonies and transitional correctional labor houses.

Separately, the scientific article examines the distribution of convicts by the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 into categories and categories.

The Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924 provided for three categories of convicts (first, second, third) and three categories: primary, secondary and higher. For each category and category, the legislation established a special legal status of convicts different from each other, which embodied in practice the ideas of a progressive system.

Keywords: convict, correction, execution of punishments, progressive system, the Correctional Labor Code of the RSFSR of 1924.

Идеи прогрессивности исполнения отдельных видов уголовных наказаний, в том числе, и наказания в виде лишения свободы, привлекают внимание ученых и практиков на протяжении достаточно длительного периода времени. В пенитенциарной науке эти идеи объединены понятием «прогрессивная система» исполнения и отбывания уголовных наказаний [1].

В юридической литературе любое изменение правового статуса осужденного в сторону смягчения или ужесточения режимных правил принято называть прогрессивной системой исполнения наказания.

В настоящее время термин «прогрессивная система» гораздо чаще встречается в научной литературе, нежели в правовых актах (законодательное понятие прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания на сегодняшний день отсутствует). Естественно, что разные авторы вкладывают в него различный смысл.

Сущность прогрессивной системы, на наш взгляд, наиболее полно охарактеризовал Б. С. Утевский.

По его мнению, это система отбывания наказания, основанная на переводе исправляющегося осужденного на менее строгий режим и, таким образом, на все большем приближении к условиям жизни на свободе [9, с. 100].

А. Б. Скаков высказывает позицию о том, что в наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как

организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения [8, с. 17].

В. А. Уткин отмечает, что можно судить о достоинствах и недостатках прогрессивной системы отбывания наказания в каждый конкретный период существования УИС. Прогрессивная система возможна и эффективна не в условиях «тюрьмизации», а в «мультирежимных» и «гибридных» учреждениях [12, с. 59].

Таким образом, прогрессивная система отбывания наказания является условной теоретической конструкцией, имеющей конкретно-историческое происхождение. В науке до сих пор не выработано ее точное общепринятое определение, не установлены четкие границы и содержание.

Современная прогрессивная система исполнения лишения свободы предусматривает ступенчатый порядок постепенного изменения условий отбывания наказания в лучшую сторону. Прогрессивная система тесно связана с положительным поведением осужденных к лишению свободы.

Базовые положения прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний заложены в действующем уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации, в том числе,

и в подзаконных нормативных правовых актах.

Так, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года акцентирует внимание на необходимости совершенствования воспитательной и психологической работы с осужденными, которое будет направлено на их исправление, как одну из основных целей исполнения уголовных наказаний, и в том числе наказания в виде лишения свободы.

Анализ возникновения и развития института прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний показывает его глубокие исторические корни и отдельные положительные идеи (положительный опыт) на различных этапах его зарождения, развития и совершенствования.

В связи с изложенным, ретроспективный анализ прогрессивных идей исполнения уголовных наказаний, и, в том числе, наказания в виде лишения свободы необходим для наиболее полного и качественного определения путей дальнейшего его развития и совершенствования.

Также исторический анализ помогает более широко взглянуть на современные проблемы института прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний, увидеть как истоки рассматриваемых проблем, так и дальнейшие пути и перспективы их решений.

Указанный анализ имеет не только теоретическое и познавательное, но и практическое значение, так как позволяет творчески использовать накопленный историей опыт и избежать многочисленных ошибок и просчетов, которые имели место в недавнем прошлом.

До начала XX века в российской тюремной системе имелись только «намеки» на прогрессивную систему.

Как отмечал С.В. Познышев, черты этой системы были слишком слабо намечены законом. Ввиду недостаточности и по-

стоянного переполнения мест заключения, а также ввиду совершенной непригодности большинства тюремных зданий для пенитенциарных целей, подразделения (деление) осужденных на «испытуемых», «обыкновенных» и «исправляющихся» имели минимальное практическое значение [5, с. 125].

Если обратиться к пенитенциарному законодательству России советского периода, то можно обнаружить достаточно четкие элементы англо-ирландской прогрессивной системы, в том числе, указанные идеи были воплощены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года (далее – ИТК РСФСР 1924 года, Кодекс).

Как отмечает М. П. Мелентьев, в ИТК РСФСР 1924 года четко просматривались элементы англо-ирландской прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний [3, с. 29].

Разработка проекта и принятие ИТК РСФСР 1924 года были обусловлены вступлением в силу Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Проект Кодекса был обсужден на Первом Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела в 1923 году и утвержден Второй сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 года.

И. В. Упоров и А.А. Трачук называют ИТК РСФСР 1924 года самым гуманным уголовно-исполнительным законом в правовой истории России [11, с. 616].

Как отмечает А. Л. Сантасов, Кодекс предусматривал классическую, но усовершенствованную систему исполнения лишения свободы. Идеи, заложенные в ИТК РСФСР 1924 года, были основаны на разработках и вкладе в науку ряда ученых, занимавшихся проработкой вопросов прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний в ряде зарубежных стран. К таким ученым, несомненно, можно отнести С. В. Познышева, В. Р. Якубсона и Б. С. Утевского [7, с. 192].

В связи с этим в ИТК РСФСР 1924 года были заложены и реализованы

идеи дифференциации исполнения наказаний, в том числе дифференциации мест заключения и дифференциации осужденных.

Как указывает М. О. Окунева, вопросы исполнения отдельных видов уголовных наказаний по ИТК РСФСР 1924 года решались, в том числе, с учетом классового подхода и социальной принадлежности осужденных [4, с. 76].

В статье 7 ИТК РСФСР 1924 года указывалось, что применение мер социальной защиты в исправительно-трудовых учреждениях организовывалось по прогрессивной системе, соответственно которой заключенные подвергались различному режиму. Для реализации указанных целей осужденные распределялись по исправительно-трудовым учреждениям разных типов, а также разделялись в них на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях.

Также упоминание прогрессивной системы было закреплено в статье 50 ИТК РСФСР 1924 года. В указанной правовой норме отмечалось, что режим в местах заключения строился по прогрессивной системе так, чтобы, в зависимости от характера и свойств заключенных и продолжительности их пребывания в том или ином исправительно-трудовом учреждении, они могли в большей или меньшей степени проявлять свою самостоятельность и инициативу.

Как отмечал в своих работах Ю. М. Ткачевский для практической реализации идей прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний осужденные разделялись:

во-первых, по исправительно-трудовым учреждениям разных типов;

во-вторых, на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно [10, с. 95].

Рассмотрим два указанных вида дифференциации более подробно.

Согласно статье 46 ИТК РСФСР 1924 года места заключения разделялись на:

1) учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера:

а) дома заключения;

б) исправительно-трудовые дома;

в) трудовые колонии – сельско-хозяйственные, ремесленные и фабричные;

г) изоляторы специального назначения;

д) переходные исправительно-трудовые дома.

2) учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера:

а) трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей;

б) трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи.

3) учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера:

а) колонии для психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных;

б) институты психиатрической экспертизы, больницы и т.п.

Согласно статье 100 ИТК РСФСР 1924 года в целях правильного и планомерного видоизменения режима для разных групп лишенных свободы, все срочные заключенные, в зависимости от результата исправительно-трудового воздействия на них, подразделялись на следующие три разряда:

1) начальный;

2) средний;

3) высший.

Согласно статье 101 ИТК РСФСР 1924 года при переводе из одного разряда в другой различались три категории заключенных:

первая категория - подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией (п. 4 ст. 47 ИТК РСФСР 1924 года);

вторая категория – профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не принадлежат к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов;

третья категория – все остальные заключенные, которые не отнесены ни к первой, ни ко второй категориям.

Таким образом, по ИТК РСФСР 1924 года большая часть осужденных, в зависимости от результата исправительно-трудового воздействия на них, подразделялась на разряды с возможностью их изменения. Указанные положения ИТК РСФСР 1924 года определяли сущность и содержание прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Далее рассмотрим вопросы реализации идей прогрессивной системы в отдельных видах мест заключения по ИТК РСФСР 1924 года.

Интересными видами мест заключения в плане исследования вопросов практической реализации идей прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний, на наш взгляд, являются трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные колонии.

В них содержались заключенные, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше пяти лет, если приговором суда было установлено, что принадлежа к трудящимся, они по неосознанности совершили преступление в первый раз, случайно или вследствие тяжелых материальных условий, и если они не внушают опасений в смысле побега.

Особенностью данных колоний являлось то, что в них заключенные содержались без строгой изоляции.

В главе первой раздела четвертого ИТК РСФСР 1924 года описывались правила содержания в рассматриваемых видах колоний.

Режим в рассматриваемых видах исправительных учреждениях должен был

приближаться к условиям работы и порядку в соответствующих хозяйственных организациях для свободных граждан.

Вторым видом мест заключения интересным в рамках исследования вопросов прогрессивной системы по ИТК РСФСР 1924 года являются переходные исправительно-трудовые дома.

Согласно статье 156 Кодекса переходные исправительно-трудовые дома имели целью «испытание заключенных, отбывших часть срока лишения свободы в другом исправительно-трудовом учреждении, с тем, чтобы в обстановке полусвободного режима установить, насколько они приспособлены к свободной жизни».

Первые такие дома в РСФСР были организованы в 1922 году. Так, из материалов Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства нам известно о деятельности Ивановского переходного исправительно-трудового дома в Москве и переходных домов в других районах страны в 1922-1923 годы.

Согласно «Положения о переходных исправительных домах» их задачами являлось исправление лиц, не нуждающихся в более суровом режиме, и подготовка их к вступлению в ряды трудящихся по выходе из переходного исправительного дома. Для этого вся работа с осужденными была максимально индивидуализирована.

Рассматриваемый вид исправительных учреждений и режим в нем очень напоминают переходные дома, созданные в первой половине XIX в ирландской прогрессивной системе исполнения лишения свободы В. Крофтоном.

В данных переходных домах заключенным разрешался выход на работу без конвоя и свободное общение с внешним миром, что, на наш взгляд, несомненно, эффективно способствовало их успешной социальной адаптации к свободной жизни.

Интересной особенностью переходных домов по ИТК РСФСР 1924 года было

то, что в них могли приниматься освобожденные из мест заключения по ходатайству комитетов помощи при условии практически полного подчинения существующему в данных переходных домах режиму содержания и трудовой дисциплине [13, с. 25].

Предназначение переходных исправительно-трудовых домов заключалось в том, чтобы в обстановке полусвободного режима установить, насколько заключенные приспособлены к свободным условиям жизни. Они были очень схожи с существующими в нынешней системе исправительных учреждений России колониями-поселениями.

Ослабление изоляции заключенных в переходных исправительно-трудовых домах заключалось в следующем:

они могли свободно в течение дня передвигаться по территории в пределах места заключения;

им разрешались отлучки из данных мест заключения в установленные дни отдыха с вечера кануна дня отдыха до утра следующего за ним дня;

они могли быть посланы без надзора по разным поручениям за пределы места заключения;

они ежедневно без конвоя направлялись на работу в учреждения и предприятия и по окончании нее возвращались в переходный исправительный дом.

Но тем не менее, исправительно-трудовые дома подвергались критике некоторых ученых пенитенциаристов того времени. Они считали излишним существование «особых» переходных исправительно-трудовых домов, мотивируя это трудностями создания их сети.

Данные ученые считали целесообразным создание в общих исправительно-трудовых домах высшего разряда – «переходных отделений». Тем самым, поддерживая в принципе и прогрессивную систему, и так называемое «переходное звено» этой системы.

Как уже было указано нами выше,

ИТК РСФСР 1924 года делил всех осужденных на категории и разряды и устанавливал для них определенные условия отбывания лишения свободы по прогрессивной системе.

Кодекс предусматривал три категории осужденных (первую, вторую, третью) и три разряда: начальный, средний и высший. Чем выше были категория или разряд осужденных, тем шире устанавливался их правовой статус и правовое положение.

Осужденные высшего разряда содержались в специальных, отведенных только для них, отделениях и могли пользоваться правом свободного передвижения по данному отделению в течение всего дня.

Данные отделения, на наш взгляд, по режиму содержания похожи на открытые отделения при закрытых тюрьмах некоторых зарубежных государств.

Как отмечают некоторые авторы, открытые отделения при закрытых Германских тюрьмах являются прообразом института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений [2, 6].

Соответственно, содержание осужденных в специализированных отделениях по ИТК РСФСР 1924 года можно рассматривать в качестве формы современного института проживания осужденных вне колонии, закрепленного в статьях 121, 129, 133 УИК РФ.

Процедурные вопросы реализации указанного правового института закреплены в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 года № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Таким образом, проведенный анализ прогрессивных идей исполнения уголовных наказаний по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 года позволил

нам сделать ряд важных научных выводов:

1) в Кодексе закреплялась много-ступенчатая эффективная прогрессивная система отбывания уголовных наказаний, в частности, лишения свободы, которая предусматривала постепенный переход осужденных в зависимости от поведения в более строгие условия либо в условия полусвободного режима;

2) Кодекс предусматривал ослабление изоляции некоторых категорий осужденных, возможность их нахождения за пределами исправительных учреждений определенный период времени, что, на наш взгляд, способствовало их социальной адаптации к условиям жизни на свободе и являлось одним из элементов прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний;

3) прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний по ИТК РСФСР 1924 года включала в себя два компонента: дифференциация видов исправительных учреждений и дифференциация условий отбывания наказания внутри одного учреждения;

4) наиболее полно элементы про-

грессивной системы реализовывались в следующих видах учреждений: трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные колонии; переходные исправительно-трудовые дома;

5) Кодекс предусматривал три категории осужденных (первую, вторую, третью) и три разряда: начальный, средний и высший. Для каждой категории и разряда законодательством устанавливалось особое правовое положение осужденных отличное друг от друга, что воплощало на практике идеи прогрессивной системы;

6) в целом, закрепленная в ИТК РСФСР 1924 года прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний носила черты и была основана на англо-ирландской прогрессивной системе;

7) в рамках имплементации идей и элементов прогрессивной системы, закрепленных в ИТК РСФСР 1924 года в действующее законодательство заслуживает внимание практика создания самостоятельных отделений для осужденных высшего разряда, в которых они отбывали наказание.

Литература

1. *Savushkin S. M., Khramov A.A., Agabekian A.L.* The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(6), 1153–1162.

2. *Дибиров М.Т.* Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (по материалам республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 2006. 211 с.

3. *Мелентьев М.П.* Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки. Рязань, 2000. 165 с.

4. *Окунева М.О.* Классовый подход в советском праве (1917-1927) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 74-82.

5. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.

6. Проблемы ресоциализации осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы (пенитенциарный аспект): монография / Данилов Д.Д., Радочина Т.Н., Рахмаев Э.С. Рязань, 2010. 112 с.

7. *Санташов А.Л.* Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. // Вестник Влади-

мирского юридического института. 2007. № 3 (4). С. 191-194.

8. Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве республики Казахстан: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Астана. 2004. 41 с.

9. Советское исправительно-трудовое право. Учебное пособие. М., 1960. 278 с.

10. Ткачевский Ю.М. Избранные труды. Санкт-Петербург, 2010. 595 с.

11. Упоров И.В., Трачук А.А. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников в нормах ИТК РСФСР 1924 года // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 615-620.

12. Уткин В.А. Ресоциализация и прогрессивная система // Новый юридический журнал. № 3. 2012. С. 53-60.

13. Шевченко А.Е. Прогрессивно-регрессивная система исполнения уголовных наказаний: дис. ... канд. юр. наук. 2002. Краснодар. 196 с.

References

1. Savushkin S. M., Khramov A.A., Agabekian A.L. The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2024, 17(6), 1153–1162.

2. Dibirow M.T Problemy social'noj adaptacii lic, osvobozhdennyh iz ispravitel'nyh uchrezhdenij (po materialam respubliki Dagestan): dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan'. 2006. 211 s.

3. Melent'ev M.P. Vozniknovenie i razvitie penologii i penitenciarnoj nauki. Ryazan', 2000. 165 s.

4. Okuneva M.O. Klassovyy podhod v sovetskom prave (1917-1927) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2017. № 5. S. 74-82.

5. Poznyshchev S.V. Osnovy penitenciarnoj nauki. M., 1923. 342 s.

6. Problemy resocializacii osuzhdennyh zhenshchin, odbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody (penitenciarnyj aspekt): monografiya / Danilov D.D., Radochina T.N., Rahmaev E.S. Ryazan', 2010. 112 s.

7. Santashov A.L. Differenciaciya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih po ITK RSFSR 1924 i 1933 gg. // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. 2007. № 3 (4). S. 191-194.

8. Skakov A.B. Progressivnaya sistema ispolneniya lisheniya svobody i ee otrazhenie v novom zakonodatel'stve respubliki Kazahstan: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Astana. 2004. 41 s.

9. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Uchebnoe posobie. M., 1960. 278 s.

10. Tkachevskij Yu.M. Izbrannye trudy. Sankt-Peterburg, 2010. 595 s.

11. Uporov I.V., Trachuk A.A. Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih prestupnikov v normah ITK RSFSR 1924 goda // Zametki uchenogo. 2021. № 5-1. S. 615-620.

12. Utkin V.A. Resocializaciya i progressivnaya sistema // Novyj yuridicheskij zhurnal. № 3. 2012. S. 53-60.

13. Shevchenko A.E. Progressivno-regressivnaya sistema ispolneniya ugolovnyh nakazaniy: dis. ... kand. jur. nauk. 2002. Krasnodar. 196 s..

Сведения об авторах

Южанин Вячеслав Ефимович: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: yuzhanin1950@mail.ru.

Горбань Дмитрий Владимирович: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Пушкин, Российская Федерация), начальник кафедры организации режима юридического факультета, кандидат юридических наук. E-mail: dimas8807@mail.ru.

Information about the authors

Yuzhanin Vjacheslav Efimovich: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation), professor of the department of criminal law and criminology of the faculty of law, doctor of law, professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation. E-mail: yuzhanin1950@mail.ru.

Gorban Dmitry Vladimirovich: Federal State Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service» (Pushkin, Russian Federation), head of the department of the organization of the regime, faculty of law, candidate of law. E-mail: dimas8807@mail.ru.

Авторам

Периодичность выхода сетевого издания «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России» - четыре раза в год.

Члены редакционной коллегии являются ведущими специалистами в области юриспруденции, педагогики и других отраслей науки.

Рубрики журнала:

- право;
- управление;
- психология;
- педагогика.

Требования к оформлению статей:

- формат документа - А4;
- объем - от 10 до 15 страниц;
- формат файла - .doc (.docx);
- шрифт - Times New Roman, 14 кегль;
- межстрочный интервал - одинарный;
- выравнивание основного текста статьи - по ширине страницы;
- поля: верхнее, нижнее - 2 см, правое, левое - 2,5 см;
- абзацный отступ - 1,25 см, абзацный отступ заголовков - 0;
- оформление сносок - внутритекстовое (в квадратных скобках).

Текст статьи должен быть набран без форматирования и нумерации страниц.

Автор должен в начале статьи указать индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), соответствующий тематике и научно-отраслевой принадлежности статьи.

Заголовок статьи должен быть представлен на русском и английском языках. Заголовок не должен иметь слишком большого объема (1–3 строки) и должен максимально четко отражать содержание статьи.

Статья должна быть снабжена аннотацией (рефератом) на русском и английском языках. Аннотация (реферат) к статье

должна быть: информативной; оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (объем аннотации - от 120 до 250 слов). Аннотация (реферат) должна кратко отражать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель; методологию; результаты; область применения результатов; выводы. При составлении аннотации (реферата) рекомендуется следовать положениям ГОСТ 7.9-95 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация».

Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5-7). Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования.

Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белом, возможно в цветном, исполнении.

Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

Таблицы и рисунки нумеруются, если их число более одного.

Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Список литературы должен быть представлен на русском и английском языках.

Список литературы на английском языке располагается после списка литерату-

ры на русском языке, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке (не в порядке упоминания источника в тексте) и предваряется словом «References». Описание источника на английском языке должно иметь следующую структуру:

фамилия, инициалы автора(ов) (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русско-язычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Нормативные документы (кроме узкоспециализированных, опубликованных в научных и учебных изданиях, хранящихся в архивах и др., недоступных через открытые интернет-ресурсы и специализированные правовые системы и базы данных) в список литературы не включаются, их описание дается непосредственно в тексте статьи, источник опубликования не указывается.

В тексте должны использоваться только сокращения, предусмотренные ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование общеупотребительных аббревиатур. В случае использования узкоспециализированной или авторской аббревиатуры при первом ее употреблении в тексте приводится расшифровка, например: уголовно-исполнительная система (далее - УИС), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ).

Примечания и сноски оформляются непосредственно в тексте в круглых скобках курсивом.

На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества

авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

Материалы направляются ответственному секретарю редколлегии по электронной почте с пометкой «Вестник» в виде прикрепленного файла (например: Иванов И.И.doc).

Автор, подавший статью для публикации в сетевом издании «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России», тем самым выражает свое согласие на опубликование в журнале (в открытом свободном доступе на сайте <http://tifsin.ru/>) его фамилии, имени, отчества полностью, места работы и должности, сведений об ученой степени (ученом звании), адреса электронной почты, иных личных данных, которые автор считает необходимым указать. Автор несет ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат. Авторское вознаграждение не выплачивается. Все статьи проходят процедуру рецензирования. По решению редколлегии материалы могут быть отклонены; рецензия высылается по запросу автора.

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Материалы, не соответствующие установленным требованиям, к публикации не принимаются.

TO AUTHORS OF ARTICLES

Periodicity of an output of the online edition «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the federal penal service of Russia» is four times a year. The members of the editorial board are leading experts in the spheres of law, pedagogics and other branches of science.

Headings of the online edition:

- theory and history of law and state; history of doctrines about the law and the state;
- civil law; enterprise right; family law;
- criminal law and criminology; penal law;
- criminal trial;
- international law; European law;
- judicial activity, public prosecutor's activity, human rights and law-enforcement activity;
- criminalistics; judicial and expert activity; operational search activity;
- reviews, responses;
- science events.

The requirements to registration of articles:

- size - A4;
- volume - from 5 to 20 pages;
- format - .doc (.docx);
- font - Times New Roman, the 14th size;
- line spacing - unary;
- alignment of the text on page width;
- fields: top, bottom - 2 cm; right, left - 2,5 cm;
- paragraph space - 1,25 cm.

Article has to be supplied with the UDC code and summary (abstract) in Russian and English. The summary (abstract) to article has to be informative; the original; substantial (to reflect the main contents of article and results of researches); structured (follow logic of the description of results in article);

compact (summary volume - from 120 to 250 words). The summary (abstract) has to reflect the following aspects of the contents of article briefly: subject, purpose; methodology; results; scope of results; conclusions. (By drawing up the summary (paper) the system of standards according to information, library and to publishing is recommended to follow provisions state standard specifications).

Article has to be supplied with keywords in Russian and English (the recommended quantity of keywords – 5-7). Keywords serve for the automated information search and have to reflect as the general, and private aspects of results of the research presented in article.

Drawings and signatures to them settle down directly in the text. Drawings have to have the .jpg format, allow movement in the text and possibility of reduction of the sizes, in black-and-white execution. The objects created by means of Microsoft Office have to allow possibility of editing.

Tables and drawings are numbered, if their number is more than one.

References to the quoted literature are given in square curves.

The list of references has to be submitted in Russian and English.

The list of references in the Russian settles down after the text of article, is numbered (starting with the first number) in alphabetical order (not as a mention of a source in the text), is preceded by the word «Литература». At one number it is admissible to specify only one source.

The list of references in English settles down after the list of literature in Russian, is numbered (starting with the first number) in an alphabetic order (not as a mention of a source in the text) and is preceded by the word «References». The description of a source in English has to have the following structure: surname, initials authors (transliteration), the name of article in the transliterated option [the translation of the name of article into

English in square brackets], the name of a Russian-speaking source (transliteration) [the translation of the name of a source into English], the output data with designations in English.

Normative documents (except highly specialized, published in the scientific and educational publications which are stored in archives, etc. inaccessible through open Internet resources and specialized legal systems and the *bazy dannykh*) don't join in the list of literature, their description is given directly in the text of article, the source of publication isn't specified.

Use of common abbreviations is allowed. In case of use of a highly specialized or author's abbreviation at its first use interpretation, for example is given in the text: penal system (further - PS), the Criminal Code of the Russian Federation (further - CC of RF).

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

On the last page of article the published data on authors in the Russian and English languages are specified: the full name of establishment where research is executed; surnames, names and middle names of authors completely; academic degree, rank, position, place of work, number of contact phones, e-mail addresses of all authors.

Materials go to the responsible secretary of an editorial board by e-mail: gurnal-tomsk@gmail.ru with a mark «Bulletin» in the form of the attached file (for example: Ivanov I.I.doc).

The author who submitted the article for publication in the online publication «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia», thereby expresses the consent in an open free access on the <http://tifsin.ru/> websites its surname, a name, a middle name completely, places of work and a position, data on a scientific degree (academic status), e-mail addresses, other personal data which

the author considers necessary to specify. The author bears responsibility for reliability of used materials, accuracy of quotes. Award isn't paid. All articles undergo reviewing procedure. According to the solution of the editorial board materials can be rejected; the review is sent at the request of the author.

Edition reserves the right for modification and reductions. The materials which aren't conforming to established requirements, to the publication aren't accepted.

сетевое издание

ВЕСТНИК

Томского института повышения
квалификации работников
ФСИН России

научно-популярный журнал

№ 2 (20) / 2024
апрель — июнь

Ответственный за выпуск: С.М. Савушкин
Технический редактор: А.А. Мамонтова

Дата опубликования: 28.06.2024.

ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России
634057, Томская обл., г. Томск, ул. Говорова, 10
e-mail: institut@70.fsin.gov.ru